

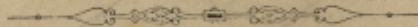
ЦЕНТРАЛНА
НАРОДНА БИБЛИОТЕКА
БЕОГРАД
INV. 541 III - 39/2

Князь Дм. Голицынъ (Муравлинъ).

УСИЕНА МОРА

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ЧЕРНОГОРИИ И ДАМАТОНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

Съ 228 автогипнотизми, неизменными по фотографическимъ снимкамъ
Его Свѣлости Князя Мирко Черногорскаго, В. А. Хрщоновича, А. П. Матвѣевскаго и др.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.

Чого же астрѡда:

Теноръ	1 р. 50 к.
Позѡн	1 » 75 »
Мракъ	1 » 75 »
Хвѡръ	1 » 50 »
Около любви	2 » — »
Рубѡн	1 » 75 »
Дѣти	1 » 50 »
Китѡн	1 » 25 »
Не уби	— » 20 »
Судъ идеъ	1 » 25 »
Въ толѡвъ	1 » 50 »
Буди	1 » — »
Баба	1 » 50 »

——————

У СИНА МОРЯ.

У вѣхода въ Моторскіа Боями.

I.

ОПЯТЬ въ Черногорію удивлялись многіе, слыша отъ меня, что я собираюсь побывать въ третій разъ въ прелестномъ приадріатическомъ княжествѣ. И что за охота ѣздить въ дикіе краи?

По моему, бывать часто въ Черногоріи несколько не болѣе странно, чѣмъ ежегодно посѣщать Трувилъ, Мектону и Остенде,—и я, наоборотъ, полагаю, что сдѣлаетъ удивленіе тому, какъ русскіе туристы, столь усердно проверяющіе росписанія поѣздовъ западно-европейскихъ желѣзныхъ дорогъ, считаютъ невѣроятнo затруднительнымъ отказаться отъ маршрутовъ, завѣщаемыхъ имъ по наслѣдству дѣдами, когда поѣздки въ Ниццу считались образовательными, а Швейцаріа числилась, согласно кругозору прежнихъ лѣтъ, наиболѣе красивою странкою въ мірѣ. Съ тѣхъ поръ, конечно, русскій путешественникъ сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи. По колѣбъ обычнаго туризма, онъ посѣщаетъ Испанію, Аликиръ, Сицилію и Бельгію. Если онъ поощажаетъ, то доѣзжаетъ до Египта, въ рѣдкихъ случаяхъ добирается до Америки или до Индіи. Но и въ этихъ путешествіяхъ онъ придерживается торныхъ дорогъ, проложенныхъ перенидами странствующихъ англичанъ изъ мелочныхъ торговцевъ. Всякое отклоненіе отъ шаблона его пугаетъ, словно

ему никакъ не полагается брать на свою ответственность что-либо похожее на происшествіе. При такихъ условіяхъ, очевидно, русскому путешественнику не приходится заглядывать въ Черногорію и еще не близко то время, когда онъ убѣдится, что это—сдѣлали не самая красивая страна въ Европѣ, что добхать туда легче, нежели въ Неаполь или Ниццу, и что культурность края болѣе чѣмъ достаточна для того, чтобы дать туристу возможность обставить свое странствіе надлежащими удобствами. Мы, напримѣръ, приходилось бывать тамъ съ семьей, и въ осложненіи, свойственныя перелазженіямъ съ дамами и дѣтьми, развѣзались, во всякомъ случаѣ, не менѣе удовлетворительно, чѣмъ въ Южной Италіи. И я думаю, что наши молниеносные фельетонисты, успѣшно выжимающіе изъ своихъ скитаній по курортамъ необходимое для нихъ количество интересныхъ строкъ, нашей бы прекрасное примѣненіе для своей наблюдательности въ живописномъ славянскомъ княжествѣ, удерживаемъ красивыя черты патриархальнаго быта. Я не считаю послѣднюю для себя задачей—убѣдить нашу публику въ томъ, что въ Черногорію вѣдуть слѣдуетъ. За это, я надѣюсь, примутъ другіе, болѣе авторитетные, нежели я. Если, напримѣръ, побываетъ въ Черногоріи Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко, то это, я увѣренъ, будетъ для княжества положительнымъ счастьемъ, такъ какъ В. И. въ качествѣ наиболее даровитаго изъ нашихъ писателей природы—составившаго, можно сказать, карьеру Испаніи,—сумѣлъ бы вызвать движеніе путешественниковъ и къ Черной Горѣ. Здѣсь я ограничусь попыткой объяснить, почему и съ такимъ удовольствіемъ постигаю Черногорію.

Мы кажется, для некакого, кто прикованъ работою къ Петербургу, кто вынужденъ почти круглый годъ проводить въ полумракѣ сѣвера, на мерзломъ нидерландскомъ болотѣ,—создается болѣзненная потребность урваться хоть на короткое время туда, гдѣ солнце свѣтитъ ярко, гдѣ природа—красота, гдѣ небо и море—снѣга. Конечно, красивый край, одаренный отличнымъ климатомъ, имѣются и въ Россіи, но жить въ нихъ не всегда хорошо, въ чемъ и имѣлъ много разъ возможность убѣдиться, странствуя по Крыму и Закавказью. Тамъ встрѣчаешься либо съ поразительною дороговизной, либо съ полнымъ отсутствіемъ удобствъ,—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дороговизна и неудобства совпадаютъ. Вѣроятно, придется намъ дожидаться прілива иностранныхъ капиталовъ и той поры, когда заграничныя предпріимчивыя компании снабдятъ берега Чернаго моря всѣмъ подробностями настоящаго благоустройства. Пока, за кратковременнымъ отдыхомъ и за красотой приходится ѣздить за границу. И, очевидно, предпочтеніе должно быть дано наиболее красивой мѣстности, а такою является въ Европѣ Черногорія. Въ ней природа съ избыткомъ превышаетъ все то, чѣмъ мы любимъ въ Швейцаріи, въ Тиролѣ, на Комскомъ озерѣ, на Кавказѣ, въ Крыму, на Босфорѣ и на берегу Неаполитанскаго залива. Мы объ этомъ не забывали и не читали, между тѣмъ какъ постоянно читаемъ о прелестяхъ Ниццы.

Панорама въ Сербіи.

или Далматских долин. Отчего это происходит—не знаю, потому что въ Черногорию попасть очень легко; изъ Петербурга всего четыре дня пути, по чрезвычайно интересному маршруту (Будапештъ, Фіуме, Далматинское побережье).

Порталъ католической церкви
въ Дубровникѣ.

Но, кромѣ красоты, сила притяженія Черногоріи заключается и въ томъ, что она намъ родная. Тамъ чувствуешь себя точно въ какой-то особенной чуждой Русси, какъ бы у окна въ то ясное прошлое, когда мы еще не успѣли стереть съ себя родовыя черты славянства и замѣнить ихъ лихими обще-культурнаго шаблона. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ заключать, что наличие нѣсколько архаическихъ условій жизни тормозитъ прогрессъ мѣстныхъ жителей и что сохраненіе самобытности,—иногда по отношению къ мелочамъ, задерживаетъ культуру. На бѣлаго народнаго организма пасть лишь та цивилизація, которая соответствуетъ исконнымъ функциямъ этого организма, и только здоровая самобытность можетъ съ пользою переработать и подчинить себѣ плоды чужой культуры.

Въ славянскихъ племенахъ, населившихъ прибалканскіе склоны Балканскаго полуострова, намъ приходится видѣть культуру гораздо болѣе серьезную, нежели воображаютъ у насъ многіе, считающіе, напримѣръ, Черногорию «дикой» страной. Однако, черногорецъ, даже если онъ по-

лучить блестящее воспитаніе и образованіе въ Парижѣ, дорожить своимъ національнымъ костюмомъ, относясь къ нему словно какъ къ пластическому историческому документу, къ звену связи съ прошлымъ. Красота одѣянія не представляется ему суетной и недостойной, и онъ совершенно правъ, потому что никакая красота, сама по себѣ, достойна уваженія.

Далматинскій «интеллигентный» сербъ лишь за послѣднее время отказался отъ національной одежды, преимущественно потому, что условія борьбы съ австрійскимъ гнетомъ не таковы, чтобы всегда разумно было вышшими признаками отмѣчать свою преданность идеѣ славянства. Но и образованный черногорецъ, и далматинскій сербъ, оба являются настоящими культурными энтузиастами, едва-ли не лучшими въ семьяхъ славянскихъ южныхъ народовъ. Въ особенности это можно замѣтить относительно сербскаго населенія Далмаціи, Босніи и Герцеговины. Причину того, конечно, слѣдуетъ искать въ исторіи сербскаго народа, который уже при Душанѣ являлъ собою роскошный пунктъ славянства и достигъ высокой цивили-

Городская вырота въ Дубровникѣ.

запад, вследствие удачных позанмствований у таких соседей, как Византия и Венгрия. Несчастный 1389 годъ, принесшій славянству жестокое сражение Коссова поля, служилъ по-нынѣлатоку уничтоженію великаго сербскаго царства, и ѣкогда обнимавшаго теперешнюю Сербію, Эпиръ, Албанію, Македонію, Фессалію, Боснію, Сербію и Далматію. По расчлененіе географической и политической единицы турками не разрушило сербскаго національнаго духа. Сербь, какъ истые носители идеи славинства на югѣ, уже въ началѣ четырнадцатаго столѣтія достигли такого культурнаго развитія, которое оградило ихъ отъ ассимиляціи съ османліями. Надо помнить, что еще при Душанѣ, именовавшемся царемъ сербовъ и грековъ, у сербовъ появились свои «законодатель», хотя во многомъ и позанмствованный у византийцевъ, но, однако, въ значительной мѣрѣ принаровненный къ мѣстному обычному праву. Къ тому же времени относятся лучшія страницы народнаго эпоса, да и церковная письменность была богата. Годы политическаго могущества не могли пройти для сербовъ безслѣдно. Поэтому, разбойничье турецкое нашествіе не отразилось на сербахъ краственною гибелью. Сила движенія впередъ была уже достаточна, чтобы развитие продолжало идти дальше, хотя бы по инерціи и не смотря на традиціонно-разрушительныя стремленія челоноконстантинской Турціи. Пять столѣтій турецкаго владычества разорили и обезсилили и ѣкогда роскошныя сербскія провинціи, но сербскій духъ не палъ въ борьбѣ, а, напротивъ того, развился—болѣзненно-чуткій, словно детально обработанный и научившійся переносить бѣды. Когда Россія, возмущенная позорно-разбойничьимъ поведеніемъ Турціи, скинула свои полки на освобожденіе балканскихъ славянъ, когда Россія отдала безкорыстно сотни тысячъ жизней и много милліоновъ рублей на свитое дѣло, она не знала и не могла знать, что плоды ея побѣды достанутся не тѣмъ, ради которыхъ она приносила жертвы. Не предвидѣла она, что сирей Дизраэли и нѣмецъ Бисмаркъ опутаютъ ее въ паутинѣ хитрости, что въ Берлинѣ зальютъ чернилами пролитую православную кровь, что Felix Austria, прославившійся блескомъ своихъ «нуждальныхъ» побѣдъ, вступитъ, подъ охраною русскаго оружія, въ зрѣливо нелобосовѣстныхъ территорияхъ захватовъ.

Война 1877—1878 гг., поведенная къ созданію двухъ самостоятельныхъ славянскихъ небольшихъ державъ, оказалась, разумѣется, существеннымъ благодѣяніемъ для Болгаріи, которая, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, сумѣла какъ-бы завоюить собой на политическомъ горизонтѣ интересы сербскаго народа. Объ этомъ надо глубоко по-

Развалины грама въ Старчевѣ.

жалѣть, потому что, благодаря такому положенію дѣла, въ глазахъ нашего общества болгары явились какъ бы представителями всякаго славинства и его выразителями. Шайка управившихъ Болгаріей убійць и лгуновъ назвала въ насъ отвращеніе къ болгарамъ, которые, къ тому же, значительно ассимилировавшись съ турками, поимѣному, никогда не ощущали

большой преданности къ Россіи. Въ свое время, намъ Россія была необходима, какъ избавительница отъ турецкаго ига. Добившись освобожденія, они попытались доказать, что,

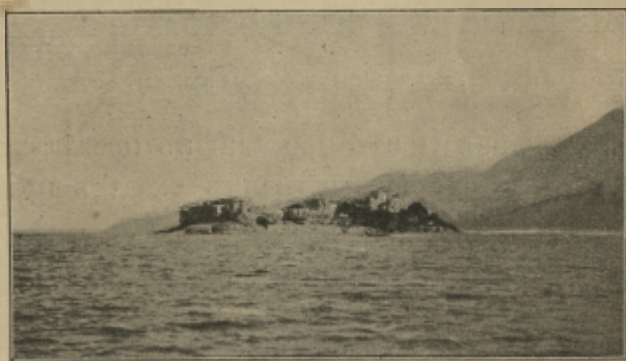

Домъ Драга въ Цетиньѣ.

но ихъ понятіемъ, наиболѣе рельефнымъ проявленіемъ самостоятельности должна почтаться неблагодарность. Справедливо возмущенное, общество наше позже подошло на «братушекъ» и, за-одно, отвернулось ото всего Балканскаго полуострова. Ослабѣло въ насъ сознаніе нашего родства съ сербами, и мы возложили на нихъ какъ бы отвѣтственность за свое разочарованіе, названное поведеніемъ болгаръ. Осложняющимъ обстоятельствомъ явилось также поразительное невѣжество

по вопросамъ, касающимся славянскихъ народностей. Мы очень часто, напримѣръ, приходилось, заговоривъ съ соотечественникомъ о Черногоріи, убѣждаться въ томъ, что онъ путаетъ ее съ Болгаріей, а Воеводину отводитъ мѣсто едва-ли не на границѣ Греціи. Большинство же пребываетъ въ той глубокой увѣренности, что никакой разницы между болгаринимъ и сербомъ не существуетъ, и что берлинскій трактатъ вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ возстановилъ Сербію. До известной степени совѣстно объ этомъ упоминать, но, между тѣмъ, фактически, очень немногимъ у насъ известно, что большинство сербовъ по-прежнему родины своей не получили и что знаменитый съѣздъ дипломатовъ на берегахъ Шпрее ознаменовался, въ сущности, полнымъ расчлененіемъ истинной Сербіи. То, что въ настоящее время называется Сербіею въ географическихъ учебникахъ, представляетъ лишь одну изъ окраинъ громадной территоріи, обнимающей область сербской культуры. Самое сердце Сербіи — Воеводина и Герцеговина, юридически оставшіеся турецкими провинціями, — фактически отдаю Австро-Венгріи.

Сербы Герцеговины и Воеводину перешли изъ-подъ турецкаго ярма подъ иго австрійское, отъ мусульманъ освободились и подпали власти воинствующихъ католиковъ, избавились отъ султана, но стали рабами Калая. Остальная же сербская территорія тѣснѣе по узкой полосѣ Далматинскаго побережья, въ тискахъ австрійскаго режима, и лишь ничтожная по своимъ размѣрамъ Черногорія по-прежнему отстаиваетъ сербскую независимость, закаленная въ борьбѣ и красно-грозная.

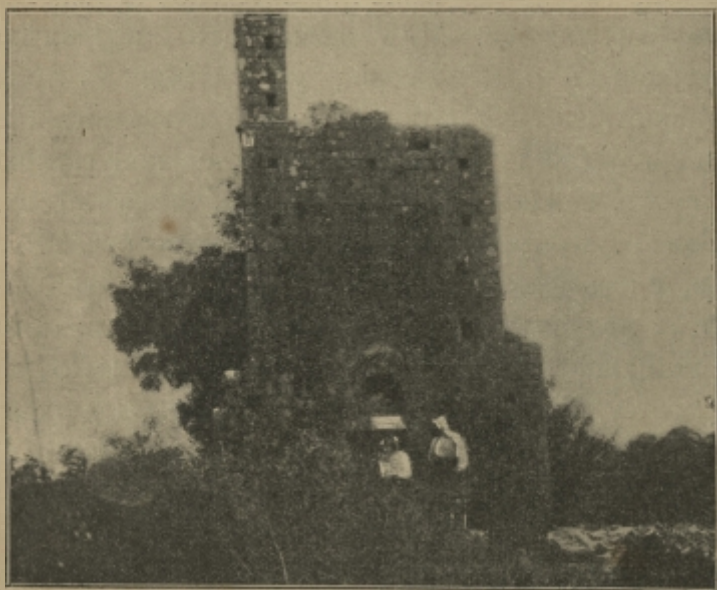
Островъ Лесина на Садрскомъ озерѣ.

II.

ОСПОЛЪЗОВАВШИСЯ безсрочною своихъ временныхъ полномочій, Австрія съумѣла укрѣпиться въ Сараевѣ и Мостарѣ, вѣдриться туда арміею чино-вниковъ и обиліемъ гарнизоновъ. Съ перваго же дня рѣшивъ, что оккупанція должна быть превращена въ захватъ, а захватъ въ окончательное завладѣніе, она построила свою мѣстную политику на слѣдующихъ главныхъ основа-ніяхъ:

1) *Сербское населеніе обѣихъ провинцій должно быть по возможности разобщено съ прочими частями сербскаго народа; для достиженія этой цѣли, помимо мѣръ администра-тивнаго угнетенія, сподвижникъ къ крайнему отбѣсению передвижскія, Каллай, въ качествѣ на-мѣстника, не останавливается ни предъ какими ухищреніями, даже предъ тѣми, которыя немного смѣшишь: онъ катримеръ, началъ съ изобрѣтенія боснійскаго языка. Желая внушить жителямъ Босніи, что ихъ не связываютъ съ сербами даже узы общности родной рѣчи, онъ присвоилъ ихъ языку оффиціальное названіе «боснійскаго», причемъ поминились*

Развалины церкви вблизи Сладзкого озера.

изданныя на казенный счетъ пре-восходными «боснійскими» грамматиками, столь умѣло составленными, что, въ настоящее время, онъ считается лучшимъ руководствомъ для изуче-нія искусства правильно читать и писать по сербски. Не всегда, однако, Каллай придерживался столь опи-бочныхъ изгладовъ на происхож-деніе населенія Босніи. Въ былое время, не будучи еще оффиціально приставленнымъ къ уничтоженію южнаго славянства, онъ написалъ и издалъ отличную исторію Сербіи, въ которой и не думалъ скрывать, что Боснія и Герцеговина населены сербами, а теперь Каллай-правитель

приказалъ изъять изъ продажи въ предѣлахъ этихъ провинцій сочиненіе Каллай-историка, потому что Каллай-историкъ сказалъ правду, а Каллай-правитель правду мадьяризи-руетъ.

2) *Правословіе, какъ религія, связующая духовно послѣднее громадное большинство сла-вянъ, должно быть угнетено въ лицѣ своихъ послѣдователей.*

Въ силу этого принципа, исповѣданіе православія является, въ подчиненныхъ шнабо-мадьярской гегемоніи славянскихъ краяхъ, источникомъ всевозможныхъ неблагополучій, мелкихъ «звексаций» и тяжелыхъ униженій. Само собою разумѣется и никто не станетъ противъ того протестовать, что католичеству приписано значеніе государственной религіи въ имперіи, глава которой ее исповѣдуетъ. Но обстоятельствомъ это не должно противорѣчить вѣротерпимости, имѣющей основаніемъ то положеніе, что всякая христіанская религія является языкомъ общины человѣка съ Богомъ и что общность христіанской

основы вѣрованія призвана служить духовному объединенію православныхъ, протестантовъ и католиковъ. То обстоятельство, что Россія православное государство и что мы, русскіе, считаемъ свою религію наиболее близкою вѣрнымъ Божественнаго Промысла, несколько не ставитъ у насъ, напримеръ, католиковъ въ положеніе лицъ, неполноправныхъ въ гражданскихъ отношеніяхъ. Совершенно иными взглядами руководствуется австрійское правительство въ славянскихъ земляхъ. Достаточно сказать, что, какъ свосременно сообщалось въ нашей печати, послѣ наводненій, причинившаго осенью 1896 г. въ Боснии значительныя бѣдствія, — въ числѣ пострадавшихъ воспользовались преимущественно воспособленіями католики и мусульмане, православные же, на очень немногихъ исключеніяхъ, отъ полученія пособій оказались устраненными. Также, разумѣется, ведется борьба съ православіемъ посредствомъ распространенія, иногда насильственнаго, безпринципной унии, — причемъ, послѣ того же наводненія, въ Боснию и Герцеговину было командировано изъ Рима духовное лицо, которое раздавало крупныя вспомошествованія лицамъ, изъявившимъ согласіе на переходъ изъ уніатства. Разумѣется, въ этой борьбѣ, сила — не на сторонѣ православныхъ славянъ, и нерѣдко, къ сожалѣнію, бывають случаи отпаденія отъ православія, тѣмъ болѣе, что православное духовенство, лишенное поддержки правительства, не обладаетъ даже потою долей тѣхъ средствъ, которыми тамъ порою злоупотребляютъ католическія духовныя лица. Тягость положенія православныхъ усугубляется тѣмъ, что власть не упускаетъ даже случая оказать, по сравнению съ ними, предпочтеніе мусульманамъ. Никакія жалобы славянскаго населенія не доходятъ до императора Франца-Иосифа, который, какъ мудрый и справедливый государь, облегчилъ бы его положеніе. Вѣтъ никакихъ случаевъ посланною въ концѣ 1896 г. къ императору депутацией боснійцевъ. Депутаты безъ полномочій томилась въ Вѣнѣ, а по возвращеніи домой не тѣ, кто принималъ въ ней участіе, подверглись возмутительнымъ притѣвленіямъ. При такихъ условіяхъ, нельзя удивляться тому, что нѣтъ, наиболее слабохарактерныя и дажеко не лучшіе, отпадаютъ отъ православія, тѣмъ

Мостъ и фортъ у Вирбазара

Видъ на Иранку.

вергаются возмутительнымъ притѣвленіямъ. При такихъ условіяхъ, нельзя удивляться тому, что нѣтъ, наиболее слабохарактерныя и дажеко не лучшіе, отпадаютъ отъ православія, тѣмъ

болѣе, что переходъ въ католичество всегда сопровождается прекращеніемъ предоставленій разнаго рода матеріальныхъ выгодъ. Подобные переходы имѣютъ гораздо болѣе дурное значеніе, нежели можетъ представиться на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что сербъ, принявшій католичество, не можетъ не стыдиться своего вѣроотступничества. Единственнымъ средствомъ скрыть грѣхъ является для него переселеніе въ другую мѣстность, гдѣ онъ выдаетъ себя за хорвата. Хорваты, связанныя съ сербами общностью языка, искони исповѣдуютъ католичество, что вовсе не мѣшаетъ имъ быть въ полномъ смыслѣ слова добрыми славянами. Но, такимъ образомъ, наряду съ настоящими хорватами, ежегодно растетъ число хорватовъ, такъ сказать, ложныхъ, прикрывающихъ свое вѣроотступничество лживою ссылкой на свое хорватское происхожденіе. Это, можетъ быть, самый неблагоприятный, въ отношеніи славинства, элементъ, такъ какъ искажая сдѣлка съ совестью ведетъ за собой послѣдующую. На нихъ, разумѣется, ожидается

Набережная въ Рель.

благополучіе Калласискаго режима, для котораго православіе, символизируя настоящее славянство, служить постоянно угрозой и напоминаніемъ о тяготѣхъ славянъ къ великой Россіи.

3) Каролу слѣдуетъ убѣдить въ томъ, что Боснія и Герцеговина подъ австро-венгерскимъ владычествомъ процвѣтаетъ.

Ну, эту сторону швабской политики нельзя не признать по преимуществу увеселительной! Дѣла ея достигаются пошедеиствомъ, напримѣръ, вдоль полотна желѣзной дороги, прекрасныхъ деревень, извѣстныхъ въ мѣстномъ обществѣ подъ названіемъ «потемкинскихъ». Путешественникъ любитъ, изъ вагона, видѣть, восторгается богатствомъ поселянъ и вовсе не подозреваетъ, что по другую сторону ближайшихъ холмовъ

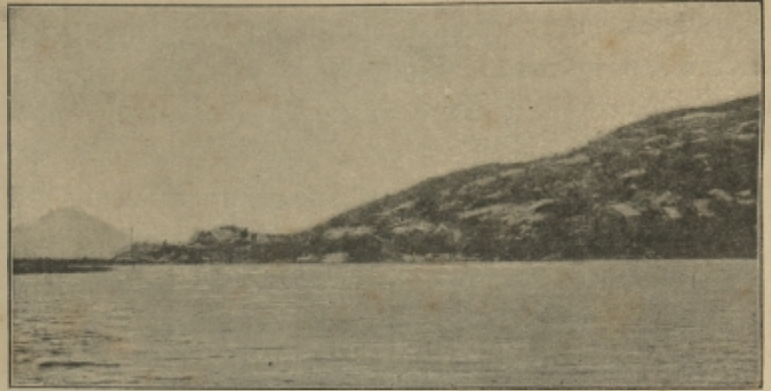
клетен какіе лачути, населення селѣтъ не сѣтъ людомъ. Затѣмъ, въ Мостарѣ и Саревѣ, въстрѣсны, на средства казны, превосходныя гостиницы. около Сарева являеться искусственнымъ образомъ курортъ Налиже, съ иѣ аих pigeons, скачками и прочими развлеченіями, ни мало не соответствующими духу угнетеннаго населенія... но веселится тамъ не население, а странствующіе корреспонденты, умѣло приглашаемые Каллаемъ, чьи агенты являютъ пріѣзжихъ лишь по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они могутъ увидѣть только угодное правительству. Упомяну еще объ изданіи въ Сараевѣ, отныне такъ на казенный счетъ, журналъ «Нада» (Надежда). Это одно изъ лучшихъ иллюстрированныхъ изданій въ Европѣ и также предназначено для взвешенія сербамъ прочихъ областей, что они были бы счастливы, согласны они подвергнуться правленію Каллая. Между прочимъ, отмѣчу какъ курьезъ, что этотъ журналъ печатается двумя шрифтами, латиницей и кириллицей, и что получение экземпляра съ славянскою печатью обуславливается уменотрѣніемъ власти. ей, очевидно, нужно утѣряться въ томъ, что подписчики не вдохновятся кириллицей на предметъ потрясенія основъ. Все это, конечно, довольно дѣтская игра. Однако, эти мѣры и многія имъ подобныя порой достигаютъ цѣли. Въ 1896 году, когда я въ печати указалъ на угнетенное положеніе православныхъ Славянъ въ южной Австріи, одинъ публицистъ мнѣ сталъ возражать и объяснилъ, что я напрасно не посѣтилъ выставки въ Будапештѣ, ибо я тамъ убѣдился бы въ процвѣтаніи Босніи и Герцеговины. Разумѣется, изученіе славянскаго вопроса на мадьярской выставкѣ должно почи-

Възглядъ въ Мостарское ущелье.

тается признакомъ крайней безграмотности и неполноты мышленія, но, все таки, нельзя сомнѣваться въ томъ, что не одинъ же публицистъ такъ смотритъ въ дѣло и что много найдется въ мирѣ людей, склонныхъ поддаваться обману, не способныхъ увидѣть обманъ, а иногда и желающихъ быть обманутыми.

Таково, въ общихъ чертахъ, положеніе православныхъ славянъ въ Боснии, таково же оно, приблизительно, и въ Далмачи, вообще во всехъ мѣстностяхъ, входящихъ въ составъ австро-венгерской территории. Утѣшаться намъ можно разве тѣмъ, что всякое религиозное преслѣдованіе имѣетъ и свои хорошие стороны: подъ давленіемъ политическаго гнета теряютъ энергію и уступаютъ въ борьбѣ лишь наихудшіе элементы, неспособные отстаивать свою духовную независимость. Они ищутъ спасенія въ эгоистическостѣ и эмиграціи (привлеченіе, привлекающее на Далматинскомъ побережьи угрожающіе размѣры), но своимъ отпаденіемъ и абсентеизмомъ

Село Риболовъ.

только улучшаютъ качество элемента остающагося, играютъ роль своеобразной ампутации, спасающей организмъ отъ разложенія. Поэтому, не смотря ни на какія обстоятельства, значеніе серба, какъ культурно-православной силы, не слабѣетъ. Вѣчная борьба закалила его. Сперва борьба, приведшая къ образованію сербскаго царства, затѣмъ борьба съ турками, а теперь борьба съ австрійскимъ режимомъ. Гнетъ, исходившій отъ Турціи, въ общемъ ничего удивительнаго собою не являлъ, такъ какъ въ колюй фанатизмъ «больного человѣка» и его ненависть къ христіанству исключаютъ возможность видѣть въ турецкомъ управленіи что-либо кромѣ убійствъ, дѣкъ и грабежа. «Больной человѣкъ», который столько времени признаетъ лучшую, можетъ быть, комнату въ европейской квартирѣ и котораго Европа не рѣшается изолировать путемъ энергичнаго выселенія, всегда былъ разбойникомъ. Благодаря необходимости для всѣхъ крупныхъ державъ соблюдать выжидательную политику, Турція—государство-разбойникъ/ и, такъ сказать, стыдливое мѣсто Европы, представляетъ собою какъ бы особую «страну терпимости». Отъ нея ничего нельзя ждать хорошаго. Но къ Австріи-то можно было обращаться съ упованіемъ на лучшее!... Между тѣмъ, читатели нашихъ газетъ отлично знаютъ, что населеніе Боснии и Герцеговины сожалѣетъ о прошломъ, находя теперешній режимъ превосходящимъ суровостью прежній. И, въ концѣ-концовъ, австро-венгерская внутренняя политика достигаетъ только того, что славяне, населяющіе южную часть имперіи, закаленные въ политической борьбѣ, никогда не ассимилируются съ господствующимъ германскимъ племенемъ и всею силой своихъ чувствъ и мысленіи тяготеютъ къ Россіи. А это, разумется, не маловажное для Австріи обстоятельство. Въ ея владѣніяхъ сербовъ болѣе пяти миллионъ.

Эту любовь къ Россіи и русскимъ можетъ понять только тотъ, кто побывалъ въ австрійскихъ славянскихъ странахъ. Ея сила заключается въ томъ, что она ни мало не исчерпывается надеждами на помощь. Нѣтъ, тутъ приходится наблюдать совершенно безкорыстную преданность, какъ бы младшаго брата по отношенію къ старшему, преданность, основанную на тщательномъ изученіи всего того, что насъ касается. Наша литература—имъ родная, наши огорченія и радости волнуютъ ихъ. Здѣсь не приходится сталкиваться съ тѣмъ, въ силу чего опротивляла намъ Болгарія. Любовь къ Россіи для австрійскихъ сербовъ—не политическое орудіе, а искреннее влеченіе, доходящее почти до размѣровъ стизійнаго. Много разъ мнѣ случалось видѣть въ хижинахъ самыхъ глу-

хихъ деревень портреты нашихъ Государей (портретовъ австрійскаго императора и этихъ хитрѣхъ не видѣть). Крестьянинъ, горнецъ, рыбакъ, узнавъ въ васъ русскаго, искренно радуется и засыпаетъ васъ вопросами о Царѣ, о Россіи. И въ встрѣчѣ и знакомствѣ съ образованными славянскими дѣтелями въ Далмаци и Герцеговинѣ, вы убѣждаетесь въ чистосердечности ихъ отношеній къ намъ. Разумѣется, искренность не устраняетъ упрековъ, сподвиговъ, въ общемъ, къ надеждѣ на нравственную поддержку со стороны исповѣднаго славянскаго и православнаго государства.

Но, конечно, нравственная поддержка возможна лишь подъ условіемъ постоянного умственнаго общенія и взаимнаго познанія. Между тѣмъ, если австрійскіе сербы (ихъ нѣужно отличать отъ подданныхъ короля Александра, о которыхъ мы вынуждены судить по поступкамъ нѣсколько австрофильствующихъ политическихъ шуртановъ), въ большинствѣ случаевъ, отлично знаютъ Россію,—наша такъ называемая интеллигенція отличается крайней неосвѣдомленностью по отношенію къ странамъ и племенамъ славянскаго юга. Обоимъ намъ на болгаряхъ и двумъ на всѣхъ славянахъ, не даная себѣ труда убѣдиться въ громадномъ разницѣ, отдѣляющемъ болгаръ отъ сербовъ. Текущая наша литература по вопросамъ славянства до того слаба, что ознакомленіе съ нею не можетъ дать запасъ достаточныхъ свѣдѣній. Русскіи путешественники почти никогда не проникаютъ на восточный берегъ Адриатики и считаютъ себя едва-ли не эксплораторомъ, если посетилъ ближайшія окрестности Аббаціи. Надо удивляться, какъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, сохранился въ мѣстномъ населеніи глубокая увѣренность въ сочувствіи русскихъ людей, увѣренность, заставляющая его относиться съ какою-то огульною благодарностью къ русскимъ. И не дай Богъ, чтобы эта увѣренность миновала! Она имѣетъ для сербовъ громадное значеніе укрѣпителю ихъ идеаловъ, озерителю ихъ будущаго. Съ исчезновеніемъ ихъ вѣры въ насъ, наступитъ реакція тѣмъ болѣе сильная, что темпераментъ южныхъ народовъ легко доводитъ ихъ до крайностей. Можетъ наступить такой мигъ, когда Австріи воспользуется разочарованіемъ своихъ сербовъ, отравитъ ихъ духомъ интригъ и взаимной розни, возымѣетъ на нихъ то вредное вліяніе, которое нашло себѣ довольно яркое выраженіе въ недавніе годы государственной жизни болгарскаго княжества и сербскаго королевства. Вражда, искусно посеваемая правительствомъ между сербами и хорватами, путемъ обостренія церковнаго вопроса, почти довела уже эти два братскихъ народа до полного духовнаго разсединенія. Далѣйшіе шаги—предупказаны капаевскою политикой.

Къ счастью, элементъ постоянного возрожденія сербскаго національнаго духа является собою Черногорія, значеніе которой громадно въ психологій южнаго славянства.

Церковь въ с. Билетачи.

III.

НЕЧТОЖНАЯ по размерамъ своимъ, Черногорія играетъ многозначную роль на Балканскомъ полуостровѣ, представляется какъ бы средоточіемъ стремленийъ всѣхъ православныхъ славянъ Австро-Венгріи, смотрящихъ на Черную Гору какъ на осколокъ русской мощи. Прославившеся храбростью своихъ сыновъ, сумѣвшее отстоять свою независимость въ рядѣ бурныхъ для него вѣковъ, княжество является сердцемъ южного славинства, его нравственною поддержкой. Въ глазахъ каждаго серба, будь онъ австрійскимъ или турецкимъ подданнымъ, Князь Николай Черногорскій представляется прирожденнымъ законнымъ властителемъ. Къ нему обращаются все упования, потому что въ немъ знакома энергія Князя и его преданность общеславянскому дѣлу. Австрія это знаетъ и глубоко ненавидитъ княжество. Можно съ увѣренностью сказать, что только отвращеніе предъ гнѣвомъ Россіи удерживаетъ ее отъ нападешя на Черногорію, которую во всякое время возможно разрушительно обстрѣлывать изъ возведенныхъ у границы плавскихъ крѣпостей. Постоянно борется австрійское правительство съ вліяніемъ Черногоріи, вѣчески препятствуетъ общенію Даламанъ съ Черногоріей, преслѣдуетъ злѣе, подумныхъ на поклонъ къ Князю. Въ настоящее время, южное славянство и южное православіе символизируются Черногоріей и могучею личностью Князя Николая, который занимаетъ важное мѣсто не только среди современныхъ политиковъ, но и въ числѣ мудрыхъ политиковъ.

Островъ Лесенара.

Монастырь въ Цетинѣ.

Такимъ образомъ, лишь досадную дипломатическую ошибку. Все это, конечно, — довольно нескромное обвиненіе, къ тому же повторенное многими въ видахъ оправ-

давая своего равнодушия къ интересамъ южнаго славянства. Бракъ княжны Елены съ принцемъ Неаполитанскимъ пожел не былъ основанъ на политическомъ расчетѣ, хотя бы лишь потому, что никто и никогда, надо полагать, не станетъ основывать расчеты на благодарности или возможности Италии. Состои же въ свойствахъ нашихъ Царствующимъ Домомъ, Князь Николай не могъ особенно дорожить исполненіемъ въ родствѣ съ Савойскою династіею. Заключе-

Хата въ с. Бѣлоши

ніе брака было названо исключительно взаимною симпатіею жениха и жены, а обрядъ перехода въ католичество, самъ по себѣ тяжелый для православныхъ, явился лишь необходимымъ условіемъ замужества княжны, неизбѣжною жертвой. Къ этому вопросу придется мнѣ вернуться ниже, съ болѣею подробностью, и я пока оставлю его въ сторонѣ.

Заслуги Князя Николая передъ православнымъ славянствомъ настолько велики, что одна ошибка среди нихъ могла бы и затеряться. Въ качествѣ энергичнаго прагматика, онъ почти сорокъ лѣтъ велѣтъ княжество по пути улучшеній и усовершенствованій. Вступивъ на престолъ въ 1860 г., послѣ смерти своего дяди Даниила I, нашедшаго въ Которѣ отъ руки спускаго убійцы, онъ сразу стѣсняетъ себѣ слугу думнаго воина среди храбрыхъ черногорцевъ. Одухотворенный чувствами энергичнаго патриотизма, онъ постоянно несъ тяжелую службу ко благу родины, укрѣпляетъ и расширяетъ ея границы, вводитъ въ нею внутреннее благоустройство, стараясь приурочить нововведенія къ индивидуальнымъ чертамъ княжества и не спадать чертъ мощной самобытности своего народа. Въ это правленіе, Черногорія не перестала быть воинственнымъ станомъ, но стала такимъ лагеремъ, гдѣ хоть медленно, но систематично ~~укрепляется просвѣщеніе~~ ~~Блестящій~~ литературный талантъ Князя, отведенный ему слава не первое мѣсто среди современныхъ сербскихъ поэтовъ, всенѣло посвященъ служению родинѣ и общему возбужденію, среди сербовъ, патристическаго чувства. Около него группируются все надежды южнаго балканскаго славянства, и онъ, въ глазахъ православныхъ южныхъ славянъ, является какъ бы духовно охватывающимъ ихъ всѣхъ. Если когда нибудь балканское славянство восприметъ и завоюетъ слова свою независимость, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что красуясь камнемъ движения окажется Черногорія.

И недвизъ отрицать, что южные славяне мечтаютъ о наступленіи этой минуты. Обращеніе умовъ въ славянскихъ окраинахъ Австро-Венгріи настолько сильно, что не ускользаетъ даже отъ наблюденія путешественника, который, если онъ русскій, имѣетъ возможность замѣтить, въ этомъ отношеніи, гораздо болѣе, нежели другой. Съ каждымъ годомъ, австрійскій вѣсть становится все болѣе и болѣе неумолчательнымъ и, будучи немолчаливымъ и немымъ, усиливаетъ контингентъ протестующихъ. Конечно, единственною для Австро-Венгріи средствомъ закрѣпить за собою славянскія провинціи было бы дарованіе имъ жителями полной равноправности съ венгерцами и поляками. Только такимъ путемъ оградилъ бы себя государство отъ разложенія и достигло бы, въ сущности, настоящаго единства. Нечемъ бы опасность восстаній, устранена была бы необходимость

въ режимѣ Кайзера, и энергія сербовъ обратилась бы на благо общей родины. Австро-Венгрия, едва ли самое богатое по красотамъ природы изъ европейскихъ государствъ, могла бы быть и однимъ изъ наиболее могучихъ. На дѣлѣ же она парализована раздоромъ и взаимною ненавистью племенъ, въ ея составѣ входящихъ. Преобладающее значеніе, представленное немцамъ, до послѣдняго времени почиталось ею ручательствомъ за благополучіе. Между тѣмъ, событія недавняго прошлаго, — хотя бы возмутительный скандалъ въ Эггерк, когда являлось полное отсутствіе въриподданничества въ средѣ крайней нѣмецкой партіи, — ясно доказываютъ, что даже германскій элементъ не представляется для нѣмецкаго правительства благожелательнымъ. Очевидно, лишь федеративный строй можетъ спасти отъ распада такое искусственно скомбинированное государство, какъ Австро-Венгрия.

Придворная церковь въ Цетиньѣ.

По—quem vult perdere dementat! Нѣмцы и венгерцы, безъ сомнѣнія, скорѣй согласятся на гибель, нежели на отказъ отъ своихъ захватовъ въ области государственнаго управленія.

IV.

Мѣсяцъ идущихъ на югъ, далекий и продолжительный путь отъ Петербурга до красоты. Отъ Невы до Вислы не на что смотрѣть, нечѣмъ полюбоваться. Быстро удалишься отъ сѣвера, а скверъ точно обжитъ за тобой, перескакивая черезъ гладкія поля, болота, лѣса и сонныя рѣки, не встрѣчая на своемъ пути горныхъ крижей, которые преградили бы ему дорогу. Все та же растительность, болѣе знакомая съ полнѣйшимъ тепломъ, нежели съ

Углевикъ вида на Вардзаръ.

лучами солнца, въ тѣ же скрываясь, гдѣ снѣгаются безцвѣтное небо съ плоскою землею. Здѣсь люди должны сами создавать себѣ радости: природа имъ ихъ не даетъ. Только за Варшавою краски становятся болѣе яркими, густо зелеными тополя, нѣжныя разномыслие, но омертвѣли остаются мертвенными, словно наложенныя равнодушнымъ штрихомъ. Угольной пылью дышетъ длинный рядъ фабрикъ, какъ бы углубляя темноту впечатлѣній. На нашемъ просторѣ

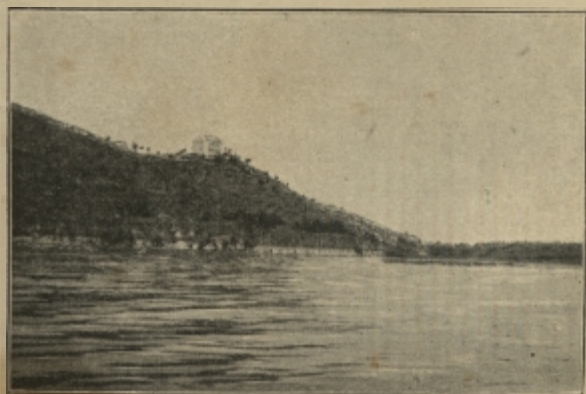
можно работать, мыслить и молиться, но трудно на нем отдыхать души.

От границы до Одерберга путь, как известно, также несколько не занятен, да и совершили мы его в почное время, но консе не успели соскучиться, благодаря удобствам, создаваемым распорядительностью австрийских желтиподорожных властей. В течение трех часов нам пришлось пересаживаться четыре раза, и каждый раз съ громадною посетшностью. В почных потздах вагонов прямого сообщения отъ границы до

Старчеви.

Будапешта не существует... очевидно для удобства пассажиров. А въ эту поездку дѣло усложнилось влѣдствіе того, чтъ съ московскаго конгресса возвращалось въ одномъ поѣздѣ съ нами около сорока врачей. И, отъ Чешини до Освѣтима, когда, послѣ второй пересадки, мы (насъ ѣдетъ четверо) были вынуждены козвѣтаться съ грудою фотографическихъ аппаратовъ и ручного багажа, въ вагонномъ корридорѣ. — у насъ не было основанія опасаться за свое здоровье, потому что врачебный уходъ былъ обезпеченъ присутствіемъ дѣятельныхъ докторовъ, также томившихся, за отсутствіемъ лѣтъ, въ узкомъ проходѣ. Впрочемъ, въ тѣснотѣ да не въ обидѣ. Узнавъ, что мы — русскіе, врачи отнеслись къ намъ съ демонстраціями дружелюбія, стали наперерывъ разсказывать, въ восторженномъ тонѣ, о Москвѣ, о гостепримствѣ москвичей, о прекрасныхъ порядкахъ, введенныхъ въ московскія больницы. Ничего подобнаго они не ожидали встрѣтить въ Россіи и видя, что, хотя бы лишь въ отношеніи постановки медицинскаго дѣла, мы несколько отъ нихъ не отстали, даже опередили кое въ чемъ. Диссонансомъ въ общемъ хорѣ служила голосъ одного венгерца, нарицающагося во всезеленое и похожаго на попугая. Онъ жаловался на то, что его некуда въ Россіи эксплуатировали, пользуясь тѣмъ, что онъ «непонимайку по русску»... Оказывалось, его обокрали въ гостиницѣ, отводили ему плохія помѣщенія, не съ надлежащими потздами отправляли, уменьшено давали ему должныя свѣдѣнія... Вообще, много неприятностей съ нимъ приключилось, и мы готовы были отнестись къ нему съ сожалѣніемъ, но его спутники предупредили насъ, что онъ лжетъ, будучи работъ своей ненависти къ Россіи.

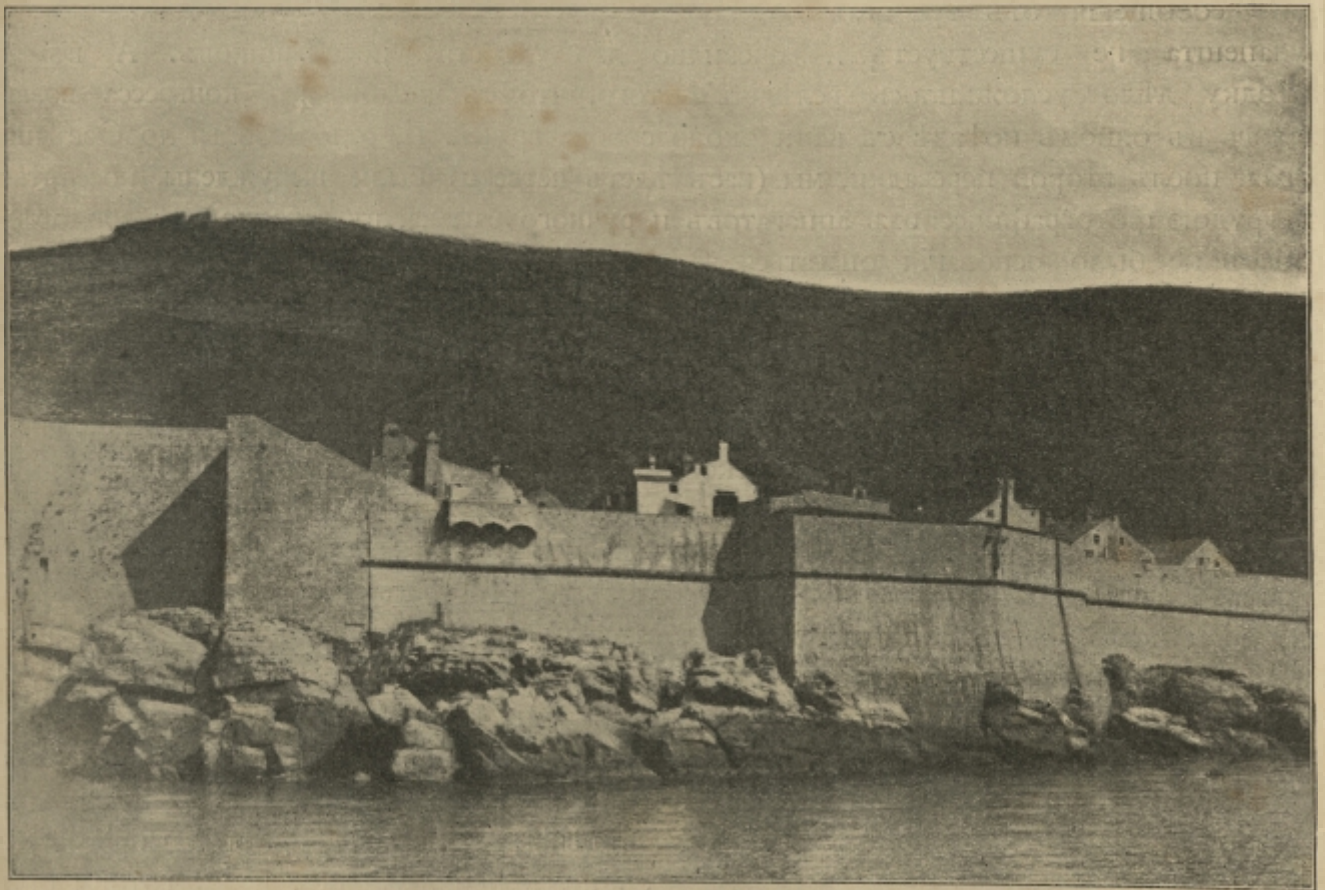

Граница.

Мнѣ часто, во время путешествій по Венгріи, приходилось убѣждаться въ этой ненависти къ намъ венгерцевъ. Помимо воспоминаній, не успѣвшихъ померкнуть съ 1848 г., тутъ, помимо, дѣйствуетъ чувство, застаивающее малочисленныхъ, гордыхъ и энергичныхъ венгерцевъ относителю съ дѣтскою завистью къ могуществу нашей державы;

кроме того несомнѣнна природная враждебность, проникающая мадьярскій элементъ въ отношеніи къ славявству. Не будучи въ силахъ бороться съ Россіей, венгерцы направляютъ всю свою способность къ борьбѣ на угнетеніе славянскихъ народностей, населяющихъ имперію Габсбурговъ. Можно съ увѣренностью сказать, что все суть гнетъ, лежащій на южныхъ славянахъ Австро-Венгріи, находитъ себѣ силу и импульсъ, исходящій изъ Будапешта. Вотъ почему, подъ управленіемъ венгерца Каллая, Боснія и Герцеговина переживаютъ годины тяжелаго рабства. Но мадырамы, конечно, недостаточно того воздѣйствія, которое обезпечено личными свойствами одного Каллая. Они мечтаютъ о томъ, что Герцеговина и Боснія будутъ присоединены къ Венгріи, и мечтаютъ объ этомъ не только ради вѣчнаго уничтоженія балканскаго славянства, но и въ видахъ доведенія территории своего отечества до размѣровъ, имѣющихъ облегчить фактъ полнаго отдѣленія Венгріи отъ Австріи. Такая программа многихъ мадыръ, а вѣрѣе до наступленія минуты, когда совершатся такіе великіе дѣла, они вынуждены довольствоваться мелочными нападкамі на Россію и «детальною векашіей» православныхъ южныхъ сла-

Крѣпостная стѣна Дубровника

вяны. Но, къ счастью, хотя отъ великаго до снѣжнаго и мелкаго всего одинъ шагъ, — путь отъ мелкаго до великаго гораздо продолжительнѣй.

Рано утромъ поѣздъ перешелъ черезъ Карпаты, медленно проходя мимо неприглядныхъ словянскихъ поселеній, ютившихся на склонахъ небольшихъ зеленыхъ горъ. На станціяхъ, славянская рѣчь слышится наряду съ венгерскою. Странный и неуклюжій костюмъ карпатскихъ славянъ кажется тусклымъ по сравненію съ оригинальною мадьярскою національною одеждою, похожею на турецкую. Въ яркомъ казакѣ и бѣлой юбкѣ — шарона-

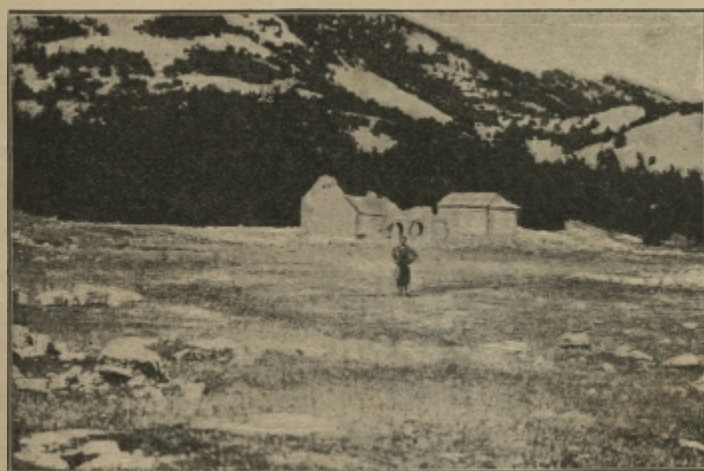
рахъ, простолюдинъ-венгерецъ чувствуетъ себя красивымъ и охотно рисуетъ, то въ тощъ пачинтъ.

Никогда я въ Венгрии по дозгу не жила, но, насколько могъ наблюдать во время краткихъ пребываній, безграничное самодовольство является національною чертой венгерцевъ. Они словно загнивоотмировали самихъ себя блескомъ своего воображаемаго величія, окаменѣли въ ненависти и презрѣніи ко всему нематеріальному. Несомнѣнно, такой патріотическій «почтъемъ духа» имѣетъ и свои хорошія стороны, ибо только тотъ, кто самъ себя уважаетъ, можетъ разсчитывать на уваженіе другихъ, но, конечно, доходить до крайности не слѣдуетъ, и нынѣшній венгерскій народъ начинаетъ чрезмѣрно напоминать такого Парциса, который состарѣлся у ручки. Глубокая мадьярская культура никогда не получитъ мирового значенія. При наилучшихъ условіяхъ, она можетъ только немного задержать дальнѣйшее теченіе культуръ германской и славянской, и вѣстакъ потомъ сойдетъ съ одного изъ нихъ, потому что мадьярская сила, основанная на самоувереніи и самолюбіи,—сила парварская по самой сущности своей, несмотря на вышній лоскъ нѣкоторыхъ проявленій народной жизни. Въ настоящее время мало пригодны качества, сформировавшіяся въ лагерѣ Атиллы, и торжество христіанства выдвинуло впередъ принципы, которые, что бы ни утверждали, и въ международныхъ сношеніяхъ могли бы себѣ найти примѣненіе.

Черногорская повозка.

Отъ Карпатъ до Будапешта уныло тянется пейзажъ. Плохо воздѣланныя поля, перерѣзанныя не особенно хорошими дорогами, производятъ удручающее впечатлѣніе.

Развалины монастыря Пресображенія Господня на Ловчѣ.

Жизни, движенія мало. Поселки встрѣчаются не часто, шоссеиные пути солитвы. Изрѣдка, толпой скривъ пастень, промелькнетъ стадо овецъ съ бѣлыми пестухомъ, играющимъ на скринкѣ.

Жаль, что такъ мало пришлось намъ ѣхать среди Карпатскихъ горъ. Они были красивы, небольшие, ласково зелены, но кусокъ эстамповъ сороковыхъ годовъ. Мы недостаточно любовались ими, въ пестерѣнномъ ожиданіи красоты приадріатическихъ высотъ.

Въ Будапештѣ мы останавливаемся только часа на три. Намъ некогда. Мы

спѣшимъ на югъ, туда, гдѣ солнце свѣтитъ яркою близкой, а тѣни черны какъ уголь. Большой городъ, блестяще разнервнившийся на общескропейскій ладъ, староконіей поравняется съ Вѣной и удивитъ пріѣзжаго своимъ великолѣпіемъ, насъ ни мало не интересуетъ. Онъ

не входитъ въ нашу программу. И мы, въ промежуткѣ между хлопотами и завтракомъ, лѣниво бродимъ по улицамъ, окаймленнымъ вокзалъ. Даже здѣсь, на окраинѣ, городъ красивъ, изобилуетъ изящными зданіями, кипитъ въ немъ жизнь. Странно, пожалуй, что онъ выросъ такимъ среди сошныхъ полей, которымъ онъ, можетъ быть, вовсе и не нуженъ.

У перекрестка, вижу ширококонечного молодца въ кожно-сафьяновомъ костюмѣ, въ красной фескѣ и кестро расшитомъ «чемо-данѣ». Это разнощикъ, торгующій мундштуками и ножичками.

Мы его спрашиваемъ:—Перегоняете?

Лѣниво-равнодушный къ нашему любопытству, онъ нехоти отвѣчаетъ:

— Есть.

— Изъ Мостара?

— Есть.

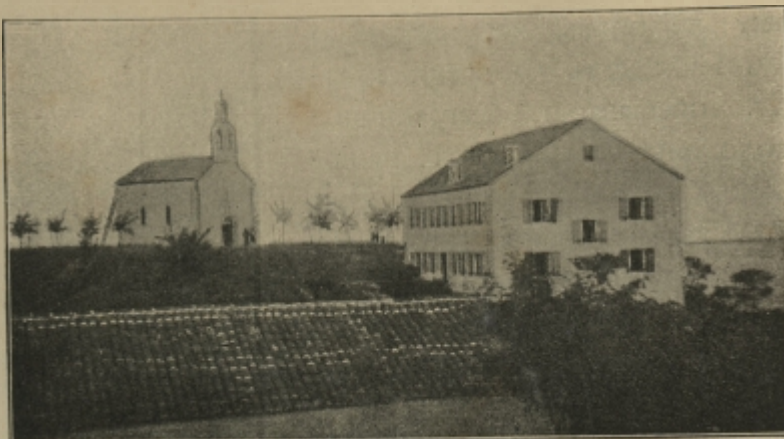
— Какъ любите? внезапно спрашиваетъ одинъ изъ насъ.

Мостарецъ такъ и произноситъ насъ своимъ чернымъ извѣдомъ. Кто мы? Можетъ быть шпіоны... Онъ и нашей славянской рѣчи не довѣряетъ. По пути отъ Перетвы до Дуная, онъ-поди неоднократно чувствовалъ, какъ сжимають его до боли тиски мадырскаго тѣста.

— Люблю, съ усмѣшкою говоритъ онъ,—а вы откуда?

— Изъ Россіи...

Взглядъ его внезапно содрѣзаетъ, проясняется лицо. Онъ бы поговорилъ, конакъ изъ Мостара, торгующій съ голода мундштуками въ Будапештѣ, но кругомъ столько мадыръ, а мадыре такъ хорошо вслушиваются въ сербскую рѣчь!

Враньскій монастырь.

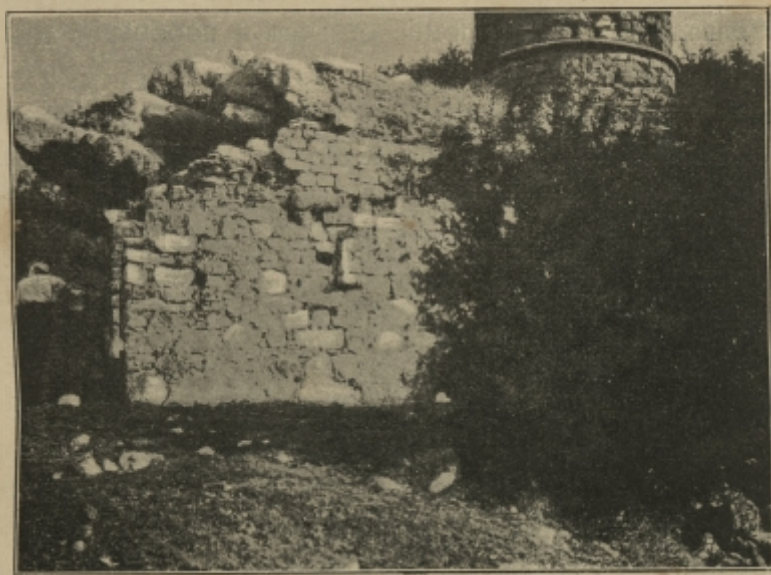

Фонтанъ въ Дубровникѣ.

V.

СЕ нь порядкѣ отъ Будапешта къ намъ представленъ согладатѣй. Повидимому, австрійское правительство усматриваетъ громадную опасность во всякомъ русскомъ путешественникѣ, посѣщающемъ края, населенные православными славянами. По его понятіямъ, единственною цѣлью каждаго нашего соотечественника является потрясеніе основъ, на которыхъ зиждется благополучіе политической мозаики, именуемой Австро-Венгерією. И оно создаетъ, очевидно, что русскому человѣку очень легко посѣять смуту тамъ, гдѣ наиболѣе характеристичнымъ проявленіемъ швабо-мадьярской власти красуются тиетъ и произволъ. Симпатіи православнаго населенія къ Россіи составляютъ иный фактъ, принимающій подчасъ и немного тревожную для австро-венгерцевъ форму. А такъ какъ появленіе русскаго среди южныхъ славянъ почти всегда сопровождается демонстративнымъ проявленіемъ этихъ симпатій, то власти насъ и считаютъ чрезвычайно нежелательными гостями.

Развалины въ Старчебѣ

Въ предыдущіе мои приѣзды, я всегда бывалъ окруженъ въ Далмаціи и Герцеговинѣ, индѣями, столь неумѣлыми, что сразу, съ первой же минуты, не могло быть сомнѣнія въ ихъ принадлежності къ сословию сиккофантовъ. Они, чередуя и смѣшивъ сабляди за мною по поштамъ, подслушивали разговоры, интересовались моею корреспонденціей и производили все это такъ шумно, что я считалъ ихъ индѣями-добровольцами, стремящимися заслужить одобреніе полиціи. Такихъ добровольцевъ, дѣйствительно, въ Которскихъ Воккахъ достаточно. Слѣдуетъ прибавить, что это для путешественника ни съ какими неудобствами не сопряжено. Напротивъ, даже забавно. Но то обстоятельство, что на этотъ разъ индѣи появились уже въ Будапештѣ, доказываетъ, что кое-кто и въ центральномъ управленіи поусердствовалъ. При провѣстѣй перлюстраціи писемъ, идущихъ изъ Россіи въ Цетинье и обратно, не трудно было заблаговременно узнать, что я собираюсь посѣтить Далмацію и Черногорію, а такъ какъ я не могу, повидимому, почитаться вполне благонадежнымъ лицомъ по отношенію къ австро-славянскому вопросу, то и учрежденъ за мною надзоръ, ни мало не свѣдѣтельный, чрезвычайно даже въѣдливый и сама замкнутый. Я бы даже и не обратилъ вниманія на прикомандированнаго спутника, не получи и предупрежденія и указанія отъ таинственнаго пріятеля.

И пришлось нашему согладатѣю путешествовать на казенный счетъ по красивымъ мѣстамъ. Надѣюсь, онъ мнѣ за это благодаренъ. Я же противъ него претензій не имѣю и Считаю долгомъ заявить, что во все время пути былъ очень доволенъ его поведеніемъ. Онъ держался въ сторонѣ, порою исчезалъ на нѣсколько часовъ, въ разговоры не всту-

паль. И я очень радъ, что выборъ паль на агента, отъезжающаго прилично, обладающаго представительною наружностью. Вообще, я долженъ вполне серьезно отмѣтить тотъ фактъ, что всюду, до времени моего путешествія, встрѣчалъ любезное отношеніе австрійскихъ властей. Слѣди за мной, онѣ пользовались своимъ правомъ, хотя и руководились чрезмѣрною политическою подозрительностью, и никогда ни малѣйшей непріятности намъ не причинили, а могли бы, напримѣръ, на таможенныхъ придираться къ фотографическимъ пластинкамъ, заподозривъ насъ, хотя бы и неосновательно, въ фотографированіи крѣпостей и т. п. Между тѣмъ, ничего подобнаго не было.

Площадь въ Будапештѣ.

Я убѣжденъ, что нашъ шпионъ давалъ о насъ хорошіе отзывы и вообще оказалъ покровительство. Большое ему спасибо!

Отъ Будапешта до Фіуме, онъ ѣдетъ съ нами въ одномъ вагонѣ, въ соседнемъ спальномъ отдѣленіи. Онъ будетъ переходить почти одновременно съ нами въ вагонъ-ресторанъ и обратно въ sleeping-car. Ему всего нужнѣе отмѣчать, съ кѣмъ мы говоримъ, кто насъ встрѣчаетъ и не произносимъ-ли мы рѣчей безпокойнаго содержанія.

VI.

ПРОМЪ, въ шестомъ часу, свернула, наконецъ, передъ нами спява Адріатики, Идраникаго моря, славянскаго Сина-моря, чарующаго лазурною окраской и предѣстью живописныхъ береговъ. Оно залило углубленіи среди скалистыхъ горъ, надвигающихся на Фіуме, образовало бухты круженнаго рисунка, сияетъ несезною красотой, прадздуетъ блескомъ своимъ наступленіе

доп. въ предчувствіи горячей ласки солнца, усугубляющаго его синеву отраженіемъ яркаго неба.

Возвышенности здѣсь чрезвычайно живописны, напоминаютъ, по характеру своей окраски, южннхъ берегъ Крыма. Почва болѣе скалистая, мѣлкая растительности развернувшись въ обширную зеленъ, но ш то преламаетъ парадная близина поселеній, раскинутыхъ по склонамъ горъ, на порогахъ ущелии, подъ отяѣнными стѣнами высокихъ громадъ. Косъ гдѣ попадаются развалины замковъ, крохи минувшихъ цѣ-конъ, красннхъ въ своемъ запустѣннхъ. Мы ѣдемъ среди виноградниковъ, перерѣзан-

Словаки у вокзала въ Будапештѣ.

ныхъ бѣлыми дорогами, по которымъ медленно передвигаются поковки, нагруженные
лѣсомъ или глыбами мрамора.

Показался Фіуме, единственный портъ Венгріи; по-славянски онъ называется Рѣка, но это наименованіе столь часто встрѣчается въ южно-славянскихъ странахъ, что приходится придерживаться итальянскаго названія. Это красиво лежащій, чистый, небольшой городокъ, съ сорока тысячами жителей, въ числѣ которыхъ венгерцы образуютъ въ положительномъ меньшинствѣ. Большую часть населенія составляютъ хорваты, затѣмъ итальянцы. Уличный языкъ города—итальянскій, и въ общемъ строѣ мѣстнаго быта замѣчаются яркія черты неаполитанскаго характера, но исключительно симпатичныхъ его сторонъ. Высшій слой жителей—итальянскаго происхожденія, простонародье же почти исключительно хорватское; однако, много хорватовъ имѣется въ дѣловой торговой сферѣ, гдѣ они успешно конкурируютъ съ немногочисленными венгерцами.

Горы и пещеры, окружающія Фіуме, такъ хороши и величественны, что словно подмываютъ городокъ и затираютъ его. Онъ кажется совсѣмъ маленькимъ, какимъ-то опереточнымъ и картоннымъ, словно его поставили для доставленія проѣзжимъ художественнаго удовольствія. Можетъ быть, ему предстоитъ громадная торговая будущность

Плещадь въ Фіуме.

(венгерцы обратили на него серьезное вниманіе лишь въ послѣдніе годы), можетъ быть онъ разрастется какъ Триестъ и осилитъ окружающую природу, но пока преобладаетъ въ немъ адриатическій характеръ. Такихъ городовъ, вѣроятно, очень много было прежде, когда спокойно и тихо жилось на близкомъ свѣтѣ, но теперь они быстро исчезаютъ, превращаются въ нечто международно-безличное, воплощенное въ шаблонъ, отлитое по вкусу странствующаго лавочника.

Фіуме примыкаєть къ морю узкимъ мысомъ востерской территоріи. Едва ли уже не въ предѣлахъ города, съ одной стороны, лежитъ Хорватія, съ другой Истрія. Въ пер-

Улица въ Фіуме.

вой слѣдуетъ поѣхать Тернато, а въ другой Аббанио. Это послѣднее мѣстечко, впрочемъ, хорошо знакомо русскимъ. Благодаря предпримчивости общества южнѣхъ австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, оно быстро превратилось въ модный курортъ, снабженный роскошными гостиницами, садами и разными увеселительными учрежденіями. Конечно, Аббанио очень хороша, гораздо красивѣе Ниццы. Съ моря, она представляетъ прямо таки очаровательное зрѣлище. А видъ изъ Аббанио на заливъ и острова Кварнерской бухты прельщаетъ богатствомъ очертаній и красокъ. Но у этого курортнаго мѣстечка два недостатка. Во первыхъ, въ немъ совсѣмъ нѣтъ простора. Съ одной стороны—море, съ другой—гора. Въ тѣнотѣ узкой прибрежной полосы очень мало мѣста для прогулокъ. Второй недостатокъ Аббанио заключается въ томъ, что контингентъ пріѣзжихъ почти нечерпывается евреями. Положимъ, это не тѣ евреи, которые, въ нескромныхъ и грязныхъ костюмахъ, шныряютъ у насъ по улицамъ польскихъ городовъ, а представители израильской аристократіи, одѣтые по модѣ, съ готовностью производить крупные расходы. Но, въ сущности, утонченныя породы отъ этого не замѣчаются и, во всякомъ случаѣ, наличность евреевъ значительно притупляетъ впечатлѣніе, производимое красотой природы. Еще въ одномъ можно упрекнуть Аббанио: жители въ ней и убѣдившись въ томъ, что мѣстное коренное населеніе понимаетъ нашу родную языкъ, русскій туристъ воображаетъ себя изучающимъ нравы славянскихъ странъ и положеніе славянъ въ Австріи. Вернувшись домой, онъ съ удовольствіемъ рассказываетъ, что все обстоитъ благополучно и что наши братья на Адриатикѣ благоденствуютъ. Получается какъ бы рецидивъ безграмотности въ славянскомъ вопросѣ, усугубленный заявленіемъ: «да нѣтъ и же видѣть».

Можно смотрѣть и не видѣть, можно видѣть и не понять, можно, наконецъ, вовсе не туда смотрѣть, куда слѣдуетъ. Вообще, впрочемъ, судить о положеніи славянъ, на основаніи того, что возможно наблюдать на сѣверной окраинѣ Адриатики, было бы легкомысленно со стороны даже тѣхъ, кто побывалъ и въ Аббанио.

Хорваты, населяющие эту окраину, пользуются, какъ я говорилъ выше, относительнымъ расположеніемъ австрійцевъ къ силу того, что исповѣдываютъ католичество. Въ глазахъ мѣстнаго правительства, ихъ католицизмъ какъ бы пробиваетъ брешь и нарушаетъ нѣкую славянскую массу. Различіе исповѣданій служитъ властямъ средствомъ для выдѣленія розни между сербами и хорватами, розни искусственной, не оправданной жизненными интересами племенъ, но уже несущей достаточно глубокіе корни. Низводъ религію на степень политическаго оружія, инабы обострили отношенія наро-

домъ, усугубили зло оказаніемъ содѣйствіи уни, возмезіи берѣху съ православіемъ въ руководящій принципъ, придали католичествомъ правительственно-полицейское значеніе. При такихъ условіяхъ, неизбежно и некоторое покровительство хорватамъ. Но хорваты—не большинство и далеко не цѣль южнаго славянства. И относительно облегченности ихъ положенія, очевидно, отстранить отъ нихъ далматинскихъ сербовъ, которые, по самой сущности своей, какъ родные братья жителей Боснии и Герцеговины, являлись объектомъ грубо-оскорбительнаго надзора, стѣсненій и подозрѣній. Факты, могущіе служить подтвержденіемъ моимъ словамъ, хорошо извѣстны читателямъ нашихъ газетъ. Итъ надобности въ перечисленіи этихъ фактовъ. Но вполне понять ихъ смыслъ можетъ только тотъ, кто побывалъ на восточномъ берегу Адріатики и основательно прилежно наблюдалъ къ мѣстной жизни. Однако, и отъ вниманія поверхностнаго наблюдателя, и думаю, не ускользнетъ систематичное угнетеніе сербской національности, проводимое путемъ далеко не глухой враждебности мѣстныхъ органовъ власти къ православію и посредствомъ искорененія въ школахъ слѣдовъ сербской культуры.

На горѣ, круто висящей надъ эфемернымъ берегомъ Рѣмницы (Фумары), красуется бѣлая хорватская деревня Тернато, названіе которой унаследовано ею отъ древней римской колоніи Терсатика, некогда находившейся на мѣстѣ теперешняго Фуме и подвергнутой разрушенію при Карлѣ Великомъ. Изъ Фуме на Тернато ведетъ каменная лѣстница въ 423 ступени, прерываемая отлогими площадками. Сверху открывается чудный видъ на городъ, Аббанию, Вокоску, весь заливъ. Лѣстница приводитъ къ оградѣ Францисканскаго монастыря, съ церковью, посвященной Богоматери-Покровительницѣ мориковъ. Дальше, проулкамъ, ведетъ дорога къ Старому-Граду, многотковымъ развалинамъ, откуда съ башни можно любоваться на весь обширный Кварнеро.

Еще изъяснить веретъ отдѣляютъ насъ отъ того юга, куда мы идемъ, а уже здѣсь ощущается благодать края, залитаго всемогущимъ солнцемъ. Лучше, казалось бы, и не выбрать мѣста на землѣ. Яркое-синее море, окаймленное красивыми берегами съ причудливыми очертаніями зеленыхъ и сѣрыхъ горъ; радостно-синее небо, къ которому словно рвутся вершины темныхъ кипарисовъ; цѣль острововъ, уходящихъ далеко въ море... Мы такъ охвачены красотой, что въ ней не постигаемъ міра, а между тѣмъ, еще три дня тому назадъ, мы видѣли тусклую и холодную природу Финскаго залива, чутили въ августѣ приближеніе морозовъ... Мы съ такою горячностью любимъ видѣть, точно ничего болѣе красиваго въ мірѣ нѣтъ, а между тѣмъ—намъ предстоитъ скоро увидѣть такую мощную красоту горъ, что Фуме въ нашей памяти потускнѣетъ... И здѣсь, гдѣ сама природа должна бы служить урожаемъ челоукаго счастья,—люди измѣняютъ другъ друга политическими страстями. Борьба, кто за преобладаніе, кто за равноправность, кто за существованіе. Мы, тоскующіе въ вѣчномъ

У парохода „Лангунія“.

полушракъ на сѣверѣ, думаемы: развѣ не все равно, чей здѣсь флагъ развѣвается, англійскій или славянскій, на какомъ языкѣ говорить, отъ какого правительства зависить....

Вѣдь горы, море, солнце—все это Божье, все это высше дары человечеству, все это счастье, раздаваемое всякому щедрою рукой... Поблизать бы здѣшній людъ на нашекъ ингерманландскомъ болотѣ, познать бы дни безъ солнца и тепла, безпощадный ужасъ зимъ, зябрую злобу мороза и смертоносную гниль весны и осени,—научился бы цѣнить то, что исходитъ отъ Бога, и презирать все то, что вносится въ миръ людьми. Борьба за существованіе, ради необходимости купить тепла и снѣга, здѣсь неизбѣжна,

улица въ Фіуме.

но человѣку нельзя жить безъ борьбы, поэтому онъ борется тутъ сжемиутно за национальную, племенную и личную независимость, отдается стремленію къ высшимъ идеаламъ, художественно-чуткій и, конечно, гораздо болѣе несчастный, нежели эскимосъ, живущій въ кризисъ воюющей юрты, среди ледяныхъ пространствъ сѣвернаго безлюдья.

Благодаря тому, что мы такъ быстро пробѣжали разстояніе, отдѣляющее Балтійское море отъ Адриатическаго, мы съ особенною страстностью воспринимаемъ впечатлѣніи горячаго юга. Подъемъ на Терцато восхищаетъ насъ, радуешь, какъ роскошный подарокъ жизни. Мысль о неизбежно предстоящемъ сѣверѣ пугаетъ насъ; мы сѣвера почти боимся, подобно тому, какъ дѣти боятся бабы-яги. Мы влюблены въ югъ, котораго не видѣли съ прошлаго года, и находимъ подъ обаяніемъ воспроизведенія его чаръ... Намъ кажется, что вѣтъ жизни внѣ красоты и что все прочее—ложь, условность, ненужное... Въ этихъ красивыхъ мѣстахъ, созданныхъ для людей и для которыхъ созданы люди, намъ представляется, будто мы овладѣли счастьемъ.

— И вѣдь все это наше, родное, славянское, гораздо болѣе наше, нежели Кавказъ и Крымъ! восклицаетъ одинъ изъ насъ.

Очень уже помолодѣли мы, глядя съ высоты Терцато на долину Рѣчины и чарующую красоту Синя моря.

VII.

ВѢЧЕРОМЪ мы идемъ въ театръ, въ anfiteatro Fenice. На открытой сценѣ, среди посредственныхъ декораций и въ плохихъ костюмахъ, итальянская труппа исполняетъ одно изъ наиболее возмѣлыхъ произведеній Оффенбаха, но играетъ съ такимъ убѣжденіемъ и такъ весело, что пріятно смотрѣть. Не помню теперь, кто сказалъ, что въ каждомъ итальянцѣ сидитъ Пульчинелла. Тутъ, конечно, приходится имѣть дѣло съ тенденціознымъ преувеличеніемъ, но нельзя отрицать, что простой здоровый комизмъ такъ и брызжеть изъ итальянской

натуры. Смигнуть и немцы, обладав большою долею обиходно-житейского юмора, смеяться и французы, специализировавшиеся на придании смехотворности неперестойностям, смеяться и русскій, немного сквозь слезы, но, право, только итальянцы умеют настоящим образом веселиться. Отъ того смѣха, который онъ вызываетъ, не дѣлается послѣ совѣстно, потому что онъ никогда не отходитъ отъ художественности. Красота возростившейся его природы вложила въ него природенную артистичность, а съ молодости окружающіе его произведенія искусства развиваютъ въ немъ особенную художественную чуткость. Въ его исполненіи даже Оффенбахи облагораживаются.

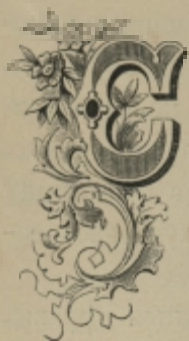
Позади насъ, гудитъ музыкальная толпа, подхватывающая мелодичныя фразы, награждающая похвалами и восторгомъ. Южная публика простодушнее чутка, радуется неумству и любитъ проявлять свою радость. Здѣсь искусство — на родинѣ, не такъ какъ у насъ, гдѣ всякое истое художественное произведение кажется лишенымъ должной обстановки, словно картина безъ рамы. И русское искусство должно гордиться тѣмъ, что оно умѣло достигнуть прекраснаго вопреки враждебности сѣверной природы. На сѣверѣ человѣку приходится создавать красивое въ туманѣ, подъ гнетомъ морозовъ, въ полутьмѣ приполярныхъ дней. Природа не даетъ ему красокъ, солнце не согреваетъ его, въ воздухѣ не ощущается жизни. А здѣсь каждый атомъ просится на палитру, въ строчку стиха, въ потку канцони. Впрочемъ, будемъ рады, все къ лучшему: пріѣхавъ сюда, мы хорошо цѣнимъ блага юга. Но, влюбляясь въ югъ, мы, все-таки, продолжаемъ любить свой родной сѣверъ, какъ строгаго отца, къ суровости котораго привыкли. И развѣ нѣтъ красотъ въ нашихъ сосновыхъ дѣсахъ, въ майской зелени березъ, въ ивоварской бѣлизнѣ полей? Сжались мы съ нею, съ этою красотой, перестали ее замѣчать. Правда, только солнце окончательно рождаетъ человѣка съ природой.

Via del Molino въ Флумсѣ.

Черное небо такъ и сверкаетъ звѣздами, стались надъ зрителями вмѣсто потолка. Ночь тепла, остаткомъ дневной жары прогрѣта и къ восходу солнца не успѣетъ остыть.

VIII.

СООБЩЕНИЕ Флуме съ Которомъ установлено рейсами венгерско-хорватскаго пароходнаго общества. Намъ предстоитъ сѣсть на прекрасный пароходъ «Паннонiя», отбывающій по вторникамъ, въ 10% час. утра. Онъ просторенъ, красивъ, удобенъ и отличается быстротою хода: разстояние до Котора онъ легко осиливаетъ въ двадцать пять часовъ, не смотря на порочныя остановки въ Задартъ, Сплитъ и Гружъ.

Въ десять часовъ утра мы уже переселились на «Паннонiю», но, кажется, намъ придется долго ждать. Курьерскій поездъ, идущій изъ Вены, катится съ двухчасовымъ опозданиемъ, а пароходъ обязанъ получить отъ него почту. Въ нетерпеливомъ ожиданнiи мы бродимъ по палубѣ. А, вотъ и согласитай, полагающемся намъ по плану! Въ Флуме мы были для него неинтересны, а зѣлъ возникла снова необходимость за нами слѣдить. Кое бы,—на пароходѣ много православныхъ дамастичевъ, и не! они непрерывно снѣмать съ нами познать комитетъ... Съ ними мы съ первыхъ словъ сходимъ, взаимно связанные одинаковостью снѣматiй и антипатiй.

Рейдъ въ Флуме.

Мы—русские, и этого достаточно для нихъ, чтобы высказывать откровенно свои упрямствiя и опасенiя. Ложный слухъ о томъ, будто Россiя выразила согласiе на окончательное закрѣпленiе Герцеговины и Боснии за Австрiей, ихъ пугаетъ, томить... Видъ подобнаго закрѣпленiя на смерть уложить православное южное славянство, уничтожить возможность возрожденiя Великой Сербiи... Къ счастью, этотъ слухъ совершенно лишенъ основанiй.

Къ счастью, для нихъ, къ счастью и для насъ. Я всегда былъ далекъ отъ профессиональной дипломатiи и не обладаю тѣми знанiями, которыми могъ бы обогатиться путемъ прохожденiя дипломатической службы. Съ славянскимъ вопросомъ я знакомъ исключительно въ качествѣ путешественника, въ качествѣ прiятеля многихъ мѣстныхъ дѣятелей и человека, побывавшаго въ разныхъ пунктахъ Балканскаго полуострова. Изъ своихъ наблюденiй, и вынесъ впечатлѣнiя, показывающи мнѣ, что каючь къ разрѣшенiю Балканскаго вопроса находится не въ узкомъ Босфорѣ, а на славянскомъ побережьѣ Адриатическаго моря. Мнѣ кажется, что лишь въ маленькой Черногорiи, къ которой тяготеютъ миллионы славянъ, возможно развязать петли Гордiева узла, и что этотъ узелъ слѣдуетъ развязать, а не рубить. Судьба же Боснии и Герцеговины тѣсно связана съ судьбою Черногорiи, этого цвѣта южнаго славянства, этой небольшою по своей территории и громадною по значенiю своему въ сознанiи южнаго славянства странѣ.

Своихъ новыхъ знакомыхъ мы предупреждаемъ о томъ, что за нашими разговорами слѣдить въ почтительномъ отдаленіи спутники изъ Будапешта. Они съ удовольствіемъ всматриваются въ него, чтобы запомнить. Если и пріѣду въ будущемъ году въ эти страны, придется прикомандировать ко мнѣ другого. Да и справедливость требуетъ, чтобы прелестнымъ путешествіемъ на казенный счетъ не пользовалось постоянно одно и то же лицо.

Раздается гудокъ, мы трогаемся въ путь.

IX.

О МѢРѢ удаленія «Панноніи» отъ Фумскаго моря, все шире и шире обрисовывается Кварнерская бухта,—площадь морской епископы, окаймленной густою зеленою гористыхъ береговъ. Мы проходимъ мимо мрачныхъ судовъ англійской эскадры, прибывшей изъ Загара наканунѣ... Въ теченіе двухъ-трехъ минутъ, они заслоняютъ для насъ Аббацію и Волоску, вносятъ дисгармонію въ картину природы. Фуме постепенно сближается въ бѣлое пятно, и, надвигаясь, острова его закрываютъ. Мы идемъ на разстояніи не болѣе одной версты отъ берега, быстро скользя по проливамъ, въ капризномъ рисункѣ адриатическихъ изьеръ. Берега, съ красивымъ простымъ профилемъ, гористы и пустыны. Сѣрою и желтою краскою затопты они. Поселеній немного. У окраинъ темнозеленыхъ лѣсовъ, на поляхъ,—жизни видно мало. Постепенно мы входимъ въ область безконтрольнаго австрійскаго хозяйничанія, приближаемся къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ шикъ можетъ дѣйствовать «безъ свидѣтелей», въ сторонѣ отъ вниманія европейскихъ сосѣдей. Впечатлѣніе красоты природы, словно придавленной тоскою, будетъ продолжаться почти до Дубровника. Тамъ природа пересиливается, но въ сѣверной Далмаціи превращается австрійскій режимъ, лежащій на всемъ этомъ побережьи нѣлдно разорительнымъ гнетомъ.

Рижскъ въ Фіуме.

Много заключеній перекидала на своемъ вѣку несчастная красавица-Далмація, хотя бы лишь съ тѣхъ поръ, какъ римское владычество пріобрѣло ее къ историческимъ движеніямъ древняго міра. Оно смѣнилось, въ эпоху великихъ переломовъ, набѣгами готовъ, лангобардовъ, геруловъ. Вѣкъ—и римляне, и варвары, манило сюда богатство края, его красота, его ласковій климатъ. Въ сѣльномъ вѣкѣ овладѣваютъ Далмаціей сербо-хорваты, призванные Геракліемъ для борьбы съ арабами, осѣдаютъ въ краѣ и по настоящую

пору составляют основное его население. Възвѣ тяжелой борьбы съ венграми, турками и венетіанцами облили кровью эту землю, какъ бы пропитали ее патристическимъ страданіемъ, развившимся подъ тяжестью смѣнившихся чужеземныхъ гнетовъ.

Съ конца восемнадцатаго столѣтія начинается рядъ невѣроятныхъ расправъ съ Далмачіей, которую державы, путемъ трактатовъ, перекидываютъ изъ владычество, какъ будто она только географическій терминъ, а не родина живыхъ людей, словно у нея нѣтъ ни населенія, ни исторіи, ни упоминаній, а имѣется лишь къ-то установленная обязанность играть пассивную роль. То ее получаетъ тотъ, кто на нее никакого права не имѣетъ, то ее даритъ тѣ, которые не имѣютъ вовсе нравственнаго права

Аббація.

ею распорядиться. Получается хаосъ дипломатическаго своеволия, находящаго себѣ стимулъ въ ошибочномъ великодушіи иныхъ и въ безпринципной жадности другихъ, на общей почвѣ непониманія историческихъ фактовъ и исклѣпанія выяснить правду. Въ 1797 г. Далматинское побережье переходитъ отъ Венеціи къ Австріи, въ 1805 г. — опять къ Италіи, въ 1809 г. — къ Франціи и въ 1815 г. — къ Австріи. И все это на основаніи трактатовъ, послѣ долгихъ обсужденій, столь радовавшихъ Европу, что всякое обсужденіе сопровождалось празднествами, обмѣномъ подарковъ и восхваленьемъ. Судьба Далмачіи интересовала ее вершителей лишь постольку, поскольку это могло содѣйствовать различному настроенію дипломатовъ. Иначе, разумѣется, не стали бы поступать съ цѣлымъ цвѣтущимъ краемъ такъ развязно... Это было время, когда, повидному, не существовало ни логики, ни справедливости, а были только одни трактаты.

Съ цвѣтущимъ краемъ!!... Такимъ онъ былъ прежде, но пересталъ имъ быть съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался достояніемъ Австріи. Въ своемъ болѣзненномъ страхѣ передъ возможностью полнаго возрожденія южнаго славянства, Австрія готова даже на самоистязаніе и не отступаетъ предъ искусственнымъ обдѣленіемъ одной изъ наилучшихъ своихъ провинцій. Признается политически мудрымъ держать Далмачію въ экономичес-

скомъ загоулѣ, задерживать въ ней возмну торговаго оборота, лишать ее правительственной поддержки въ промышленномъ дѣлѣ, не давать ей тѣхъ путей сообщенія, которые поставили бы ее въ связь съ торговыми центрами Европы. Разумѣется, этимъ путемъ достигается разореніе мѣстнаго населенія, удержаніе его въ тискахъ нужды. Швабмадырскіе политики полагаютъ, что голодовка—прекрасное средство противъ патриотическихъ испытукъ, и совершенно не имѣютъ въ виду, что экономическій гнетъ ведетъ лишь къ вѣчному нравственному отчужденію славянъ отъ немцевъ и мадырь. Поэтому, край, который хотя бы лишь скотоводствомъ и винодѣліемъ могъ дойти до обогащенія, поставленъ въ такія условія, что мѣстные жители, за отсутствіемъ сбыта, вынуждены продавать скотъ и вино за безцѣнокъ. На языкѣ Вѣны и Будапешта это, вѣроятно, называется удешевленіемъ жизни?!

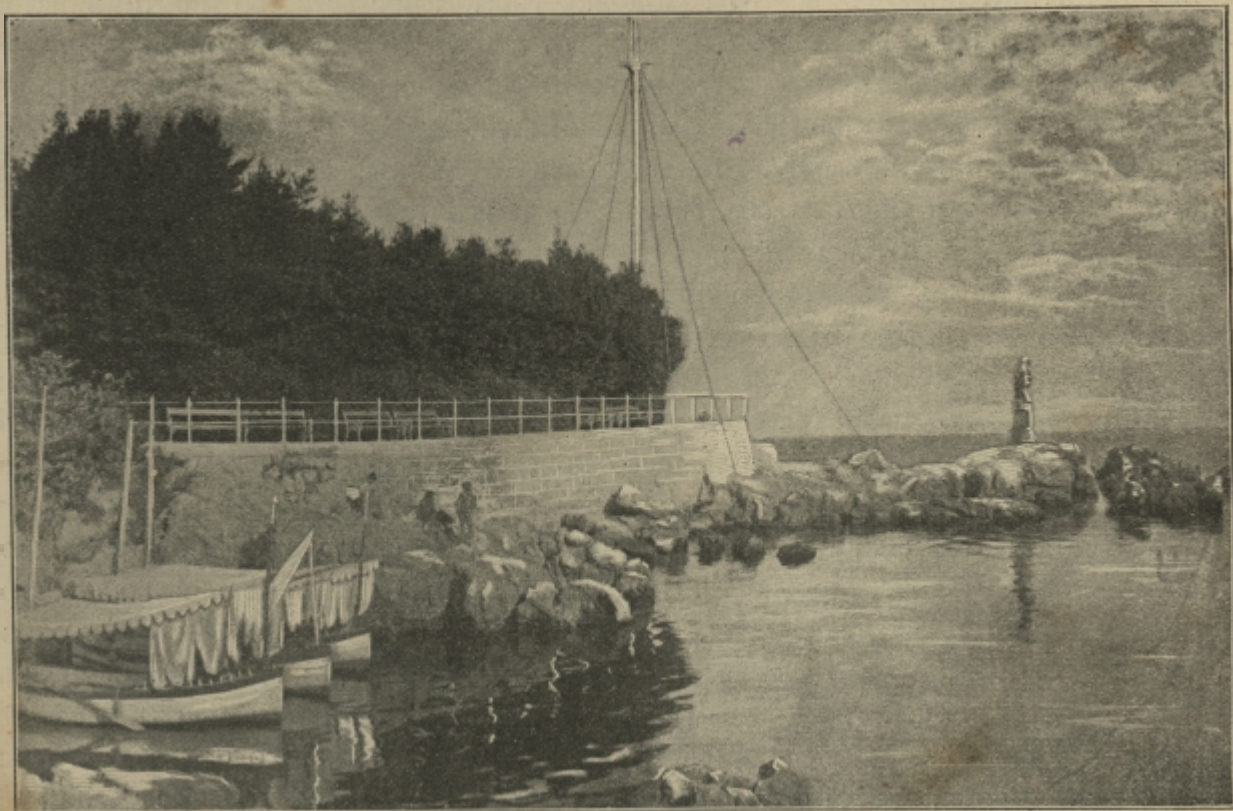
До сихъ поръ нѣтъ рельсоваго пути, соединяющаго Фіуме съ Дубровникомъ или Которомъ. Между тѣмъ, необходимость его, въ интересахъ мѣстнаго населенія, очевидна. Железная дорога существуетъ лишь на небольшомъ районѣ, по обѣимъ сторонамъ Сплита. Говорятъ, что правительство собирается провести линію отъ Херцегови въ Которской Бокѣ до Метковича, служащаго конечнымъ пунктомъ босно-герцеговинской желѣзной дороги, руководствуясь въ этомъ дѣлѣ соображеніями стратегическаго характера. Какими бы ни были соображенія австрійскихъ властей, проведеніе этого рельсоваго пути вызоветъ къ жизни дремлющія экономическія силы и введетъ въ общеевропейскій торговый оборотъ богатства края, находящагося нынѣ въ пренебреженіи и намѣренномъ забвеніи. Если, кромѣ того, осуществится планъ желѣзнодорожнаго соединенія Сербіи съ Черногоріей (черезъ Ноймъ-Базаръ), то, безъ сомнѣнія, въ ближайшемъ будущемъ наступитъ для южнаго славинства эра хотя бы относительнаго финансоваго благополучія, конреки противоположно швабской политикѣ.

Въ политикѣ этой, во всякомъ случаѣ, примѣчательна безпримѣрная самоотверженность Австріи, которая, ради приниженія и всенескаго угнетенія славянскаго элемента, не отступаетъ передъ наиболѣе существенными жертвами. Такъ, напримѣръ, австро-венгерское правительство, зная по собственному опыту, на сколько выгодно для страны приливъ иностранцевъ-туристовъ и посѣлителей курортовъ (Тироль, Зальцкаммергутъ и т. п.), не пользуется возмож-

Аббациа, съ моря.

ностью извлекать, въ этомъ отношеніи, громадные доходы изъ Далматинскаго побережья. По положенію своему на берегу краснаго и ласковаго моря, по мягкому теплomu климату, Далмація выдѣляется въ рядъ мѣстностей, могущихъ дать боль-

Аббація, статуя Мадонны.

шое число прекрасныхъ пунктовъ морскаго купанья, лѣченьи виноградомъ и гор-
нымъ воздухомъ. При небольшихъ, сравнительно, затратахъ, возможно было бы пере-
мазнуть на восточный берегъ Адриатики большинство записныхъ посетителей Швейцаріи,
Италіи и всей Ривьеры. Стоило бы лишь оказать населенію нѣкоторую помощь въ дѣлѣ
возведенія гостиницъ, учредить санаторіи, провести желѣзныя дороги. Для австро-вен-
герской казны это было бы выгоднымъ предпріятіемъ. Но именно въ томъ-то и суть,
что Австрія стремится «замолчать» Далмацію, скрыть ее отъ постороннихъ взглядовъ. За
последнее время, благодаря предпримчивости частныхъ лицъ, въ Дубровникѣ открыта
прекрасная гостиница «Hôtel Impérial», но сказочно-живописная Бокка нарочито оста-
ется въ невоздѣланномъ состояніи; Херцеговина, могущіи совершенно затмить Сорренто,
насилу превращается въ казарму, окрестности Котора замирають въ запустѣніи, въ
черной тѣни, накладываемой крыльми австрійскаго орла.

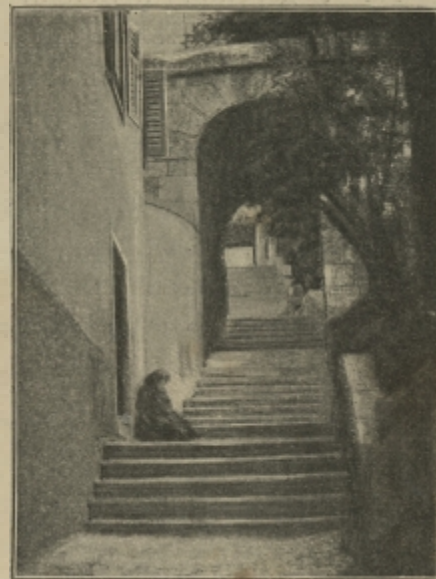
X.

В пятом часу дня, на горизонтъ показался Задаръ (Зара), засверкавъ въ синевѣ Адриатички близкою сахарнаго улья, вдающагося въ море рѣзко очерченными полуостровами. Задаръ—главный городъ края съ десяткомъ тысячъ жителей, резиденція православнаго и католическаго епископовъ,—выросъ на развалинахъ древне-илирийской Идеры, прославился борьбою съ Венеціей, которой неоднократно поддавался; между прочимъ его овладѣлъ и несчастный

Марино Фальери. Россіянинъ знаетъ Зару преимущественно по мараскину, да еще, пожалуй, помнить о ней по знаменитой картинѣ Тинторета «Взятіе Зары», находящейся во дворѣ дожей. Между тѣмъ, это—очень интересный и симпатичный городъ, изобилующій останками процвѣтшаго, съ сильно выраженнымъ венецианскимъ характеромъ улицъ и площадей. Почти сохранилась венецианская стѣна, обрамляющая городъ почти со всѣхъ сторонъ, съ изображеніемъ льва Св. Марка надъ входными воротами. Соборъ, выстроенный въ XIII вѣкѣ, очень красивъ, со строго-художественнымъ фасадомъ. Вообще, интересныхъ храмовъ и дворцовъ въ Задарѣ много, но тѣснота улицъ чрезвычайно предѣляетъ впечатлѣнію и мѣшаетъ производству фотографическихъ съемокъ.

Задаръ—одинъ изъ главныхъ центровъ умственной жизни южнаго славянства, въ главномъ городѣ австрийскаго империализма въ Далмачіи. Относительная «центральность» города привлекаетъ въ него лучшихъ силъ мѣстной интеллигенціи, находящихъ себѣ примѣненіе въ публицистикѣ и адвокатурѣ. Затѣсь жилъ и работалъ умер-

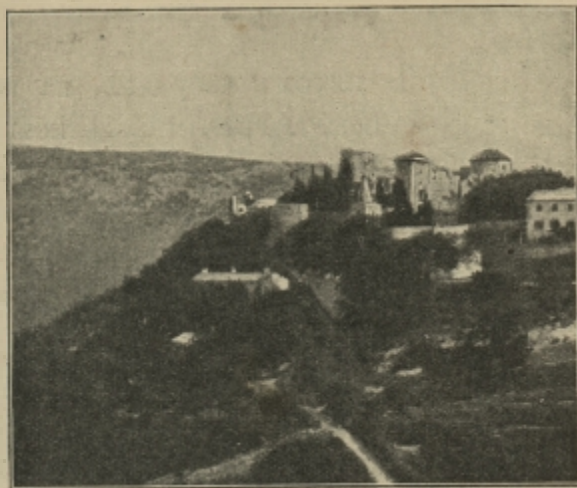
Входъ на лѣстницу въ Терцато.

Сѣлой-мищій на лѣстницѣ въ Терцато.

шій въ началѣ 1897 г. Савва Вѣлановичъ, редакторъ «Сербскаго Гласа», одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей сербской партіи. Скончался онъ на порогѣ сорокалѣтняго возраста, въ полномъ разгарѣ нравственныхъ силъ и энергіи. Смерть его была вызвана тѣмъ, что, будучи вообще слабымъ здоровьемъ, онъ простудился въ Римѣ, куда поѣхалъ, чтобы присутствовать на бракосочетаніи княжны Елены. Дѣятельность его, какъ редактора сербскаго органа, какъ депутата, писателя и оратора, обезпечила за нимъ добрую

память южных славянъ. Находясь въ тяжелыхъ условіяхъ, создаваемыхъ непримиримостью австрійской цензуры и враждебностью не только итальянской и шнабской, но и хорватской партіи,—Бѣлановичъ сумѣлъ принести пользу изможденному дѣлу воссоединеніи южныхъ славянъ и укрѣпленіи православія на побережьи Адриатики. Глубоко преданный своей родинѣ, мечтающій объ освобожденіи славянства отъ иѣменкаго гнета, онъ былъ въ числѣ тѣхъ открытыхъ и честныхъ борцовъ, которыхъ уважаютъ даже враги.

Старый-Гразъ, общій видъ.

На Задарской пристани меня встрѣчаютъ пріятели, знающіе цѣль моей поѣздки—сгруппировать въ рядъ бѣлыхъ очерковъ впечатлѣній, даровавшихъ мнѣ знакомствомъ съ приадріатическимъ славянствомъ и Черною Горой. Я хорошо знаю Задаръ, мнѣ нечего въ немъ осматривать, и, пока я съ друзьями дѣлюсь послѣдними новостями, мои спутники разсѣиваются по городу съ фотографическими аппаратами. Моему бѣдному солидату придется разорваться на части; на него возложена слишкомъ трудная задача.

XI.

ВЕЧЕРОМЪ, въ одиннадцатомъ часу, засверкали въ отдаленіи огни Сплита (Спалато). Быстро разбѣгая морскую гладь, черную въ ночи, «Паннонія» скользитъ почти безъ сотрясеній полетомъ громадной ласточки. Съ каждою минутой огней становится больше, они ярче, красивѣе, словно ряды прибрежныхъ звѣздъ.

Почти 1600 лѣтъ тому назадъ, императоръ Діоклеціанъ возвелъ близъ мѣстъ существующаго въ развалинахъ блестящаго города Салона громадный дворецъ на

Видъ на Фіуме, съ Тивата.

берегу моря, данною приблизительно въ сто сажень, сажень въ восемьдесятъ ширины. Подавленный неудачами своей борьбы съ христіанствомъ, онъ, за нѣсколько лѣтъ до своей кончины, отказавшись отъ престола, переселился на родину, въ Далмацію, и провелъ послѣдніе годы своей жизни въ этомъ дворцѣ, сосредоточившемъ въ себѣ жизнь цѣлаго города, являвшемъ собою сокровищницу произведеній искусства. Разрушительное нашествіе

Аттилы и его сподвижниковъ, безжалостно разгромившихъ Иллирию, отозвалось на судьбѣ дворца, который подвергся неоднократно разграбленію. Съ уходомъ гунновъ и вандаловъ, край не надолго отдыхаетъ. При Одоакрѣ Салона разрушается и окончательно затѣмъ выжигается, въ началѣ седьмого вѣка, анарамн. Населеніе города ищетъ убожища въ крѣпкихъ стѣнахъ дворца Диоклетиана и такимъ образомъ кладетъ начало новому поселенію, выросшему при дворцѣ, ad palatium, откуда и получило свое нѣмкое названіе его—Спалато. Мало-по-малу дворецъ превратился въ городъ, проходы стали улицами, залы обратились въ площади. Поэтому улицы и площади образовались одѣкъ надъ другими, въ разныхъ этажахъ, путаницей капризнаго лабиринта.

Старый-Градъ въ Трешто.

Въ общемъ, получается нѣчто до того оригинальное, что первое впечатлѣніе, произведенное Спалтомъ, доходить до крайнихъ предѣловъ силы. При близкомъ освѣщеніи, улицы пріобрѣтаютъ совершенно сказочный характеръ. Въ полутьмѣ, громадные обломки старины срастаются въ одно подавляющее нѣбос. Днемъ, конечно, впечатлѣніе слабѣе, видна нечистота проулковъ, замѣтна дисгармонія древняго съ новѣйшимъ. Рѣдкая не на каждомъ шагѣ приходится убѣждаться въ неуваженіи къ старинѣ. Уродливая современная стропила нагромождаютъ на останки пропалаго, мощные, выдерживающіе цѣлѣ дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зданія идутъ тройнымъ строемъ. Правительству Спалатова бы изъять подъ строгую охрану развалины Диоклетианова дворца и оградить ихъ отъ дальнѣйшаго оскверненія новыми постройками. Спалтъ—такое сокровище для художника и археолога, что, находясь онъ въ Италіи, къ нему стекались бы изъ всѣхъ странъ свѣта артистическія и ученныя силы. Обладаи этимъ сокровищемъ, Австрія должна бы была относиться къ нему съ уваженіемъ и содѣйствовать обращенію его въ пунктъ художественныхъ паломничествъ. Но въ томъ-то и бѣда, что Спалато лежитъ въ Далмаціи, Далмація же не вѣдаетъ покровительства, а знаетъ только надзоръ.

Въ центрѣ дворца, на развалинахъ древняго храма, строится въ настоящее время громадный соборъ. Съ вершины башни его открывается поразительной красоты видъ на море и окрестности города. Онъ еще весь въ тѣсахъ, доступъ въ него постороннимъ лицамъ воспрещается, но для насъ было сдѣлано любезное исключеніе. Мы могли убѣдиться въ томъ, что постройка производится основательно, безъ страха предъ затратами. Деньги на роскошный католическій соборъ, въ видахъ явшаго подавленія православія, очевидно, всегда найдутся, но, къ сожалѣнію, у строителей не хватаетъ религіознаго такта: на громадной высотѣ, на фасадѣ соборной башни, мы видимъ двѣ крайне непристойныя фигуры грубо-эротическаго характера.

Спрашиваю архитектора:—Развѣ здѣсь имъ мѣсто?

Онъ отвѣчаетъ:—Это точное воспроизведеніе двухъ древнихъ фигуръ, найденныхъ

въ Спалато... Мы, по возможности, стараемся воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что намъ дворецъ Діоклѣяна...

Ну, дворецъ Діоклѣяна еще не то можетъ дать, но нельзя же все безъ разбора превращать въ украшеніе храма. Такія фигуры уместны только въ музеяхъ, въ тѣхъ комнатахъ, куда допускаются дамы лишь въ опредѣленные дни, а дѣтей не пускаютъ вовсе.

Рядомъ съ дворцомъ, вдоль извилинъ гористаго берега, выросъ современный Сплитъ, съ относительно широкими и правильными улицами, со зданіями обще-европейскаго типа. Онъ торгуетъ виномъ, зерномъ и фруктами и, очевидно, могъ бы, подѣ условіемъ покровительства со стороны правительственныхъ органовъ, развиться въ крупный торговый центръ, но, конечно, это несогласно съ намереніями австрійскаго правительства. Сплиту приходится страдать за свое географическое положеніе въ серединѣ славянской береговой полосы, не смотря на то, что большинство его жителей (а ихъ почти двадцать тысячъ) исповѣдываютъ католичество и принадлежатъ къ хорватскому племени. Спалато спитъ подѣ тяжелымъ гнетомъ монархической политики. Торговля дремлетъ въ предѣлахъ каботажна, промышленность ничтожна, общественная жизнь прозябаетъ. Въ тоскѣ смутнаго ожиданія лучшихъ временъ, среди сѣдовъ былаго величія, Спалато спитъ. Спитъ городъ нездоровымъ искусственнымъ сномъ, закованный въ стѣны дворца-исполина, словно подавленный воспоминаніями, уходящими въ туманъ вѣковъ. Столѣтія историческаго блеска и длинный рядъ кровавыхъ истязаній привели его къ туникѣ австрійскаго режима. Вынесъ онъ бури дни того, чтобы поднимать въ стоячей водѣ. Спалато, какая-то оскверненная Помпеи, тоскуетъ на берегу ласковаго Сина моря, сонно перебираетъ нѣка своей жизни, будущаго не видя.

XII.

Тѣ Сплита до развалинъ Саломы всего минутъ двадцать ѣзды по прекрасной шоссе-ной дорогѣ, которая, какъ и большинство подобныхъ путей, проложена въ эпоху кратковременнаго французскаго владычества. Изъ вѣхъ чередовавшихся владѣтелей Далмаціи, Наполеоновская Франція принесла, пожалуй, наибольшую пользу краю и, во всякомъ случаѣ, довела его до границъ европейскаго общежитія, впоследствии Австрію отодвинутыхъ назадъ.

Въ пронизывающей жаръ знойнаго полудня, мы ѣдемъ въ Салону. Экспрессъ удобенъ, дорога хороша, загородный воздухъ горичъ и ароматенъ, и мы съ чувствомъ отдохновенія смотримъ на красивые склоны прибрежныхъ холмовъ. Скорые далматинцы, въ красивыхъ костюмахъ, попадаются на встрѣчу. Вотъ, съ длиннымъ зубукомъ въ зубахъ, раскачивается длинноусый старикъ на рыси маленькаго стараго осла... Вотъ иѣлая группа разноцвѣтныхъ фигуръ, патромозни-

Въ Старомъ Градѣ.

шихся на длинную поозку... Въ окнѣ хижины мелькнуло загорѣлое лицо хоро-
шенькой хорватицы... У фонтана валюты голыя дѣти съ бронзовымъ тѣломъ...
попадаетъ и европейскій костюмъ, и мы
находимъ, что онъ портигъ намъ картину.
Здѣсь еще не получается чистаго впечатлѣ-
нія славянства. Подождемъ, завтра мы уви-
димъ первые склоны Черной Горы.

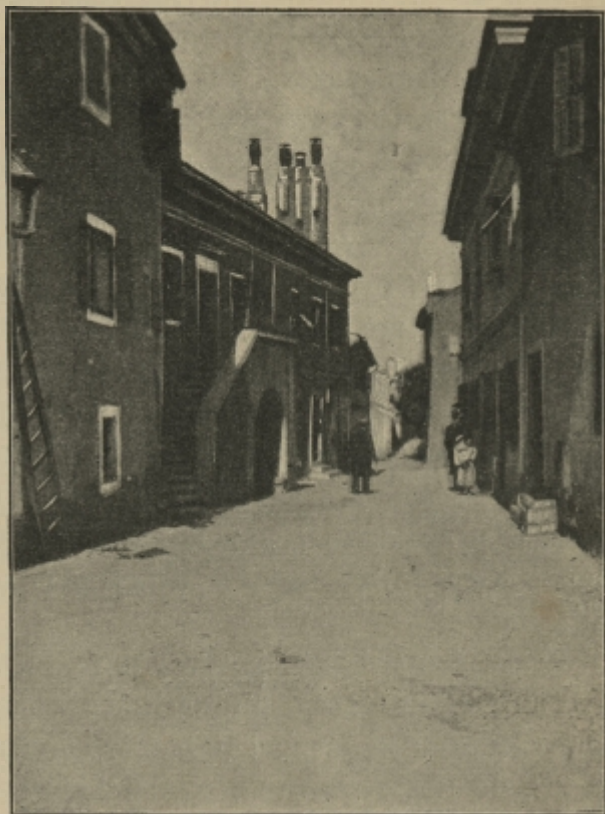
Въ глубинѣ жаркой синей бухточки,
художественно расположилась деревня Малая-
Вреница (Piccola-Venezia), жемчужиной пре-
дѣстнаго ландшафта. Можетъ быть въ Малой-
Вреницѣ прогулки гризны и дужны, можетъ
быть тамъ жить совсѣмъ не хорошо, но
издали она заманчиво-красива, весело свер-
каетъ бѣлизною и яркостью цвѣтныхъ по-
тенъ. Мы ее не посетимъ и не узнаемъ, но
всегда будемъ любить за то, что она пора-
довала насъ своею красотой.

Мы сворачиваемъ подъ густую тѣнь
каптановыхъ деревьевъ, переѣзжаемъ рѣчку,
пробираемся къ самой цѣли нашей поѣздки
и остаемся колеску у старика-трактир-
ника. Дальше нужно идти пѣшкомъ, среди
виноградниковъ и поросшихъ колючимъ
кустарникомъ рывинъ.

Происхожденіе Салонны, главнаго города римской Далмаціи, теряется въ глубинѣ
временъ, недостижимыхъ для историка. Мифология приписываетъ ей участіе въ похотѣ
аргонтовъ; преданіе говоритъ, что она снабдила Грековъ, осаждавшихъ Трою, семью-
десятью двумя галерами, а исторія начинается упоминать объ этомъ городѣ лишь во вто-
ромъ вѣкѣ до Р. Х.: тутъ зимовалъ Метеллъ со своимъ войскомъ. Подробнаго описанія
жизни Салонны не имѣется, да и не знаю я, нашлись ли бы для того достаточные мате-
риалы. Хорошо извѣстно лишь, что это былъ большой и прекрасный городъ, который,
какъ и все прекрасное, показался варварамъ ненавистнымъ и почти виноватною
смертью.

Развалины Салонны содержатся въ возмутительномъ пренебреженіи. Австрійское рав-
нодушіе, конечно, оказалось болѣе разрушительнымъ, нежели тигость вѣкомъ. Раскопки
ведутся медленно, черезъ пеня-колоту, и открываемые останки старины столь слабо охра-
няются, что домики сошедшихъ деревень свободно украшаются обломками барельефовъ и
капителей. Разбитое зарастаетъ вьюномъ, мозаика вывѣтривается и дробится подъ дождемъ,
прекрасные саркофаги не прикрываются отъ непогоды... словно кандалы еще не съ-
ушли и по прежнему распоряжаются.

Мы съ трудомъ пробираемся среди разрушенныхъ стѣнъ, падающихъ сѣрыми гру-
дами на раскаленной каменистой почвѣ. Солнце печетъ безощадно, какъ будто съби-
жить вознаградить насъ за долгіе мѣсяцы сѣверной стужи. Широко раскинулось покры-
тое развалинами поле... велика была Салона и велико ее выгнѣнное кладбище! Цѣлый
кустарникъ хватаетъ насъ за ноги и затрудняетъ шаги. Большия зеленныя ящерицы уль-

Улица въ Тиватѣ.

гаютъ при нашемъ приближеніи. Горючій воздухъ кратко пропитанъ запахомъ ароматическихкихъ травъ.

При мысли о томъ, что мы постигаемъ великое прошлое, намъ дѣлается немного жутко. Ясно сознаешь, что когда нибудь великій рокъ сокрутъ въ прахъ развалитъ все теперешнее, что уйдетъ въ могилу весь сегодняшний Сплитъ очереднымъ наслоениемъ давно минувшаго, что заключительный аккордъ руководящихъ нами нынѣ личныхъ, общественныхъ и политическихъ стремленій раздастся въ дали годовъ, на грани неизвѣстныхъ будущихъ жизней. Настыльная величина прошлаго отражается въ насъ картиной будущаго... И будутъ рождаться и умирать люди, станутъ создаваться и пропадать города, народы будутъ переходить отъ торжества къ порабощенію и отъ неволи къ могуществу, а все тѣ же горы будутъ все также зеленѣть и Адриатика по прежнему будетъ синѣть въ торжественной красѣ равнодушной природы, той природы, въ которую влюбляются люди и которая безучастно переживаетъ людей.

Наконецъ, мы дошли до относительно уничтоженныхъ развалинъ. Вандализующій реставраторъ набралъ различныхъ обломковъ, фризъ, капители, углы саркофаговъ, куски колоннъ и выложилъ изъ нихъ археологическую арлекинаду въ формѣ задѣланныхъ воротъ. Отъ этихъ воротъ идетъ дорожка къ тому мѣсту, гдѣ находилась большая базилика.

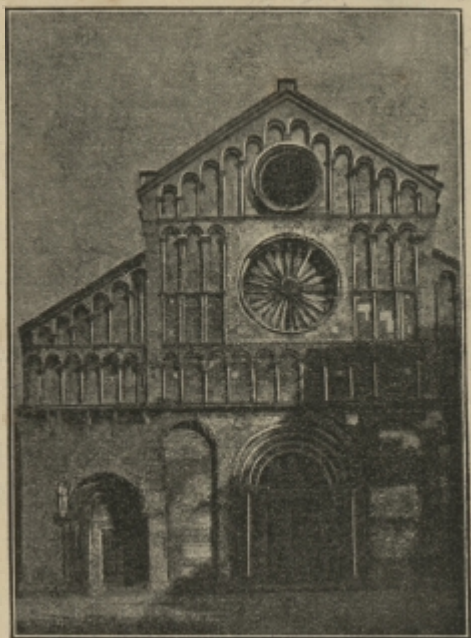
Намъ немилосердно хочется пить, а никакихъ признаковъ воды нѣтъ. Къ счастью, мы усматриваемъ человека, работающаго въ виноградникѣ. Онъ охотно снабжаетъ насъ сочными гроздьями и, кстати, предлагаетъ свои услуги въ качествѣ проводника. Мы соглашаемся, но пользы видимъ отъ него мало. Запахъ любезности у него громадный, но свѣдѣній никакихъ.

Базилика сохранилась относительно хорошо, но крайней мѣрѣ ясно обрисовывается ея расположеніе. Есть намекъ на колоннаду, уцѣлело нѣсколько капителей и барелье-

Площадь въ Флуме у общественнаго сада.

фотъ, имѣются красивыя саркофаги. Археологу есть чѣмъ здѣсь поживиться, а каеъ, не
матоконъ старинны, прельщаетъ красота руинъ.

Соборъ въ Задарѣ.

Въ одинъ изъ саркофаговъ нашъ проводникъ заливаетъ рукой, вытаскиваетъ черепъ. Нѣтъ тамъ оказывается масса; саркофагъ или биткомъ набитъ.

— Это—все кости мучениковъ, съ удовольствіемъ объедаютъ проводникъ и кладетъ черепъ на мѣсто.

Какъ начнутъ сюда ѣздить туристы-англичане, живо растаскають все черепъ. Благодаря отсутствію надзора, когда-нибудь и пару саркофаговъ уволокутъ.

Осматриваемъ еще базилику, банистерій, амфитеатръ. Салона—очень стерты рукописи: по ней трудно читать прошлое. Злоба варваровъ и равнодушіе павловъ принесли ей несравненно больше вреда, нежели Везувій по отношенію къ Помпеѣ. Нѣжаль всю эту исторично убиваемую красоту, погибающую отъ респидива нацизма.

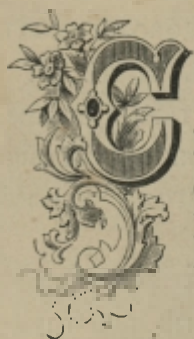
Жарко. Мы устали. Довольно. Воспріятіе притупляется. Мы возвращаемся къ конюшкѣ и ѣдемъ въ Сплитъ, снова любимая чарующею улыбкой Малой Вранцы, показываемъ въ городъ,

Пристань въ Задарѣ.

гль, разумеется, насъ ждетъ нашъ солиднѣйшій, которому показалось лишнимъ и неудобнымъ слѣдить за нами въ Салонѣ.

Можно съ увѣренностью сказать, что къ старинѣ онъ равнодушенъ.

XIII.

СНОВА мы идемъ пароходъ вдоль красиваго побережья. Зелень горъ становится ярче и сочнее, рисунокъ ихъ рѣзче. Мы въѣзжаемъ въ Botche False, въ какущуюся заливъ, образованный причудливымъ расположениемъ острововъ, минуемъ островъ Меледу, плавно входимъ въ прекрасную бухту Гружа (Гранозы). Овъ, служа портомъ Дубровника, отъ котораго лежитъ верстахъ въ трехъ, самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія, кромѣ торговаго. Лежитъ онъ живописно на закругленномъ берегу залива, отличается хорошимъ климатомъ, привлекаетъ небольшое число прѣзжихъ на купальный сезонъ и

Рекоратъ въ Задарѣ.

отличается полнымъ отсутствиемъ курортныхъ удобствъ. Гостиница въ немъ невѣроятно плохая, ресторанъ еще того хуже, тѣмъ почти совсѣмъ пѣтъ. Оттуда можно совершить интересную поѣздку въ Омбру, гдѣ рѣка того же имени бурнымъ потокомъ зарождается изъ громадной скалы. Но на это требуется часовъ пять ѣзды, туда и обратно, на лошадахъ и на лодкѣ. И тамъ бывала и теперь не повторяю этой экскурси. Мы ѣдемъ въ Дубровникъ.

Дорога изъ Гружа въ Дубровникъ — одна изъ красивѣйшихъ въ Далмацин. Въ продолженіи двадцати минутъ, мы ѣдемъ среди душнѣйшихъ садовъ, какъ бы заливающихся путь избыткомъ пылвущихъ олеандровыхъ вѣтвей и огромныхъ кактусовыхъ листовъ. По обѣимъ сторонамъ расположены пріятнѣйшія виллы. Открывается роскош-

ный видъ на Адриатику и полуостровъ Лопатъ. Силойнымъ очарованіемъ дышетъ эта дорога, приводящая къ стѣнамъ Дубровника, къ воротамъ и подъемному мосту.

Библиотека въ Задарѣ.

Дубровникъ (Ратуса)—небольшой городокъ со всѣми удобствами развѣдочь. Отъ воротъ до воротъ четыреста шаговъ. Жителей въ немъ тысячъ восемь, торговое значеніе его не выдающееся. Но онъ прекрасенъ какъ художественное произведеніе, являя собою поразительно хорошо сохранившійся образецъ средне-вѣковаго города. Основаніе его относится къ тому времени, когда сербохорваты разрушили древній Эпидавръ, извѣстный нынѣ подъ названіемъ Ragusa-Veschia. Жители Эпидавра zaloжили на приморской крутизнѣ Дубровникъ, который быстро разросся и ославился. Уже въ IX вѣкѣ онъ образовалъ изъ себя аристократическую республику, энергичную, благоустроенную, ведущую неутомимую борьбу съ Венеціей. Управлялась эта республика дожами, избиравшимися

Набережная въ Сплитѣ.

на короткій срокъ, приче́мъ, во избѣжаніе роскоши, сопряженной съ нѣмъ представительствомъ, дожи, во все время своего управленія, какъ плащъ преданіе, не имѣли права покидать свои покои. Соперница съ Венеціей въ міровой торговлѣ, Дубровникъ избѣгъ вътрѣшнихъ турецкихъ нашествій путемъ заблаговременныхъ соглашеній. Относительно мирное теченіе его жизни обратило его въ средоточіе наукъ и искусствъ, благодаря чему онъ, въ средніе вѣка, стяжалъ себѣ прозваніе «Славянскій Афинъ». Дубровчане, однако, не приписывали своей мудрости и осторожности то обстоятельство, что ужасы войны ихъ миновали, и относили свое спасеніе къ неослабному покровительству Св. Властіи, котораго и понынѣ особенно почитаютъ. Но, оберегаемый отъ войнъ, Дубровникъ постоянно страдалъ отъ страшныхъ землетрясеній. Одно изъ нихъ, въ 1667 г., разрушило много зданій и погубило болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ. Въ началѣ этого столѣтія, республика была упразднена Наполеономъ и вошла въ составъ «иллирійскихъ провинцій», а съ 1815 г. Дубровникъ принадлежитъ Австріи. Съ тѣхъ поръ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о процвѣтаніи. Рагузу постигла общая участь подчиненныхъ швабамъ славянскихъ городовъ. Она застыла въ своей горделивой краѣ, словно не хочетъ переживать дни своего величія. Прекрасенъ старинный правительственный дворецъ. Нижняя часть его относится къ XIV столѣтію, а верхняя была заново выстроена послѣ великаго землетрясенія. Въ немъ сильно сказывается венеціанскій стиль, и, вопреки небольшому относительно размѣру, онъ поражаетъ величіемъ и художественной строгостью; очень красивъ соборъ и церковь Св. Властіи, превзошедъ недавно возведенный памятникъ поэта Гундулича. Да всего и не перечислишь, и не въ отдельныхъ красотахъ—суть, а въ общемъ впечатлѣніи, которое чаруетъ путешественниковъ отголоскомъ сказки рыцарскихъ временъ. Только одна улица широка. Страдоне—идущая отъ сѣверныхъ до южныхъ воротъ; другія узки, но прямы и опрятны. У сѣверныхъ воротъ (porta Ville), выѣзъ городской стѣны, недавно выстроена прекрасная гостиница, открывающаяся на зимній сезонъ. Въ Дубровникѣ мнѣ случилось жить по нѣскольку дней, и онъ всегда доставлялъ мнѣ глубокое художественное удовольствіе.

Фонтанъ въ Сплѣтѣ.

Здѣсь—крайній пунктъ численнаго перенѣса католиковъ надъ православными. По мѣрѣ приближенія къ югу, православіе все болѣе и болѣе преобладаетъ, достигая полнаго господства на Черной Горѣ.

Мы возвращаемся въ Тружъ, забираемся на парохоль, ѣдемъ далѣе. По выходе изъ бухты, мы ошибаемся Дубровникъ. Съ моря, онъ совсѣмъ точно сорвался съ иллюстраціи книги, повѣствующей о среднихъ вѣкахъ. Прелесть торжествующе-прекрасной природы служить ему какъ бы ореоломъ. Смотришь—словно сказку переживаешь.

По нашей просьбѣ, капитанъ направляетъ парохоль узкимъ проликомъ, отдѣляющимъ Рагузу отъ острова Лакрома, густо зелѣнющаго богатою пахучей растительностью. На немъ находится монастырь, основанный, какъ утверждаетъ легенда, Ричардомъ-Львиное-Сердце, въ память благополучно миновавшей бури. Островъ принадлежитъ къ шести-

десятихъ годахъ эрцгерцогу Максимилиану, ставшему впоследствии мексиканскимъ импе-
раторомъ и застрѣленному инсургентами. Онъ не жалѣлъ средствъ на украшеніе Лакромы,
а теперь она заглохла, замерла.

Портъ въ Сибенѣ.

На всемъ Далматинскомъ побережьи лежитъ печать насильственной смерти и гнета.

Еще нѣсколько минутъ, и исчезаютъ Дубровникъ съ Лакромой. Берега понемногу
тянутся вверхъ, темно-зелеными и сѣрыми громады вырастаютъ. Море становится синѣе,
краски все ярче и ярче. Ощущается приближеніе безподобной Которской Бокки, этого
блестящаго синтеза адриатическихъ красотъ.

Площадь въ Сибенѣ.

Три бухты, соединенныя
двумя узкими проливами, три
голубыхъ озера, изъ которыхъ
каждое не уступаетъ, по кра-
сотѣ, любому изъ сѣверо-
итальянскихъ, какои-то трило-
ви прелесть и художественнаго
въ природѣ, — вотъ Которская
Бокка, столь обильна, что
пароходы мчатся по ней боль-
ше часа, столь прекрасная, что
вызываемыя ею впечатлѣнія не
находятъ себѣ перелома на
человѣчeskій языкъ. Завет-
рай для художника, для поэта.

Здѣсь великимъ атомомъ бытія представляется сила прекраснаго, здѣсь все проявленія природы слагаются въ гимнъ вѣчной красоты. И тутъ же, на берегахъ, нѣтъ ни одной пяди земли, которая бы не была обогрѣта кровью, пролитой славянствомъ въ его борьбѣ съ врагами. Каждый камень можетъ служить памятникомъ геройскихъ защитъ и удачныхъ нападѣній, всякая скала помнить чью либо мучительную смерть. Въ эту прекрасную Бокку дипломатія трактатовъ и кабинетныхъ измышлений опрокинула несобѣлтанное количество гори, незаслуженныхъ разочарованій, лики, траура и проклятій. Въ Боккѣ самая красота, созданная Богомъ, и грустность, измышленная людьми.

Выше зелени прибрежныхъ холмовъ темнѣютъ высоты Кривошии напоминаемъ о героической борьбѣ ея жителей, покорошенныхъ Австріей только въ 1882 г... Вотъ пока-

Стѣна дворца Дюкаціана.

здесь величественная отвѣсная громада Черной Горы, мы видимъ картину предстоящаго намъ подъема на Крестацъ. Тамъ, высоко, подъ облаками, крадется край, къ которому мы стремимся.

Вотъ Херцегови, Перасто, Ризано, Персанко, Доброта—заглохшія поселенія, гдѣ пустуютъ дворцы и церкви остаются недостроенными. Мы еще вернемся сюда, насладимся общеніемъ съ Боккой. Пароходъ пошелъ тише, приближался къ Котору. Орлинымъ взоромъ, чѣмъ то ярко-художественнымъ и дикимъ вырисовывается городъ на темной массѣ скалистой гори. Съ моря онъ поразительно красивъ.

Съ пристани прѣтели мои узнали, машутъ платками. Они знаютъ, какъ я люблю то, ради чего они борются и томится, и встрѣчаютъ меня какъ друга.

XIV.

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫМЪ и чарующе-оригинальнымъ представляется Которъ (Сацаго), пока въ него не вступишь. Но стоитъ лишь сойти съ парохода и войти въ городъ, чтобы сразу потускнѣло впечатлѣнiе. Темныя скалы почти отвѣсныхъ горныхъ стѣнъ вызываютъ только чувство тѣсноты, привлекаютъ къ Котору слишкомъ близко для того, чтобы возможно было уловить стройность ихъ причудливыхъ очертанiй. А самъ городъ—наиболѣе

унывающе-отвратительное поселение, которое мнѣ когда либо приходилось видѣть.

Сырость, темнота и дурной воздухъ наполняютъ узкія, кривыя улицы.

Зимой, изъ-за горъ, сюда почти не заглядываетъ солнце, лѣтомъ оно появляется поздно и рано за-

катывается, и съ каждымъ годомъ множатся наслоения гнили, покрывающей зданiя пятнами плѣсени, пропитывающей стѣны домовъ невыносимо-противнымъ запахомъ.

Мнѣ нѣсколько разъ, по необходимости, приходилось въ Которѣ ночевать, и это всегда оказывалось тяжелымъ испытанiемъ, тѣмъ болѣе, что мѣстные гостиницы не поддаются даже самому пессимистическому описанiю.

Провѣдъ путешественниковъ на Черную Гору настолько великъ, что расходы по постройкѣ и содержанiю въ Которѣ хорошей гостиницы окупались бы явнымъ.

Но, конечно, облегченіе условій поѣздки въ Черногорию не согласнo съ видами

Австрии, призвавшей предпочтительнымъ выстроить на набережной громадный кафе-ресторанъ для увеселенiя офицеровъ... а ихъ, благодаря постоянному сугубо-военному

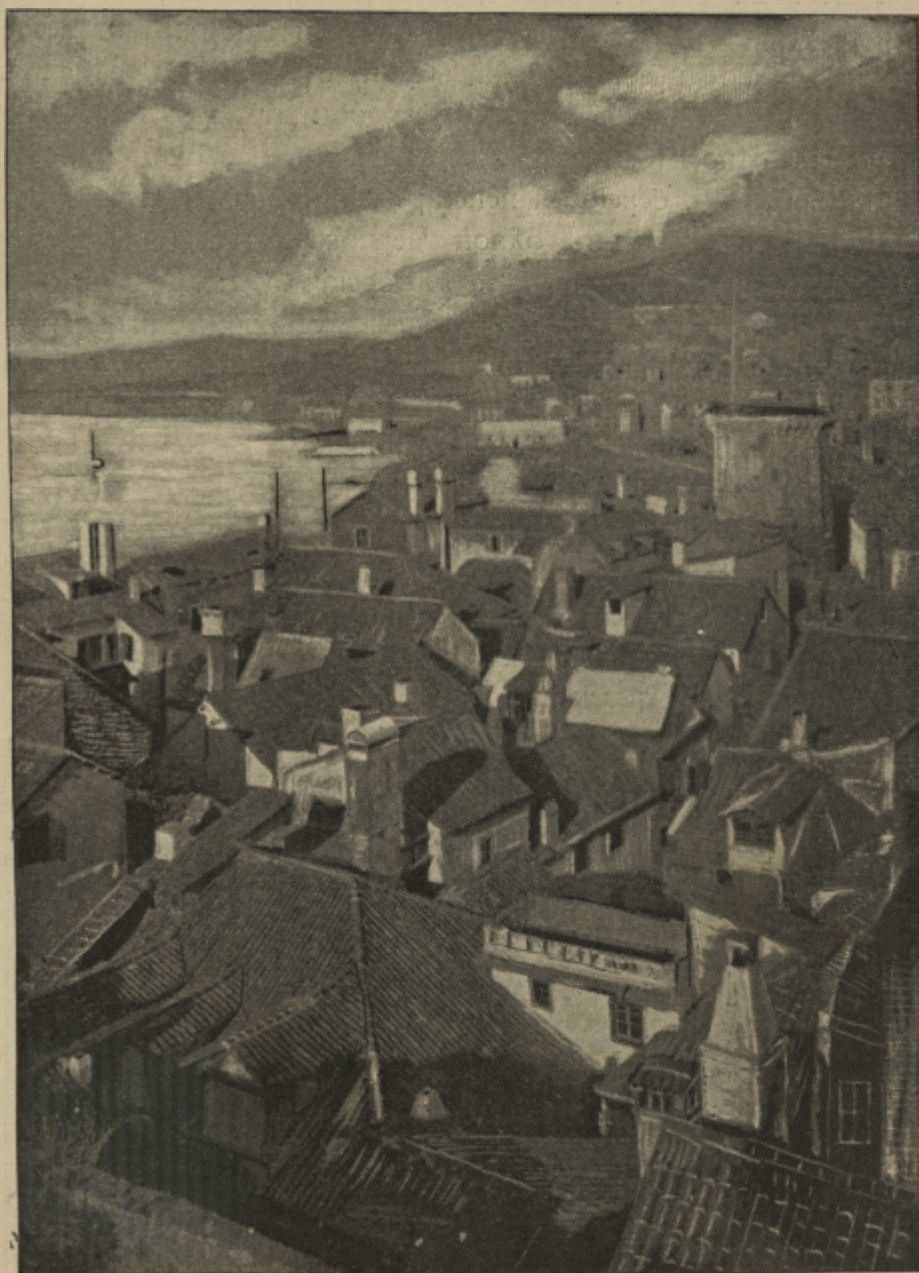
жизненному укладу, въ Которѣ не было и не было.

Видъ Слѣва съ высоты соборной башни.

Видъ Слѣва съ высоты соборной башни.

Видъ Слѣва съ высоты соборной башни.

Видъ Слѣва съ высоты соборной башни.

Видъ Слѣва съ высоты соборной башни.

положенію, въ Которѣ столько, что городъ производитъ совѣтъ казарменнаго диспан-
таріе.

Близость Черногоріи и похищеніяхъ провинцій ввужаетъ австрійскому прави-
тельству неслабшія опасенія. Съ одной стороны, рѣзкость славянскаго самосознанія
полкрѣпляется соедѣствомъ независимаго сербскаго княжества, съ другой—враждебный
гнетъ, удручающій Боснію и Герцеговину, создаетъ почву постоянно угрожае-
щаго протеста. Политическое порабоженіе народностей, которое было бы не подѣ силу
и могучему государственному организму, ставить Австрію въ такое положеніе, что она
сжемыкнуто должна опасаться за свою цѣлость. Въ ея положеніи, отдѣльная личность
мучительно страдала бы отъ угрозы совѣсти, либо отъ ожиданія уголовной кары за
недобросовѣстное распоряженіе довѣренными ей имуществами. Незаконно завладѣвъ
тѣмъ, что, въ силу довѣрія державы, было отдано ей на временное храненіе, Австрія,
навѣрно, угрозы совѣсти не ощущаетъ и отчаянно сознаетъ, что, въ переводѣ на языкъ
международнаго права, уголовныя преступленія получаютъ чрезвычайно деликатныя
наименованія. Но мысль о недолговѣчности захвата ея тревожитъ несомнѣнно, ввуж-
дая искать относительнаго спокойствія въ постоянной боевой готовности. Вся Бокка
книжить войсками, берега ея непрерывно укрѣпленіями, составляя какъ бы одну сплошную
крѣпость. И не противъ одной Черногоріи направлены жерла орудія. Область полета
идеръ тустой стѣю прикрываетъ Которскія бухты, на случай возможныхъ «безпокойствъ»,
и, кромѣ того, разумѣется, служитъ средствомъ защитѣ лучшій въ Европѣ портъ отъ
нашествія чужого флота, можетъ быть одного изъ тѣхъ, которые въ началѣ этого
столѣтія облегчили Австріи западнѣе драгоцѣннѣйшую ея теперешнюю окранныю.

Управляя Боккою въ теченіе сѣмиде-
сяти лѣтъ, Австрія не
смогла прилатъ своему западнѣю вра-
ждебную силу, не смогла расположить
къ себѣ населеніе, не породилась съ
краемъ. Она вѣдрилась къ него насвое-
ннемъ гнета, выдвѣсь въ него досиноко
синою, навалилась на него и душить,
боясь выпустить изъ-подъ себя. И не
сумѣла она воспользоваться своимъ
захватомъ Герцеговины и Боснии для
того, чтобы стать преимущественно
славянскою державой, въ осѣдленіи
отказалась отъ политической роли, кото-
рой привела бы къ совпаденію ея инте-
ресовъ со стремленіями многомилліоннаго
славянскаго ея населенія, а теперь вы-
нуждена трепетать при мысли о соб-
ственной безпочвенности. Намъ, рус-
скимъ, конечно, нѣтъ основанія желать
распаденія Австріи во что бы то ни
стало. Гораздо желательнѣе было бы
намъ, чтобы Австрія продолжала суще-
ствовать,—но существовать разумно, въ

Домъ Зендана въ Сплитѣ.

качествѣ нормальнаго организма. Мы не мечтаемъ о западныхъ завоеваніяхъ, но не можемъ не желать, чтобы братья наши по преехожденію и религии вышли изъ-подъ ярма. Для этого

Ратуша въ Шибени.

нужно, чтобы Австрія измѣнила свою внутреннюю политику. Иначе намъ придется уповать на то, что обстоятельства, лежащія вне ея воли, поставятъ южное славянство на принадлежующую ему по праву высоту. Славянство далеко еще не сказало своего послѣдняго слова. Историческіе законы предвѣщаютъ ему великую будущность, и политическою гибелью рискуютъ тѣ, которые думаютъ преградить ему путь.

Австрія, конечно, все это прекрасно сознаетъ, но ея исторія, все состоявшая изъ переходныхъ состояній, не могла развить въ ней вдумчивое отношеніе къ будущему. Для нея заботы юскаго переживаемаго ею политическаго дня слишкомъ

Римская гробница въ Спльскомъ музеѣ

обширны, многосложны и тревожны для того, чтобы она могла считаться съ вѣтвима на-
стоящей правительственной логики. Запутавшись въ собственной паутинѣ, она неспособна

Сфинксъ у древняго храма въ Сплитѣ.

ль постоянной внутренней борьбѣ, непрерывно тратить силы на сохраненіе равновѣсія и, безпочвенно, не находятъ себѣ прочной точки опоры. Понерная себѣ нравственную силу извнѣ, исключительно путемъ союза съ Германіей, она не крикнетъ внутри именно потому, что принадлежность къ тройственному союзу сдвигаетъ ее съ того мѣста, гдѣ ей слѣдуетъ быть. Въ ней внѣшняя политика играетъ повелительную роль по отноше-
нію къ внутренней, германизируетъ домашнія функціи сборнаго государственнаго орга-
низма, вызываетъ искусственное подчиненіе большинства нѣмецкому меньшинству и ведетъ къ забвенію ея индивидуальныхъ жизненныхъ интересовъ. Намъ, разумеется, очень выгодно, что Австрія не понимаетъ своей роли славянской державы, т. е. той именно роли, которая можетъ прекратить ее въ мощное, самостоятельное и безбожженное политическое существо. Мы можемъ даже радоваться тому, что монархія Габсбурговъ, безпрочно властвующая Босніей и Герцеговиной, не догадывается пойти по пути пріобрѣ-
тенія правящаго права на включеніе этихъ провинцій въ составъ своей территоріи. Но чувствено братства съ сербами показываетъ намъ, что прежде всего желательно воз-
можно скорое прекращеніе такого порядка, который ставитъ славянъ въ положеніе лишь непоправимыхъ и даже угнетаемыхъ. Во всякомъ случаѣ, нынѣшняя Австрія никогда не получитъ согласія Россіи на закрѣпленіе за собою Герцеговины и Боснии. Въ этомъ никто-бы не долженъ сомнѣваться, и приадриатическіе славяне самікомъ легко, подчасъ, доверяютъ пробнымъ лживымъ слухамъ, распускаемымъ правительственными австрийскими и венгерскими агентами. Мы не потрясемъ Европы ужасами войны изъ-за того, что Австро-Венгрія переступаетъ границы своихъ правъ по отношенію къ двумъ славян-
скимъ областямъ, мы не поступаемъ какъ тѣ, которые показываютъ свою силу стукомъ

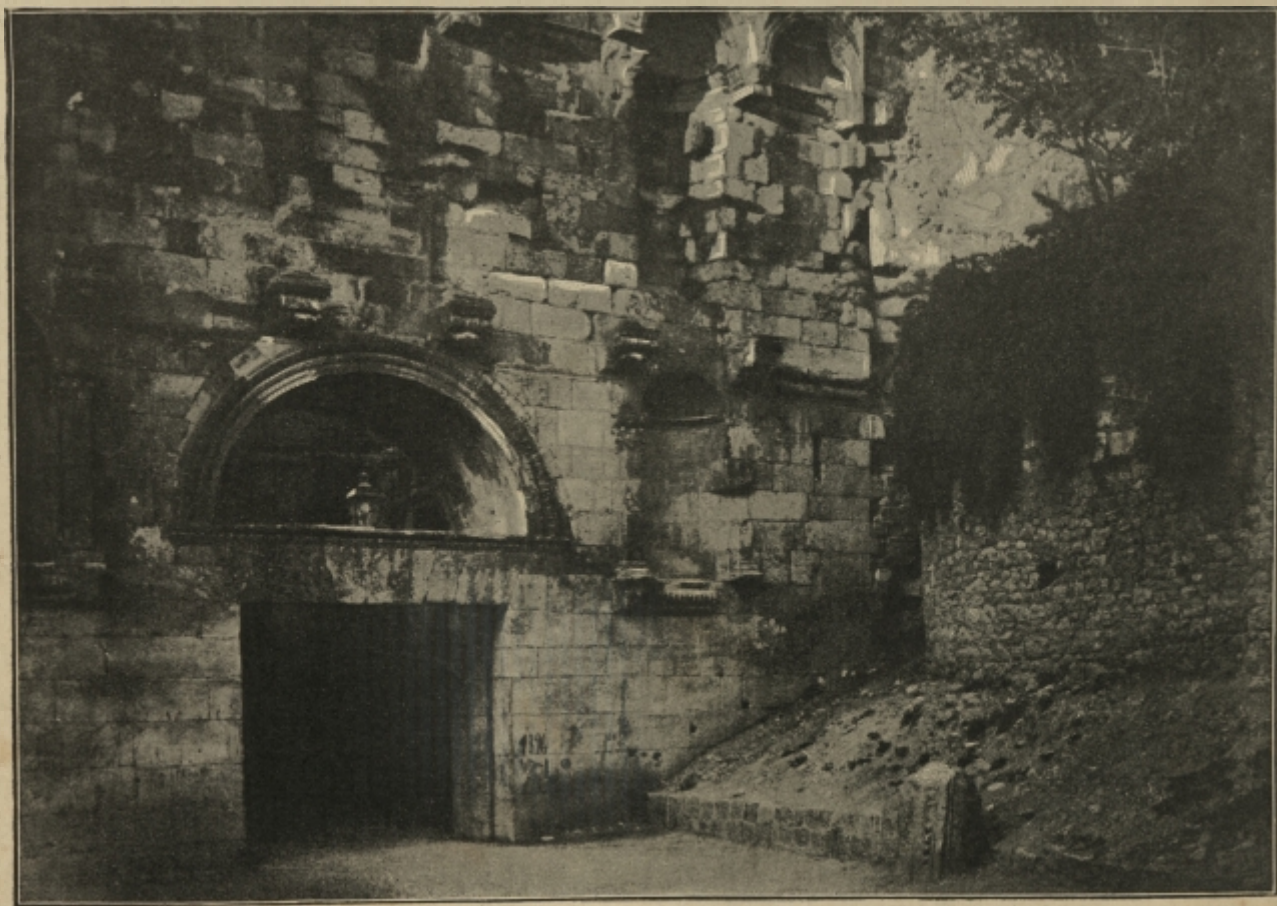
кулаки по столу; но всякій знаетъ, что въ нашемъ спокойствіи таится терпѣніе сильнѣе и что, будучи въ состояніи презирать гаденкій обманъ и ползучую хитрость, мы, когда понадобится, не допустимъ разбоя. Въ этомъ убѣжденіи сербо-хорватское населеніе Австріи должно почерпнуть силу и спокойствіе, примиря свои народныя интересы съ требованіями лояльнаго вѣрноподданничества по отношенію къ Габсбургскому дому. Наступитъ, такъ или иначе, лучший времяа для кужаго славнетва! И чѣмъ меньше кровавыхъ страницъ окажется въ его исторіи, тѣмъ свѣтлѣе и продолжительнѣе будетъ для него эпоха провѣтаніи!

XV.

ВОВСЕ нѣтъ необходимости вѣдущему въ Черногорію останавливаться въ Которѣ. Сойди съ парохода, охъ можетъ тотчасъ же сѣсть въ экипажъ и отправиться въ дальнѣйшій путь. Мы такъ и поступаемъ. Колески для насъ приготовлены, ждутъ у пристани. Послѣ краткой бесѣды съ друзьями, мы покупаемъ на базарѣ, въ дорогу, невѣроятную массу фруктовъ и приобретаемъ нѣсколько бутылокъ минеральной воды. Жара такая, что даже болыного запаса хватить не надолго.

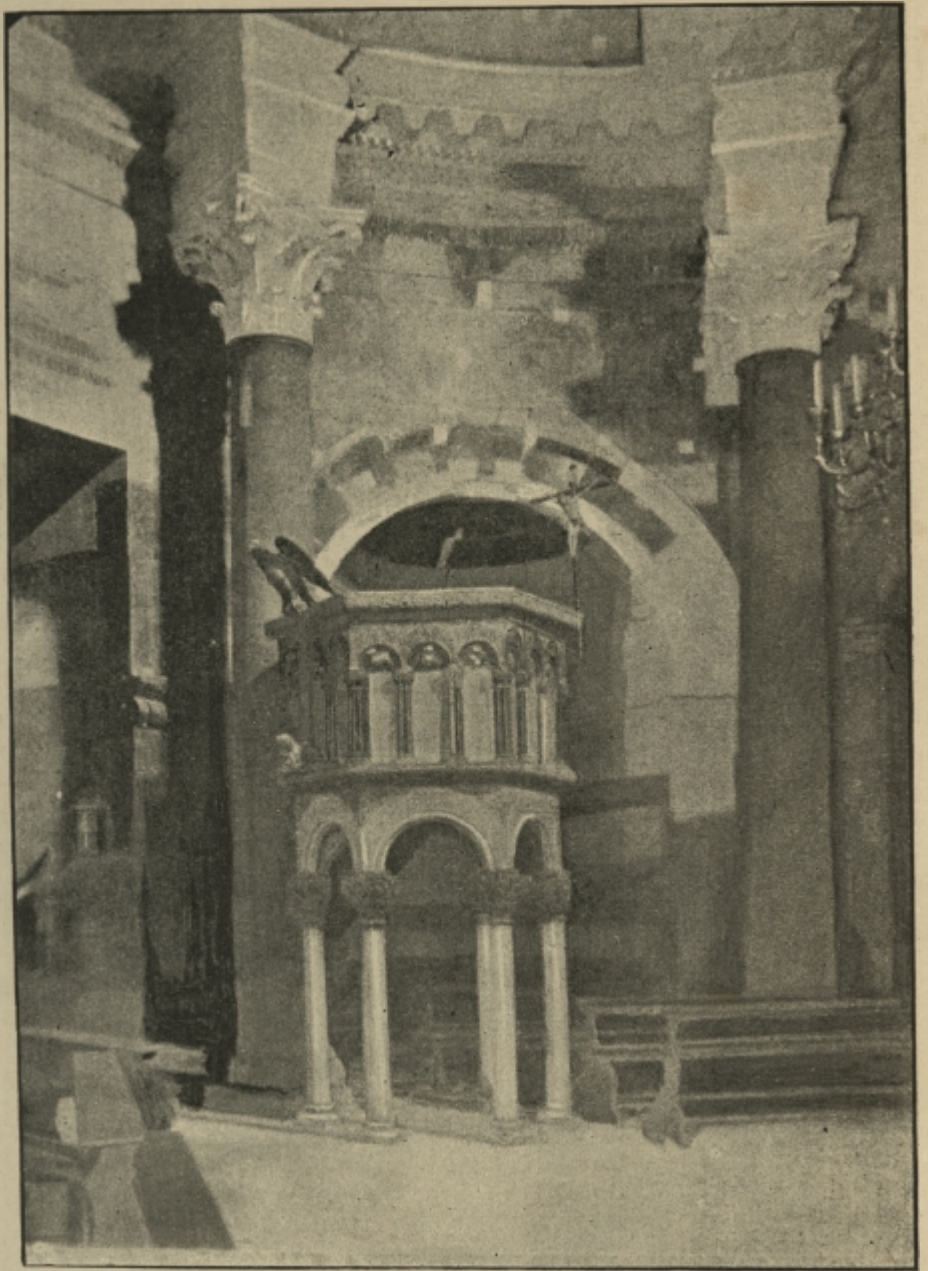
И мы отправляемся въ путь, въ самый красивый путь, который когда-либо случалось намъ видѣть. И шесть разъ совершаемъ дорогу изъ Котора на Пегуши и обратно.

Porta aurea въ Чабрив.

и каждый раз чувствовать себя счастливым от того богатства и разнообразия красоты, которая там разстилается перед глазами.

Подъ буквально нависшими лучами солнца, в два часа дня мы выезжаем в очень удобных небольших колясках. Маленькие лошади мчат нас пессолою дробною рысью, почти не ослабляющей на крутихъ подъемахъ. А такихъ подъемовъ много, очень много надо преодолеть, чтобы достигнуть границы Черногорин, лежащей высоко надъ нами, близко къ облакамъ. «La Turquie m'a enlevé la terre, l'Autriche m'a enlevé la mer, — il ne me reste que le ciel», сказалъ однажды, какъ говорится, Князь Николай австрийскому императору, и эти слова прекрасно иллюстрируютъ впечатление, производимое на путника подъемомъ на плоскогорье Шкупей. Действительно, словно отходяшь отъ земли и вступаешь въ область неземного, почти превращающаго, по своей красоте, границы воспринять, какъ будто природа здѣсь расточила свое очарованіе безо всякой заботы о томъ, въ силахъ-ли будутъ люди понять всю ея прелесть. Съ каждой минутой разнообразится и усиливается красота, подавляющая какъ мощь, торжествующая въ своемъ совершенствѣ, наполняющая душу созерцателя вихремъ ошеломляющихъ впечатлѣній.

Внутренность собора въ Скутумпѣ.

Теперешняя дорога проложена въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. До того времени, проилкнуть изъ Котора на Шкупей возможно было только по головоломнымъ, такъ-называемымъ «échelles de Cattaro», помпѣ сажкающимъ тропинкою для пѣшеходовъ, не желающихъ терять время на многочисленныхъ извивахъ шоссейнаго пути. Грандіознымъ сооруженіемъ является наша Военно-Груминская дорога, но шоссе, ведущее изъ Боканъ въ Черногорію, можетъ, полагаю, въ наименьшей степени почитаться торжествомъ людскаго труда надъ природными преградами. Приблизительно пятиверстный путь прпѣтъ-пидея къ почти отвѣсой горѣ Бѣлою змѣю, доползающею до тысячи метровъ вышины

надъ уровнемъ моря. По мѣрѣ удаленія отъ Котора, Бокка все шире и шире разстѣ-
ляется передъ глазами, ежеминутно мѣняя положеніе и очертанія. Сперва обрисовывается

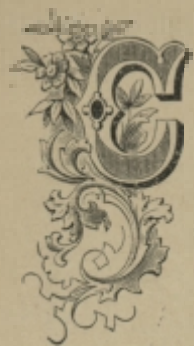

Малая-Враница.

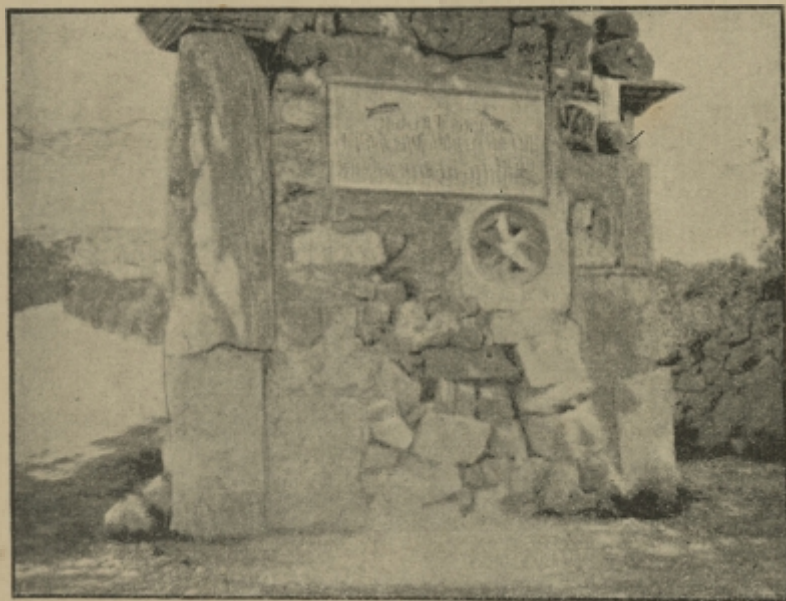
близжайшамъ къ Котору бухта, во всей прелесть голубого горнаго озера, въ ласковомъ очарованіи художественнаго сочетанія красокъ. Одна эта бухта можетъ затмить чары Комскаго озера. Затѣмъ, на одномъ изъ поворотовъ, внезапно открывается видъ на средній заливъ, болѣе обширный; издали виднѣется, въ крайней бухтѣ, близина Херцеговины, снѣжетъ на горизонтѣ открытое море... и все эта картина постепенно придвигается къ ногамъ совершающаго подъемъ, становится все выше и блестящѣе. Нѣтъ въ мірѣ красоты такой, какъ та, которою умиляется взгядъ при подъемѣ изъ Бокки въ Крстанъ. Тутъ красота сказочная, несравненная, ослѣпительная, связующая земное съ неземнымъ, красота великая, красота—неповторимая, красота—слово Божіе! Слово нѣтъ для описанія. Звукъ человѣческой рѣчи сложился бы не тутъ, не при этихъ ощущеніяхъ, слишкомъ крупныхъ для языка обитателей земли.

И всюду, со всѣхъ сторонъ, почти на каждомъ выступѣ возвышенностей, громоздятся австрійскіе форты, какъ многочисленные доказательства швабскихъ страховъ. Дорого стоитъ охрана Бокки, доставшейся такъ дешево! Приходится Австріи вооружаться противъ всѣхъ, даже противъ союзной Италіи, приходится создавать пугала для Черногоріи, которая нимало не смущается подобною бутафоріей австро-венгерскаго могущества, сознавая себя неуязвимою подлѣ властнаго покровительства Россіи.

XVI.

Въ тѣхъ поръ, какъ Россія вступила въ тѣсное сближеніе съ Черною Горой, со времени Петра Великаго, никогда еще покровительство и сердечное отношеніе нашихъ Государей къ Черногоріи не сказывалось такъ опредѣленно и реально, какъ въ настоящее царствованіе. Достаточно было бы указать, въ подтвержденіе этихъ словъ, на вооруженіе почти всего княжества русскими берданками, состоявшееся въ августѣ 1895 г. Посылка тридцати тысячъ винтовокъ и двухъ митральезъ была безпримѣрнымъ, по

Входъ въ развалины Саломы.

своей щедрости и полезности, подаркомъ. Тридцать тысячъ черногорскихъ, прирожденныхъ превосходныхъ стрѣлковъ, оказалось возможнымъ снабдить прекраснымъ дальнобойнымъ оружіемъ, вслѣдствіе чего боевая готовность традиціонно-воинственнаго княжества мгновенно возрасла до размѣровъ полнаго соответствія съ его требованіями. Не надо было видѣть, какъ спѣшили все, даже старцы и едва ли не отроки, къ пунктамъ раздачи берданокъ, какъ они счастливы были и какъ огорчались тѣ, которымъ пришлось остаться при прежнихъ кринкахъ и менѣе

удовлетворительныхъ винтовокъ! Всю Черногорію потрясло чувство благодарности, радостное сознаніе сердечности могучаго покровительства. Выводивались сосѣди-австрийцы и поспѣшили расшумѣть слухъ, будто Россія прислала партію ружейнаго брака, никуда негоднаго старья. Этому слуху, однако, довольно быстро былъ положенъ конецъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, получивъ по берданкѣ, двое пятнадцатилѣтнихъ черногорцевъ, отправились на границу сводить какіе то семейные кровавые счеты съ австрійскою пограничною стражей и уложили двухъ стражниковъ наповаль.

Барельефъ въ Саломѣ.

Слѣдуетъ также упомянуть о щедрой матеріальной помощи, оказанной Черногоріи въ дѣлѣ возведенія обширныхъ цетиньскихъ казармъ, объ отпускѣ пятидесяти тысячъ рублей на первоначальные расходы по постройкѣ собора въ Никшичѣ, о ежегод-

Бахилина въ Сѣлѣ.

ныхъ, по разнымъ поводамъ, денежныхъ назначеній. И, конечно, Черногоріи нисколько достойна такого покровительства и помощи. Въ преданность Россіи, засвидѣтельствованная могучимъ словомъ Императора Александра III, подтверждается доказательствами не со вчерашняго дня.

Еще въ 1711 году, когда Петръ Великій посылаетъ въ Черногорію полковника Милорадовича съ письмомъ, содержащимъ просьбу помочь въ войнѣ противъ турокъ и обѣщаніе поощрить за услугу, черногорцы немедленно поднимаются на зовъ православнаго Царя, кидаются на Турцію, осаждаютъ Никшичъ, Спужъ, Подгорицу и Жаблякъ, отплевкаютъ значительныя силы врага христіанства отъ скверной арены войны. Черногорцы могли уже мечтать о громкой побѣдѣ и расширеніи своей территоріи, когда внезапно дошло до нихъ извѣстіе о томъ, что Петръ, сѣвенокъ на Прутѣ, заключилъ съ турками миръ.

«Заплакали малъ и великъ, поскъ жалѣть Царя православнаго», гласить сложившаяся въ ту пору народная черногорская пѣснь... А было имъ тутъ горько достаточно, чтобы и самихъ себя пожалѣть. Миръ былъ заключенъ при условіяхъ, нисколько не ограждавшихъ судьбы черногорскаго ханства. И турки всѣми своими силами обрушились на Черногорію, въ упоеніи своей традиціонной страсти къ рѣзнѣ. Избѣженіемъ стариковъ и младенцевъ, продажкою женщинъ въ рабство, всею гнусностью турецкаго насилія надъ православіемъ ознаменовалось мщеніе за то, что черногорцы пошлѣ на жалѣть Русіи. Явились въ Цетинье турки, разорили и выжгли городъ, заняли кровью весь край. И нашлись люди, которые, когда жалобѣ и стонъ Черной Горы дошли до Петербурга,

советовали дать имъ отвѣтъ: если турки насъ тѣснятъ,—милости просимъ къ намъ въ свободныхъ пространствахъ у насъ достаточно... покидайте свою родину, откажитесь отъ завѣщаннаго предками воинственнаго образа жизни и станьте мирными земледѣльцами. Къ счастью, Петръ Великій не явился этимъ советамъ. Прозорливость его видѣла въ громадномъ значеніи Черногоріи, какъ аванпоста монахаго православнаго славинства. Онъ, по мѣрѣ силъ, вознаградилъ Черную Гору дарами. Впослѣдствіи, отношенія между Россією и Черногоріей ухудшились. Наступила эпоха равнодушнаго отношенія къ южному славинству. Владыка Василій безъ пользы просилъ о поддержкѣ, тщетно прибѣгалъ въ Петербургъ, гдѣ и скончался въ 1766 г. Междоусобицъ терзали Черную Гору. Въ ея предѣлахъ появился самозванный царь Петръ III, ловкій авантюристъ, известный въ исторіи подъ именемъ Степана Разина, который ухитрился въ теченіе семи лѣтъ править страной, и, въ общемъ, оказался не плохимъ правителемъ. Къ этому времени относится миссія князя Долгорукаго, посланнаго съ тѣмъ, чтобы разоблачить обманъ самозванца. Князь Долгорукій исполнилъ свою задачу своеобразно: самозванца разоблачилъ, но укрѣпилъ въ правленіи и, презрительнымъ отношеніемъ къ народу, понизилъ степень обаянія Россіи. Вскорѣ затѣмъ, Потемкинъ нанесъ оскорбленіе племени Петру, отказавъ ему въ приѣмѣ, и во все царствованіе Екатерины II Черногоріи не видать отъ насъ

Мисса, около Саломы.

никакой поддержки. Какъ и слѣдовало ожидать, Австрія желаетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ: императоръ Іосифъ II оказываетъ черногорцамъ матеріальную помощь, но тѣмъ ихъ не подкупаетъ,—преданность ихъ къ Россіи неизмѣнна. Павелъ I, убившій рыцарскія черты черногорскаго народа, назначаетъ ему ежегодную субсидію, положивъ небольшую,—всего тысячу рублей въ годъ. Но и такія деньги дороги для Черногоріи

Горы! Непрерывно войны съ соседями, черногорцы не успевают ни спать, ни жить; для них всякое военное положение значительно. Въ слѣдующее парламентское заседание не долго продолжится производство субсидии: посатъ Тильзитскаго мира Россія перестаетъ заботиться о Черной Горѣ, но, по прежнему, Черная Гора не отказывается отъ своихъ заботъ: преданности главенствующей православной державѣ.

Можно сказать, что эта преданность не знаетъ границъ. Когда, въ концѣ 1813 г., черногорцы впервые услышали, что Россія «уступила» Австрiи Бокку, — ту Бокку, которую они завоевали, купили кровью и по праву считали своею. — храбрые горцы не повѣрили этому слуху. Всегда затѣмъ, владыка получилъ изъ Париска письма отъ 20 мая 1814 года, слѣдующаго содержания (цитирую по книгѣ П. А. Ровинскаго «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ»): Приглашаю васъ, ваше преосвященство, для общей пользы, не только не препятствовать австрiйскимъ войскамъ въ занятіи крепостей и возвратиться съ

Входъ въ соборъ, въ Сплитѣ.

храбрыми вашими черногорцами въ предѣлы даніи, но и употребить вліяніе ваше къ склоненію жителей Бокки да Каттаро непрекословно повиноваться постановленію союзныхъ державъ». Письмо это, продиктованное соображеніями міроваго характера и готовностью пожертвовать многимъ ради достиженія великихъ цѣлей, — оказало немедленное дѣйствіе. Выслушавъ черногорцы волю Россіи, молча встали за плечи русскіхъ, — и съ началомъ вернулись въ свои горные предѣлы. Въ тѣ годы, конечно, заботъ у Россіи было много, мировыя событія отнимали ея вниманіе, но это лишь отчасти объясняетъ, нисколько же не умаляетъ ея ошибки. Мы забываемъ Бокку, которая, будучи черногорскою, была бы, очевидно, нашею, мы отказались отъ такой прочной точки опоры на Адриатическомъ морѣ, что наличность ея даже бы совершенно повои оборотъ окончанію послѣдней турецкой войны и сдѣлала бы невозможною пылкую судьбу Босніи и

Герцеговины. Рѣшительное слово Россіи, свято оберегаемой сію заключенныхъ участіи трактатовъ, предотвратило рядъ кронопродлитій, укрѣпило Австрію, дало черногорцамъ поводъ выказать безграничную покорность вѣрнымъ Россіи. Никогда бы вся австрійская артиллерія не достигла подобныхъ результатовъ.

Вступивъ на престолъ, Императоръ Николай I не только возстановляетъ производя субсидіи Черногоріи, но повелеваетъ выплатить ее за послѣдніи семнадцать лѣтъ предъидущаго царствованія. Съ той поры наступаетъ эра постоянного улучшенія отношеній Россіи къ Черногоріи, которая, помогая намъ по мѣрѣ силъ въ послѣднюю турецкую войну, получила достойную награду въ видѣ значительнаго расширенія территоріи. Конечно, она и теперь мала, но, пожалуй, правъ былъ тогда черногорецъ, который, на презрительное замѣчаніе австрійца: «да много-ли насъ!», отвѣтилъ:

Улица во дворцѣ Дісклеціана

— Насъ и русскихъ? Больше ста милліоновъ!

XVII.

Е ВЕЛИКА Черногорія, даже и послѣ Берлинскаго трактата, значительно урѣзавшаго ее по сравненію со справедливыми предначертаніями Санъ-Стефанскаго договора, который отмежевалъ было ей пространство въ 13,660 кв. километровъ. Теперь она занимаетъ около 9,000 кв. верстъ и ей уступаютъ въ Европѣ, по количеству территоріи, лишь Андора, Лихтенштейнъ, Санъ-Марино и Монако. Выступивъ съ горами въ прямую линію, не покрыть разстоянія, отдѣляющаго Петербургъ отъ Москвы. Населенія въ ней—

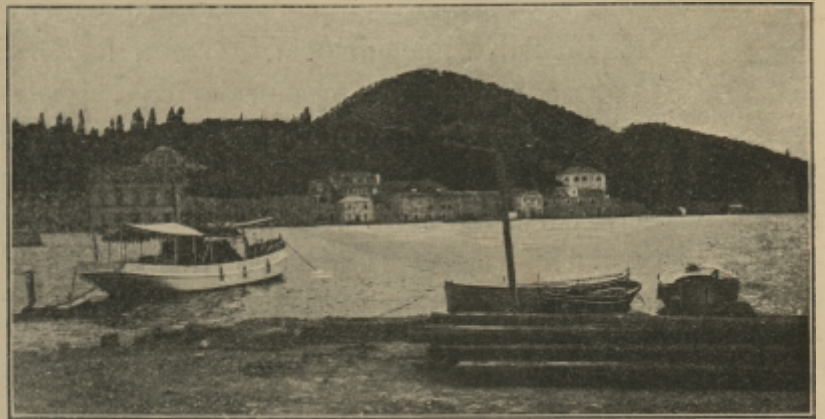

Гружъ, будва.

около 300,000 человекъ, и въ томъ числѣ слѣдуетъ считать не болѣе 50,000 воиновъ. И тѣмъ не менѣе она смогла выйти самостоятельнымъ изъ вѣковъ борьбы племъ съ христіанствомъ, изъ козней сосѣдней Австріи и, повидному, неугасимаго пожара, снѣдающаго Балканскій полуостровъ. Многіе охотно объясняютъ сохраненіе независимости Черногоріи ея расположеніемъ на неприступныхъ горахъ. Объясненіе это не выдерживаетъ критики. Овластѣли же турки сосѣднюю Албанію, не смотря на то, что въ ней найдется мѣста, гораздо болѣе пригодныя для защиты, нежели самыя дикія ущелья Черной Горы. И прежде, когда Подгорина и Жаблякъ принадлежали Турціи, природа меньше, чѣмъ нынѣ, ограждала княжество отъ вторженій врага. Наконецъ, вторженія происходили. На Цетинье дважды приходили турки: въ 1690 и въ 1714 гг. Не горы же ихъ гнали обратно, а храбрые люди, геройское племя, овладѣвшее Божкой и Герцеговиной!

Сила Черногорин заключается въ мужествѣ ея населенія и въ той религиозной основанности, созданію которой несомнѣнно способствовало духовное управленіе владыкъ.

Для Черногорин—православнаго острова среди моря несамма—владыкагь была насущною необходимостью и нравственнымъ спасеніемъ. Благодаря ему, власть была существеннымъ проявленіемъ христіанскаго быта и пользовалась безпределнымъ авторитетомъ. Последствиемъ этого явилось духовное единство, и турецкій фанатизмъ не могъ сокрушить твердо и непоколебимой вѣры. Такимъ образомъ, можно считать, что съ возникновенія правленія владыкъ, т. е. съ первыхъ годовъ шестнадцатаго столѣтія, установился порядокъ управленія, на долю котораго выпала блестящая историческая роль правящаго собирателя Черногорин. Приблизительно средину этой эры застаетъ первый владыка изъ династии Петровичей, Давидъ, энергичный рѣшитель православнаго, жестоко страдавшаго въ плѣну у турокъ въ Подгорицѣ. Выкупленный изъ плѣна, онъ посвящалъ все свои силы возвращенію въ христіанство тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые, пере-

Гружъ, у пристани.

изъ вѣры. Такимъ образомъ, можно считать, что съ возникновенія правленія владыкъ, т. е. съ первыхъ годовъ шестнадцатаго столѣтія, установился порядокъ управленія, на долю котораго выпала блестящая историческая роль правящаго собирателя Черногорин. Приблизительно средину этой эры застаетъ первый владыка изъ династии Петровичей, Давидъ, энергичный рѣшитель православнаго, жестоко страдавшаго въ плѣну у турокъ въ Подгорицѣ. Выкупленный изъ плѣна, онъ посвящалъ все свои силы возвращенію въ христіанство тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые, пере-

Памятникъ Гундулича, въ Дубровникѣ.

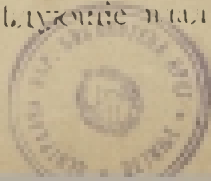
медомъ въ устахъ, являясь соблазномъ для православнаго населенія, и вѣтромъ въ странѣ религиозную рознь и угрожающа переходомъ на сторону враговъ. Увидѣвъ, что проповѣдь

Католическій соборъ въ Дубровникѣ.

и увѣщаніи не помогаютъ и что опасность съ каждымъ днемъ увеличивается, Давидъ рѣшился на крайнюю мѣру: въ ночь на Рождество 1702 г. всѣ по-турецки были убиты, но убиты не хитростью, не обманомъ, а въ открытыхъ бояхъ, и въ нѣсколькихъ минутахъ православныхъ. Съ точки зрѣнія современныхъ историковъ, кровавая расправа эта, конечно, представляется ужасною, но разнѣ медленное въковое подѣданіе православнаго, собственнаго политикомъ Австріи, въ обществѣ не составляетъ такой же тяжелой картины, разнѣ зрѣтища несламы не придавали подобнаго поступку характера простой репрессаліи, разнѣ, наконецъ, права подѣлки въ то время Черногоріи не дѣлають собою во его край больше оправданій.

Съ той поры, Черногорія почувствовала себя окончательно огражденною отъ внутренней опасности. Постѣдующіе пашаки Савва, Василій, Петръ I (сыномъ Петръ Цетви-

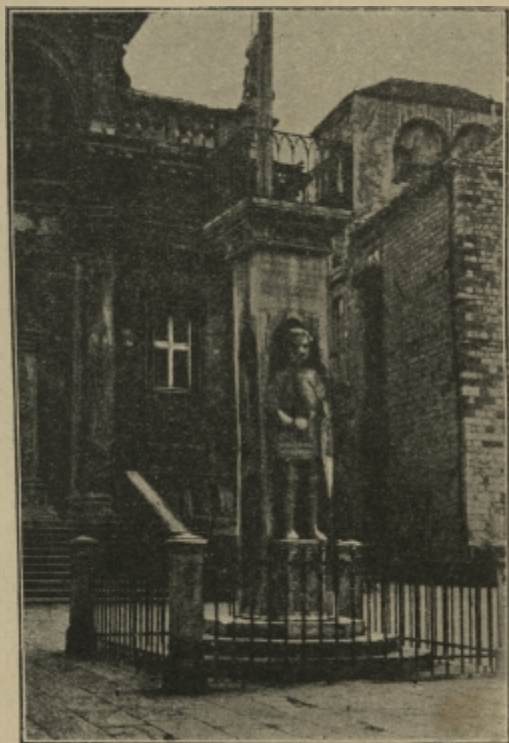

Улица въ Дубровникъ

событія, видѣвая интерель значеніе Черногоріи, требуютъ измѣненій въ формѣ правленія, создаютъ условія, при которыхъ духовный санъ былъ бы для верховнаго правителя безцѣльнымъ стѣсненіемъ. Данилъ I женится и правитъ страной, въ качествѣ свѣтскаго государя, съ 1851 г. Въ 1860 г., онъ падаетъ отъ руки убійцы, въ Которѣ. Народная молва приписываетъ преступленіе австрійскому подкупу. Но народная молва, которая часто говоритъ правду, рѣдко подтверждаетъ свои слова доказательствами. На престолъ вступаетъ Николай I, князь Черногорскій князь. О характерныхъ чертахъ его правленія я уже упоминалъ, и я здѣсь возвращаюсь лишь къ вопросу о переходѣ его дочери Елены, принцессы неаполитанской, въ католичество.

скій) и Петръ II чисто христіанскими средствами отстаивали христіанство. Подробное описание ихъ дѣяній не входитъ, конечно, въ узкую область моихъ замѣтокъ. Тутъ сѣдѣть только упомянуть о томъ, что Петръ II (1830—1851 г.), также, какъ и князь княжеству князь Николай I, много потрудился на пользу родного просвѣщенія и стяжалъ себѣ славу даровитаго поэта. Онъ былъ послѣднимъ представителемъ теократическаго правленія. Послѣ него, съ согласія Императора Николая I, состоялось отдѣленіе власти свѣтской отъ духовной. Задачу теократіи можно считать благополучно исполненной и вполне завершеной. Политическія

Передъ Дубровчанскими соборами. — В. Лавровъ

XVIII.

АКТЪ этотъ вызвалъ шумъ, очень большой шумъ, и тѣ православные, которые по этому поводу шумѣли, превосходно показали въ словупу католиковъ, чѣмъ выгоды подобнаго шума требовали. Католики, богатые искусствомъ извлекать пользу изъ какихъ бы то ни было событий, отлично понимали, что значеніе факта перехода книжны въ католичество замѣстятъ отъ отѣнки, какою будетъ ему названа. Для нихъ, и только для нихъ, было разсчитъ въ томъ, чтобы преувеличить значеніе этого событія и придать ему характеръ, противоположа крещенію болгарскаго книжника Бориса по право-

Дворецъ дожей въ Дубровникѣ.

славному обряду. Когда Борисъ былъ введенъ въ лоно нашей церкви, мы не усмотрѣли въ этомъ ничего разрушительнаго для католицизма, отнеслись къ обстоятельствамъ просто, даже не явля въ нихъ ручательства за хотя бы отдаленное нравственное перерожденіе Болгаринъ.

Но, конечно, Римъ гораздо практичнѣе насъ. Онъ раздуть смѣлъ барійской церемоніи до предѣловъ громаднаго торжества надъ православіемъ, сдѣлать все возможное, чтобы внушить намъ, будто мы потеряли тяжелый нравственный урокъ отъ того, что одною католической принцессой стало больше. Странія эти, какъ вѣскому извѣстно, были направлены къ тому, чтобы смутить православный міръ, внушить ему, что нанесено ему оскорбленіе, расшатать духовную связь Россіи съ Черногоріей, вызвать охлажденіе.

которым могла бы воспользоваться Австрія, всегда вынуждающая там, где возникает туманом. И наше общество поддалось въ значительной мѣрѣ обману. Стали толковать о томъ, что надъ нами одержана нравственная побѣда, благодаря уступчивости Князя Николая, котораго приписали утѣшаться съ удовольствіемъ. Полно! Нравственные побѣды одерживаются лишь надъ тѣмъ, кто охотно сѣбя призываетъ себя побѣжденнымъ и принимаетъ призраки за дѣйствительность. А утѣшаться Князя Николай въ уступчивости,—значить не имѣть никакого понятія о его личности и входить мало-освѣдомленнымъ судьей въ область его семейныхъ дѣлъ. Не сила онъ отдать Италиі, не сила—будущаго правителя, а одну изъ своихъ дочерей, съ тѣей судьбой не связана ни мало судьба княжества. Бракъ, вызванный взаимною симпатіей жениха и невесты, не быть основанъ на корыстныхъ расчетахъ или желаніи во что бы то ни стало вступить въ союзы съ Савойскимъ домомъ. Это всѣ знаютъ, никто не можетъ ничѣмъ опровергнуть, но правда никогда не стѣснила намековъ, намековъ въдохновъ и двусмысленныхъ кивковъ. Мы успѣли признаться себя побѣжденными и въ особенности поусердствовали тѣ изъ насъ, которые никогда Черногоріей не интересовались и знаютъ о ней столько же, сколько о томъ, какому божеству поклоняются жители Марса. Съ какимъ то мелочнымъ эгоизмомъ празднично-богатающихъ, они кричали о «позорѣ для православія», принимая, очевидно, легкомысленное самоопечиваніе за самообичиваніе въ духѣ христіанскомъ. Между тѣмъ, произошло лишь отпаденіе одного лица отъ православія, произошелъ фактъ перемѣны религіи, которому, въ силу всѣхъ извѣстныхъ условий, много бывало примѣровъ въ жизни приносилось.

Итакъ, католическая ловушка исполнила свое дѣло по отношенію къ нашимъ крикунамъ. Но гдѣ принуждены они, эти крикуны, когда православіе дѣйствительно терпитъ болѣзненный уронъ отъ политическаго преслѣдованія его емиговъ, почему они не

Дубровникъ, съ моря.

кричать, когда уншен думать советъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ, отчего они молчатъ, когда требуется голосъ ободренія и нужна нравственная поддержка православнымъ славянамъ? Гдѣ они, ревнители православія, въ тѣхъ случаяхъ, когда преданность общей вѣрѣ могла бы себѣ найти наилучшее выраженіе въ помощи единоувѣрнымъ? Куда уходили они въ 1896 году, когда наводненіе разорило Черногорію? Или все ихъ православіе расходуется на вопли осужденія? И развѣ они купили доказательствами истиннаго братскаго участія право быть судьями, эти хулители того, о чемъ они не имѣютъ и призрачнаго понятія? Не они создавали Черногорію, не они и не такъ подобныя обогнали кровью склоны при-

Страданіе въ Дубровникѣ.

адриатическихъ горъ, ради торжества православія. Гуси, свисавшіе Капитолій, пахавшіи мухи, они кричатъ и жужжатъ безъ толку, въ самоуниженіи сятаго зарпорства. Римъ работаетъ неустанно, Римъ подкапывается, борется, орудуетъ, хлопочетъ. Римъ безъ отдыха трудится надъ постояннымъ усиленіемъ вліянія католицизма, возводитъ церкви, разсѣляетъ тайныхъ и явныхъ миссіонеровъ, все шире и шире закликаетъ слѣдъ унш, расходуетъ громадные средства на борьбу съ православіемъ... А Москва, столь много сдѣлавшая для торжества названъ религіи въ Балтійскихъ и Западныхъ губерніяхъ, въ Сибирѣ и на Кавказѣ, Москва, отъ которой столько можно требовать, потому что сердце ея велико,—равнодушно относится къ тому, что православные храмы буквально гибнутъ въ южно-славянскихъ странахъ, по недостатку денегъ на ихъ содержаніе. Москва безучастно смотритъ на то, какъ черногорскія церкви разрушаются отъ неистощи и какъ иконостасы, въ черногорскихъ деревенскихъ храмахъ, все чаще и чаще покрываются иконами уншскаго характера, сфабрикованными въ Варшавѣ.

Москва злеть, у себя дома, избыточные колокола-великаны, гудящіе славой для жертвователей. Москва заливаетъ тройнымъ слоемъ золота свои купола. Это, конечно, очень хорошо, но одно другому не мѣшаетъ, и слѣдовало бы вспомнить, что звонницы черногорскихъ церквей убого пустуютъ, иконостасы разваливаются. Не правительству же о всемъ думать, что происходитъ такъ, далеко. Щедрый пожертвованій, на который столь дорожитъ Москва, нашли бы себѣ самое прекрасное, благотворное и истинно-православное примѣненіе въ Черногоріи. У Черной Горы денегъ мало. Она держалась и держится сталью и свинцомъ, въ постоянной борьбѣ за нашу вѣру и за свободу южнаго славянства. И се, маленькую, такъ легко поддержать, такъ легко поддержать ея церкви! Но, разумѣется, еще легче ровно никого не поддерживать и объяснять свое безучастіе хотя бы тѣмъ, что книжка Елены приняла 9 октября 1896 г. католичество въ итальянскомъ городѣ Барі. Гораздо легче поступать такъ, будто и мы сами то же перешли въ латинство и болѣе не видимъ своего родства съ православнымъ княжествомъ.

А Римъ не дремлетъ и дѣлаетъ свое дѣло.

И если, по прошествіи многихъ лѣтъ, начнутъ происходить въ Черногоріи случаи

отпаденія отъ православія, если безостановочно-наступательная политика Ватикана найдетъ себѣ прекрасное поле дѣятельности на упорно запускаемой нами шивѣ,—мы, конечно, снова примемъ негодовать, но, къ сожалѣнію, не на себѣ, а на тѣхъ, которыхъ не сумѣли своевременно укрѣпить правдивою поддержкой... Но, слава Богу, сплелъ духъ православія въ Черногоріи, гораздо сильнѣе нашего равнодушія и непониманія нашихъ собственныхъ интересовъ.

XIX.

А ВЫСОТѢ приблизительно восьмисотъ метровъ надъ уровнемъ моря, мы пересѣкаемъ границу Черногоріи, отмѣченную бѣлыми камнями ряда камней, вложенныхъ въ шоссе въ гряды. Ни заставъ, ни стражи, ни таможенныхъ будокъ даже нѣтъ. Мы въ Черногоріи, снова въ родной странѣ, въ красивой чрезполосной Руси. Еще нѣсколько минутъ, и мы выѣзжаемъ въ исполнинское Крстацкое ущелье, поражающее мощью своихъ отвѣсныхъ скалъ, рѣзкостью титаническихъ очертаній.

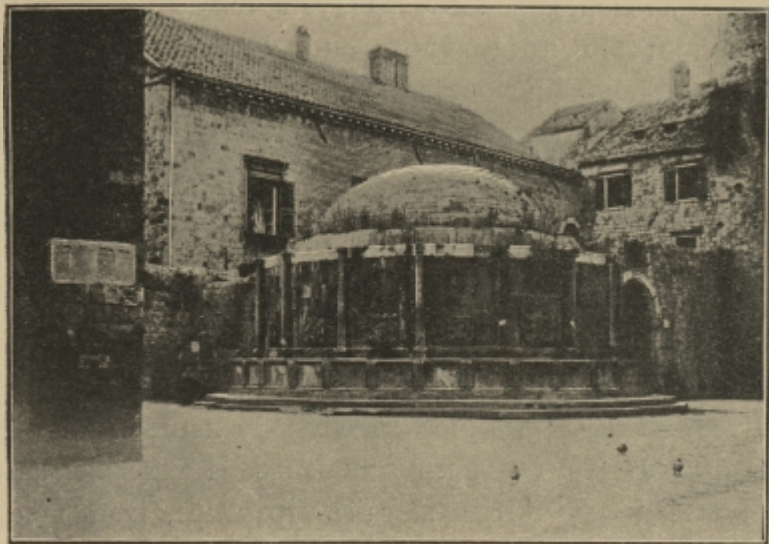
Синтезомъ всего того, чѣмъ мы за весь подъемъ любовались, открывается видъ на г. Которскій Бокки, на сѣрыхъ и зеленыхъ горахъ, громоздящихся на ихъ берегахъ. Близкая Бокка кажется черною, чѣмъ то сказочно-зловѣщимъ темнѣетъ вверху, у микроско-

Таможня, въ Дубровникъ. *Sponza.*

мического городка, средним—блещет темною синевой, —крайним—стелется отражением голубого неба, а тамъ, дальше, за послѣдней зеленою занѣсой горъ, открывается серебристая гладь открытаго моря.

Изъ за одной этой панорамы стоитъ совершить продолжительное путешествіе. Гля-

Фонтанъ у воротъ Дубровника.

дишь и понимаешь, что красота—счастье и что природа—высшая изъ красотъ. Этимъ видомъ не налюбоваться. Очарованіе съ каждымъ разомъ усиливается, съ каждою минутой глубже. Никакое описаніе не можетъ передать подобную красоту, а фотографіи только отмѣчаютъ очертанія. Сюда нужно привезать художникамъ, а здѣсь они найдутъ все, о чемъ можетъ мечтать влюбленный въ красоту природы пейзажистъ.

Мы остановились, вышли изъ колесокъ, смотримъ, разволнованные, лицомъ къ лицу съ торжественнымъ міровымъ творчествомъ.

По дорогѣ, плетъ мимо насъ молодой черногорецъ въ бѣломъ расшитомъ золотомъ кафтанѣ, съ плавными движеніями и благородной поступью... Невдалеку отъ нашихъ колесокъ, онъ тоже останавливается, любуется на Бокку.

— Адно мѣсто, говорю ему.

— Хвала (благодарю), съ достоинствомъ отвѣчаетъ онъ, приподнимая традиционную каницу.

И плетъ дальше, стройный на ходу, составною частью окружающей насъ красоты.

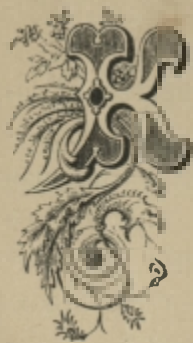
Варугъ, горы затихаютъ лиловою дымкой, очертанія затуманиваются, Бокка чернѣетъ. Это солнце ушло въ море. Намъ нужно спѣшить, иначе мы не посѣтимъ заката къ Андрію.

Мы бѣстро ѣдемъ по дорогѣ, огибающей скалы ущелья, и, на крутомъ поворотѣ, теряемся изъ вида Адриатику.

Жалко разставаться съ нею.

Мы въѣзжаемъ на плоскогорье Негушей, окруженное громадными вершинами, которыя до сихъ поръ были залонены Крестомъ. Это—угрюмыя скалистые горы, мрачные великаны, грозно смотрящіе вдаль. Вотъ и постоялый дворъ Андрія. Отсюда, по прекрасной дорогѣ, можно доѣхать въ три часа до Петиты, но мы здѣсь будемъ почивать, чтобы еще до восхода солнца начать подъемъ на Гизерскій Верхъ, къ знаменитой могилѣ Петра II.

XX.

ХТО побывалъ хоть разъ въ Черногоріи, тотъ знаетъ Андрія. Пелвзи много-
вать его постоянный дворъ, расположенный на полпути между Которомъ и
Цетиньемъ. Тутъ кормятъ лошадей, закушиваютъ, но, кажется, никогда не
почуютъ. Впрочемъ, намъ суждено произвести первый опытъ, въ этомъ
отношеніи. Статный черногорецъ, лѣтъ тридцати пяти, съ энергичнымъ
лицомъ и вдумчивымъ взглядомъ, / Андрій советуетъ удовлетворительно
играть роль первого впечатанія, производимаго дѣстными горами на прѣзжихъ.
Конечно, онъ черногорецъ съ почтового тракта, но, обтеревъ о проѣзжую цивилизацію,
безъ отвращенія оказываетъ платное гостепріимство изабамъ и усвоить себѣ объективное
отношеніе къ обстоятельствамъ. Но, все таки, его нѣтъ прѣзды особенно радуется,
потому что мы русскіе.

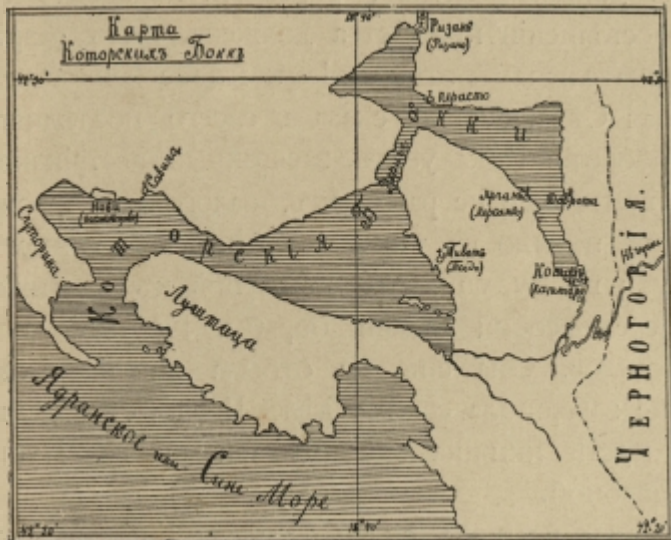
Съ утра, получивъ изъ Цетиньи телеграмму, предупреждающую о нашемъ прѣзды,
онъ хлопоталъ, выбиралъ проводниковъ, приемотривался къ лошадкамъ. И теперь, передъ
бѣлою хатой его, кое какъ принаровленной къ потребностямъ трактора, насъ ждетъ
нѣкая группа горцевъ, въ красныхъ костюмахъ, съ револьверами и кинжалами за поя-
сами. До сихъ поръ, ближе къ Котору, мы видели только безоружныхъ черногорцевъ:

Островъ Лангунъ.

въ виду того, что австрійцы до ролмичика пугаются черногорскихъ итагановъ и ревнителей вероги, которіеи власти воспрещаютъ горцамъ поиматься къ нимъ въ вооруженномъ состояніи, и жители княжества, обыкновенно не расстаются никогда съ оружіемъ, оставляютъ его, когда идутъ въ Которъ, у Андрія.

Възникъ Акрій намъ на встрѣчу, и наши руки исчезаютъ въ его обширномъ рукопожатіи. Наши будущіе проводники относятся къ намъ съ молчаливой привѣтливостью,

энергичножимаютъ намъ руки и съ большимъ достоинствомъ ожидаютъ, чтобы мы съ ними вступили въ разговоръ. Пока и выбираю комнату для ночлега и еду съ Андріемъ переговори относительно ужина, мои спутники, повички по Черной Горѣ, затѣли съ проводниками дружескую бесѣду. Разговоръ быстро становится оживленнымъ и шумнымъ. Не проходитъ пяти минутъ, какъ раздаются возгласы:

— Живѣльа Руссія! Живѣльа Црна-Гора! Живѣли!

Ну, значить мои спутники устроились. Мнѣ о нихъ заботиться нечего.

Въ жаждѣ обновленія душевнаго общенія съ Черногоріей, и ухожу одинъ на дорогу, медленно удаляясь туда, гдѣ закипаютъ огни Негушей, маленькаго городка, родины Кнзя Николая. Ночь подходит быстро, ложится на природу сплшнымъ наелосніемъ темноты; мало-по-малу Черная Гора сливается съ чернымъ небомъ, блѣзны звѣзды закипаютъ, и я по нимъ вижу, какъ далеко утхалъ я отъ сѣвера. Всѣ онѣ не тамъ, гдѣ мы привыкли ихъ видѣть. Тишина, темная успокоивающая тишина. Я утхелъ далеко, звука не слышно. Ночь наступила совѣтъ, даже дороги не видно. Тепло. Дышется силой и бодростью духа. Оторзанность отъ всего того, изъ чего складывается наша повседневная жизнь,—производитъ впечатлѣніе неописуемой сладости. Атомомъ природы опущенъ себя, чѣмъ-то неумовимо ничтожнымъ и безмѣрно счастливымъ, въ чувствіи субъективнаго бытія.

Я люблю Черногорию не только потому, что она красива, но и оттого, что она въ патриархальной чистотѣ своей, возвращаетъ путешественника къ точкѣ отраженія простыхъ чувствъ, архаичностью своей очищаетъ душу отъ наслоений, налегающихъ на насъ въ толчѣ современного быта; люблю ее за то, что она возвращаетъ насъ къ сознанію насъ самихъ, какъ элементовъ движенія въ исторіи человечества, воскрешаетъ въ насъ воспоминаніе о томъ, кто мы, славяне и православные. Мнѣ дорога теперешняя Черногорія, чистая, не «захватанная» обиходомъ пошлаго туризма, страдальческая и гордая, степенная врагами-сосѣдями и самообитая. Дорога мнѣ она, и я не знаю, хорошо ли я отплачиваю за гостепріимство тѣмъ, что напоминаю о ней, на нее указываю. Вѣдь, если потянешь сюда путешественникъ, если наладится сюда ладнѣ турнетъ,—достигать Черную Горю не только тѣ, кто сумѣетъ ее неспорить. Дорога на Цетинье станетъ самою большою дорогой, черногорскъ вышѣтеть и обитается къ соприкосновенію съ крупными идеалами Запада, соединитъ съ высотъ своей нравственной чистоты, войдетъ въ толпу. Международнѣй обмѣнъ веществъ сниметъ съ него красивыя родовыя черты,

заглушить копотью яркой огонь славинства, ослабить силу православия. Пусть всей Черногории вырастут громадные гостиницы, рестораны, магазины, банки. Пусть каждый черногорец будет в состоянии приобрести европейский комфорт, но пусть при этом исчезнет и придунайского командира, и придунайского командира, убьют все естественное. Черногория разбогатеет и перестанет существовать.

Она познать просвѣщеніе и перестанетъ себя познать. Разумѣется, было бы ересью утверждать, что Черной Горѣ просвѣщеніи не нужно... но пусть буду и на границахъ этой ереси, пусть клеймятъ меня, въ данномъ случаѣ, упрекомъ въ обскурантизмѣ, а я все таки считаю, что вопросъ о просвѣщеніи книжества долженъ быть разрѣшенъ съ громадною осторожностью и съ внимательнымъ отношеніемъ къ особенностямъ страны. Воинственная Черногорія, Черногорская Скіа, еще не сказала своего послѣдняго слова, не совершила полного историческаго оборота. Пока узелъ, завязанный австрійскою хитростью и венгерскимъ дощенымъ варварствомъ, еще не распутанъ, задомъ позрожденію южнаго славянства служить Черная Гора, именно съ тѣмъ героическимъ обликомъ, котораго вѣка еще не успѣли стереть. Но путь въ будущность, по дорогѣ къ достиженію благовъ цивилизаціи, Черногорія имѣетъ передъ собой задачи борьбы. Ея національность—въ ея оружіи, также какъ въ ея провозѣ. Она еще не отбыла исполнѣ своей воинской повинности на пользу славянства, не завершила своихъ дѣлъ. Послѣ, съ годами, когда задачи славянства будутъ достигнуты, пусть книжка замѣнитъ ей ружье. Пусть тогда отдохнетъ Черногорія и сплыветъ съ Героиней.

А пока, кто равнодушенъ къ тому, чѣмъ истинно слава Черная Гора, кто не можетъ оценитьъ красоты въ сея вѣстоу видѣ,—пусть отправляется лучше въ Монтрѣ, въ Амальфи и въ Биаррицъ, продолжая бити неосвѣдомленнымъ въ томъ, чего съвѣстно

Мисръ, съ парохода.

не зпять, и прѣзжаетъ сюда только тогда, когда компанія международныхъ спальныхъ вагоновъ выстроитъ въ Кретацкомъ ущельѣ гостиницу подь названіемъ Montenegro-Palace. Къ тому времени, количество будетъ настолько обезначено, что оно не выйдетъ изъ области для всѣхъ привычнаго.

Православный Моторскій соборъ, сгорѣвшій 24 Декабря 1896 г.

XXI.

ЖЕРЕДЪ домикомъ Андрия, при свѣтѣ фонарей, мы ужинаемъ. Тутъ превосходная ветчина и сыръ, и вкусныя консервы, да исполинскіе размѣры арбузовъ. Озвучаемъ при нашемъ походномъ состояніи, и мечтать нельзя, Андрий поставилъ также невѣроятно крѣпкой ракии и отличнаго черногорскаго вина. Затѣмъ подаютъ намъ кофе, такой ароматичнѣй, какимъ онъ бываесть только изъ Турціи, да на Черной Горѣ. По моему, его даже въ Египтѣ готовятъ не такъ хорошо. Впрочемъ, все покажется неподобно вкуснымъ въ этой своеобразной обстановкѣ. Проволникамъ мы даемъ вина. Они оживляются и зашпакуютъ насъ вопросами о Россіи. Зовутъ ихъ Блазо Маричевичъ, Крето Петовичъ, Марко Поповичъ и... Марша. Одинъ изъ выпадающихъ намъ на долю дощаконъ принадлежитъ черногоркѣ, которая, тѣмъ самымъ, становится проводникомъ. Она педуриская, разбитная, охотно смѣется и будетъ вносить оживленіе въ нашъ отрядъ. Ея бѣлый костюмъ производитъ пріятное впечатлѣніе.

Андрій спрашиваетъ, не нужно ли намъ духана (табакъ). Еще бы, давай славяне Черногорскій табакъ славится сюда ли не на весь Балканскій полуостровъ и служить

Городскія ворота въ Которъ.

предметомъ постоянной контрабанды. Одинъ изъ окружающихъ насъ черногорцевъ, съ беззащитно-воинственнымъ обликомъ, обнажаетъ ятаганъ и отправляется въ сѣни съ такимъ суровымъ видомъ, какъ будто наступило время перерѣзать врагу горло. Возникъ ятаганъ въ зубахъ, онъ нагибается, шаритъ въ темномъ углу. При свѣтѣ фонари, получается оченъ эффектная картина—подготовка къ убійству. Но иллюзія длится не долго. Доставъ изъ подъ скамейки особый станокъ, черногорецъ принимается крошить для насъ ятаганомъ табачные листы.

Красивъ костюмъ черногорцевъ, какъ изящное сѣиіе старо-славянскаго съ турец-

кимъ, живописно ихъ вооруженіе, состоящее порой изъ нѣлага арсенала кинжаловъ и револьверовъ. Но особенно замѣчательно умѣнье носить костюмъ, придавать ему чрезвычайное благородство. Житель Черной Гори отличается большимъ изяществомъ, движеній его полны достоинства и симпатичной энергіи. Гордая природа воспитала его, сугубо приобщая къ героизму прошлыхъ вѣковъ.

Мнѣ очень нравится ихъ головной уборъ, символическая кепица; она дѣлается изъ краснаго сукна, загнутого по бокамъ черной матеріей такъ, что только середина плоской верхушки остается незачерненной, съ золотымъ полукружіемъ, обрамляющимъ инициалъ князя. Кепицею этой символизируется сѣдующее: краеній пикетъ изображаетъ бывшее торжество южнаго славинства, зачерненное трауромъ со времени Россовской битвы. Едва возродится блескъ этого торжества, хотя бы въ день освобожденія Боснии и Герцеговины, съ каждой кепицы будетъ сорвана черная покрывка... она не приприваается крѣпко.

Въ толпѣ нашихъ черногорцевъ юлитъ и хлопочетъ сухошавый черпенскій человекъ, одѣтый также, какъ они, но вовсе не похожій на нихъ по манерѣ себя держать.

— Не изъ евреивъ ли? спрашиваетъ одинъ изъ моихъ спутниковъ.

Нѣтъ, сиречь въ Черногоріи не имѣется новее, она ихъ къ себѣ не допускаетъ. А интересная насъ личность оказывается, по словамъ нашихъ проходниковъ, австрийкомъ. Они относятся къ нему свысока. Конечно, онъ славянинъ, зовутъ его Михо, крестное значеніе тво-

Площадь въ Которѣ.

рить онъ по нашему, а кто его знаетъ, почему онъ переселился на Черную Гору, послѣ каппу. Онъ хорошо говоритъ по итальянски и знаетъ много русскихъ словъ, бывалъ въ Таганрогѣ и въ Николаевѣ, набрался цивилизации на торговыхъ судахъ, но никому здѣсь, повидимому, не нравился. Спрашиваю, въ чемъ дѣло. Не объясняютъ. Черногорцы не любятъ осуждать. И кончается дѣломъ, что Михо вынуждается къ намъ въ караванъ. Намъ онъ вовсе не нуженъ, но все-таки въ томъ, что ему необходимо заработать два флорина.

Ратуша въ Которѣ.

А гдѣ же наши соглядаты? Положимъ, для насъ то были приготовлены окладки, а ему пришлось нести себѣ коляску, но все-таки пора ему насъ папнуть... Или онъ опасается, воображаетъ, что мы причинимъ ему здѣсь непріятность?

Едва успѣли мы о немъ вспомнить, какъ онъ показавшись, медленно проѣхалъ мимо насъ въ темнотѣ. Для отвода глазъ, онъ будетъ кормить лошадей на дикъ версты далѣе, въ Негушахъ. Ему, навѣрно, хорошо извѣстно, что мы идемъ на Езерскій Верхъ, и онъ проѣдетъ въ Петинке прямо. Не интересны ему наши похождения среди непролазныхъ скалъ, а за то любопытно знать, не имѣетъ ли нашъ пріѣздъ въ Петинке дѣловаго значенія.

Пока, онъ намъ не особенно надобенъ, но мы чувствуемъ, что скоро его постоянное присутствіе намъ опротивѣетъ.

Однако, двѣнадцатый часъ, пора спать. Встать придется очень рано.

— На три урѣ, объявляемъ мы проходникамъ и улаживаемъ на почлегъ.

Хозяева намъ уступили свои двѣ комнаты, такія маленькія, что одна изъ нихъ едва вмѣщаетъ нашъ багажъ, который рано утромъ пойдетъ прямымъ трактомъ въ Петинке. Вечеромъ—мы устраиваемся въ другой, на двухъ кроватяхъ, явно доказывающихъ, что чистосердечіе не всегда совпадаетъ съ чистотою. На стѣнахъ висятъ револьверы и любочныя картины русскаго производства, изображающія Скобелева и различные моменты послѣдней войны. Можно подумать, что находящіеся въ Россіи, на сельскомъ постояломъ дворѣ.

Раздѣвшись наполовину, тяжелою спомъ засыпаемъ мы, утомленные дорожною и силою новыхъ впечатлѣній. Ночью, разъ три мы просыпаемся отъ шума, производимаго проезжими, которые вламываются къ Андрію.

И кого это несетъ ночью по дорогамъ!

XXII.

ШЕ нѣтъ трехъ часовъ утра, а мы уже проснулись. Въ духотѣ и тѣ-
потѣ даже самая большая усталость не обращается въ продолжительный
сонъ, и насъ отрываетъ отъ отдыха мысль о предстоящемъ интересномъ
пути. Въ хатѣ тихо, спятъ. Андрій спитъ, спитъ и все его семейство.
И нѣтъ ни малѣйшаго признака проводниковъ. Они опоздали, но особен-
ной бѣды въ томъ нѣтъ: ночь еще такъ черна, что равно ничего не
видно. Въ этой безмолвной темнотѣ чувствуется величье отдохновенія природы. Среди
всеобщаго сна, какъ-то бодренно ощущается собственное пробужденіе, постигаешь
силу одиночества.

Однако, Андрія разбудить все-таки надо. Нашъ стукъ вызываетъ его на порогъ,
жена его принимается хлопотать по хозяйству, изъ разныхъ шестей выплываютъ дѣти,
муравейникъ оживленъ. Ребятишки поддаются намъ умиляться, и насъ чрезвычайно радуетъ
близость обстановки. Очень ужъ здѣшняя мелочная жизнь отличается отъ тѣхъ, къ
которымъ мы привыкли. На столѣ, передъ хатою, поставлены кофе, хлѣбъ, масло, сыръ
и... раки. Андрій утверждаетъ, что безъ ракъ нельзя. Съ утра-то?

— А гдѣ же ваши проводники, Андрій? Мы хотимъ посѣтить въ Цетинье къ двѣ-
надцати часамъ, а обходный путь великъ....

Видъ на Бокну съ дороги въ Чернигорію.

— Салъ (сейчасъ), салъ будутъ, укрѣятъ Анаріи и кидаются готовить для насъ запасъ провіанса въ дорогу.

Солнце скоро встанетъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ горизонтъ не застлаетъ горами.

Ближайшая къ Иктору Бинья.

Верхушки возвышенностей начинаютъ вырисовываться съ кривыми массами, контуры горъ понемногу выступаютъ. Пространство мало-по-малу населяется красотой.

Откуда-то доносится шумъ голосовъ и, постепенно усиливается, разрѣшается появленіемъ нашихъ проводниковъ и тѣхъ животныхъ, на которыхъ намъ предстоитъ совершить путь. Это нѣчто среднее между осликомъ, лошакомъ и муломъ, и нѣчто несомнѣнно злобное. Животныя эти носятъ здѣсь названіе «мазга» и отличаются

строгимъ характеромъ. Имъ можно многое простить за то, что они никакой крутизны не боятся и умѣютъ ступать съ увѣренностью по самому краю пропасти. Съ первой же минуты знакомства съ нами, мазги начинаютъ лаяться съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто въ этомъ заключается самая сущность ихъ дѣятельности. Проводниковъ это не смущаетъ. Ясно, что обратное явленіе ихъ увлеченію бы гораздо больше.

Марина смѣется, а Михо хлопочетъ и волнуется, чтобы обрисовать полезность своего участія въ дѣлѣ. Считая вопросъ о характерѣ мазги достаточно выясненнымъ, мы обращаемъ къ изученію оснастки этихъ «горныхъ кораблей». Вместо сѣдла имѣется нѣчто вродѣ деревянной крыши, очевидно очень удобное для мазги, но мало приспособленное къ удобству человека. Михо утверждаетъ насъ объясненіемъ, что крыша эта именуется «сомара» и что на ней очень хорошо можно сидѣть, если подложить пальто или мѣшокъ съ спякомъ. Ни повода, ни уздечки не полагаютъ. Мазга привыкла сама выбирать дорогу... Хорошо, а если ей по своимъ дѣламъ вовсе не туда нужно идти, куда мы? Словомъ убѣжденію на нее дѣйствовать надо? И Крето объясняетъ, что именно въ

Фрагментъ изъ дороги въ Крето.

словахъ убѣжденіи все дѣло. Онъ эти слова знаетъ и будетъ своевременно произносить, а такъ какъ онъ мой проводникъ,—и могу быть спокойнымъ, также и за спутниковъ.

Итакъ, въ дорогу. Фотографическіе аппараты распределяются по проводникамъ, а Мариня закидывается за плечи тяжелую торбу съ провизіей. Вообще, черногорцы считаютъ для себя унизительнымъ нести тяжесть и предоставляютъ это женщинамъ, которымъ, въ этомъ отношеніи, отличаются поразительною выносливостію.

Мы прощаемся съ Андриемъ, даемъ ему послѣдніи инструкціи по поводу отъѣзда багажа въ Цетинье и начинаемъ брать пистурмомъ свои мазги. За отсутствіемъ стремяны, это новее не такъ легко, тѣмъ болѣе, что мазги обнаруживаютъ намѣреніе сохранить полную независимость. Съ большимъ трудомъ и при помощи многочисленныхъ словъ убѣжденія, мы все-таки вытѣраемъ ихъ мѣста. Отнынѣ мы можемъ быть спокойны: мазги соблюли формальность и больше не будутъ возмущаться. Остается привыкнуть къ сомарамъ и привыкнуть къ мысли о полнѣйшей своей безпомощности. Печаль, упрямство, печаль задерживать ходъ, и сомара устраняетъ всякую возможность рациональной посадки. Если Крсто замечается, это существенно отзовется на маршрутѣ.

Мѣстная легенда повѣствуетъ о происхожденіи Черногоріи слѣдующее: когда Господь Богъ создалъ міръ, то послалъ по землѣ ангела съ двумя большими мѣшками; въ одномъ изъ нихъ былъ плодородный грунтъ, въ другомъ—камни. И добрый ангелъ поочередно бралъ содержимое обоихъ мѣшковъ, сыпалъ на землю. Когда же онъ проходилъ тамъ, гдѣ теперь лежитъ Черногорія,—мѣшокъ съ камнями прорвался и всю мѣстность завалило громадными сѣрыми скалами. Вотъ почему здѣсь, по дорогѣ на Езерскій Верхъ, почти ничего не видно, кромѣ камней.

Мы медленно передвигаемся, полъ навѣсомъ скалъ, въ сумракѣ первыхъ минутъ пробужденія дня. Полъ копытами нашихъ мазогъ, острые камни шуршатъ. Кругомъ, въ величій демоническаго пейзажа, все сѣро и сурово. Сила природы становится все болѣе и болѣе грозною. Мерещатся развалины мѣра, поле сраженія титановъ. Моцъ красоты безъ прикрасъ кажется чѣмъ-то воинственнымъ и героическимъ. Зеленъ кустарниковъ поглотается дикимъ цвѣтомъ скалъ. Внизу, направо, чернымъ пятномъ обрисовывается уголокъ Бокки. Тамъ еще ночь доживаетъ послѣдній часъ, подъ прикрітіемъ прибрежныхъ высотъ. Мелькнула Бокка и исчезла. Мы поднимаемся по грудамъ камней, въ извилинахъ едва замѣтнаго пути.

Моя мазга хочетъ доказать мнѣ свое искусство и упорно ступаетъ по самому краю обрыва. Впрочемъ, къ этому быстро привыкаешь. Ка-

Видъ изъ подъема въ Крстаць.

кожа бы мазга ни была, она избавляет отъ хождения по острымъ камнямъ. Черногорцы, въ опанкахъ изъ воловьей кожи, шагаютъ превосходно. Мы себѣ тоже купили по парѣ опанокъ, но затрудняемся ихъ надѣть: новыя опанки поддается размочить въ водѣ и затѣмъ мокрыми надѣвать, чтобы придать имъ форму какъ по мѣркѣ.

Мы лучше произведемъ этотъ опытъ дома.

Дорога идетъ вверхъ и внизъ, извѣстными уступами. Мазги находятъ это вполне естественнымъ, и мы понемногу приобщаемся къ ихъ философскому отношенію къ обстоятельствамъ.

Крето рассказываетъ, что онъ водилъ двухъ профессоровъ-итальянцевъ по всей Черногоріи. А русскихъ? Нѣтъ. Мы периме. Вообще, русскіе сюда прѣзжаютъ очень рѣдко. Ну, еще бы! Мы еще отбываемъ повинность изученія швейцарскихъ гостиницъ. Мысль о поѣздѣ въ Черногорію намъ представляется совсѣмъ несуръизною. Слово мы боимся, что, вышедши изъ области шаблоннаго, станемъ смѣшать людей.

Въ окрестностяхъ Кутора.

XXIII.

ЫСТРО сѣтаетъ.

Вдали, на склонахъ горъ, мѣстами обрисовываются довольно обширныя зеленыя пятна. Тамъ катуны, мѣста лѣтняго угона скота. Русскій туристъ составитъ себѣ нѣкоторое понятие о катуняхъ, если я укажу, что они соответствуютъ итальянскимъ «Alpi». Но, конечно, катуня гораздо бѣднѣе, не только въ отношеніи благоустройства, но и потому, что на долю мѣстнаго скота не выпадаетъ роскошныхъ пастбищъ. Камень заглушаетъ зелень, и только поразительная трудовая энергія черногорцевъ въ сплaxъ съ камнемъ бороться. Можно безошибочно сказать, что здѣсь, въ окрестностяхъ Ловчена и на всемъ протяжении дикаго перевала черезъ Буковину, ни одна гряда плодороднаго грунта не пропадетъ даромъ. Самый ничтожный кусокъ земли воздѣлывается. Горы непрерывныя микроскопическими нивами, производящими издали впечатлѣніе ячеекъ гыгалекаго улья. И какъ тщательно оберегаются эти нивы отъ размывовъ и заносовъ! Тому, кто это видѣлъ, трудно согласиться съ ходячимъ мнѣніемъ о лѣни южныхъ славянъ. Можетъ быть даьше, на равнинахъ Подгорины и Никшича, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ природа отдается земледѣльцу безъ боя, замѣчается недостаточная интенсивность труда, но склоны Ловчена и Буковины свидѣтельствуютъ о трудолюбіи черногорцевъ.

Катуны просыпаются. Съ одного изъ нихъ доносится окликъ.

Крето подноситъ руки ко рту воронкой, и отвѣчаетъ:

— Добро-утро, Перо-о-о!

Онъ кричитъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Голосъ его раздается вовсе не рѣзко, но волны воздуха подхватили его слова, слышишь какъ эти слова, въ повторныхъ толчкахъ горнаго эхо, перескакиваютъ со скалы на скалу, уходятъ все дальше и дальше къ тому едва замѣтному бѣлому домику, гдѣ стоитъ совершенно неуловимый для взгляда Перо. Черезъ нѣсколько секундъ слышится приближеніе новаго оклика, именно слышится приближеніе... гулъ идетъ по ущелью, постепенно разростаясь, сперва неясный, какъ неуловимая рѣчь записи-весника, свои путаются въ звуковыхъ отраженіяхъ и, наконецъ, составляютъ въ слова:

— Куда идешь?

— Къ могилѣ ка-ды-ки...

Черногорцы перебрасываютъ голосъ въ даль съ такимъ же искусствомъ, какъ австралійскіе дикари швыряютъ бумерангъ.

И долго, пока мы идемъ мимо просыпающихся катуновъ, раздаются звонкіе оклики, словно горы стряхнули съ себя сонъ и разговариваютъ съ нами. Волны новыхъ ощущеній налетаютъ на насъ со всѣхъ сторонъ, художественно радуютъ и углубляютъ въ насъ ощущеніе жизни.

Женщины, старыя и молодыя, попадаютъ намъ на встрѣчу. Онѣ одѣты въ черное, съ покрытою головой, согнуты подъ тяжестью ноши и очень пессимы. Каждый изъ нихъ цѣлуетъ руку у Крето. Торопливый наблюдатель постигнетъ, конечно, пріятн къ тому

По дорогѣ въ Черногорію

заключению, что черногорки пребывают в тяжелом подчинении у мужчин. Напротив. Мужнина, как олицетворение героизма, самоотверженной защиты родного края и силы,

По дороге в Черногорию

пользуется иногда добродушием, так сказать, умилением женщины, которая считает своей обязанностью брать на себя бремя домашних работ и, часто, полевого труда. Иначе не могла сложиться семейная жизнь в те годы, когда черногорцы ни на миг не переставали быть воином и для заботы о доме времени не имели. Случаи жестокого обращения с женами здесь составляют крайне редкое исключение и вызывают всеобщее осуждение.

Вообще, черногорские нравы отличаются мягкостью, которая, при воинственности княжества, может найти себе объяснение лишь в пропитанном отношении черногорца к заветам христианства. Здесь, где ревностно всякий вооружен, ни о разбое, ни об убийствах нет и речи. В этом отношении, в Черногорию гораздо безопаснее путешествовать, нежели в любой из европейских стран. Свободя идти в ночное время по горным дорогам и не берите с собою оружия: оно не будет нужно. И не заботьтесь о целостности своего имущества: черногорец никогда ничего у вас не украдет. Разумеется, на албанской границе, там, где иноземный элемент силен, все может случиться, и там почти также беспокойно, как на окраинах больших городов. Но в центр Черногории путешественник не должен опасаться никаких неприятных встреч.

Съ годами, конечно, влияние сошедшей одержити верх надь добрыми нравами. Какъ

это ни грустно, а несомненно, что туристы ближайших десятилетий застанут в горах Черногорию.

У ручья, мы недолго останавливаемся, потому что полагается напиться наших мазгов. Мы сходимъ съ нихъ и медленно идемъ въпередъ. Вдалекѣ, на крутизнѣ Езерекаго Верха, резко вырисовывается мавзолей Петра II. Владика самъ избралъ себѣ это мѣсто упокоенія, не только съ тѣмъ, чтобы на громадное пространство кругомъ черногорцы могли видѣть его могилу, но и ради того, чтобы пришлось поклониться у его гроба лишь тѣмъ, кто не устаниетъ утомительнаго напоминчества. И теперь, мертвый, онъ какъ бы продолжаетъ витать надъ своею родиной, напоминаніемъ понесенныхъ имъ трудовъ и вдохновеніемъ къ трудамъ грядущимъ. Чисто поэтическое чувство

Князь Николай Черногорскій,
из гравюры фотографъ Г. В. Трумпла (въ Цаскѣ)

охватываетъ всякаго, кто, любя и понимая Черногорию, любуется этою могилой-исполномъ, въ сравненіи съ которою жалкими кажутся пирамиды Гизекаскія.

Солнце вышло изъ-за горъ. Сразу сдѣлалось жарко, въ седьмомъ часу утра. А пути еще много передъ нами.

Снова садимся на мазговъ, ѣдемъ дальнѣе, по аршиннымъ ступенямъ горной каменистой тропинки.

XXIV.

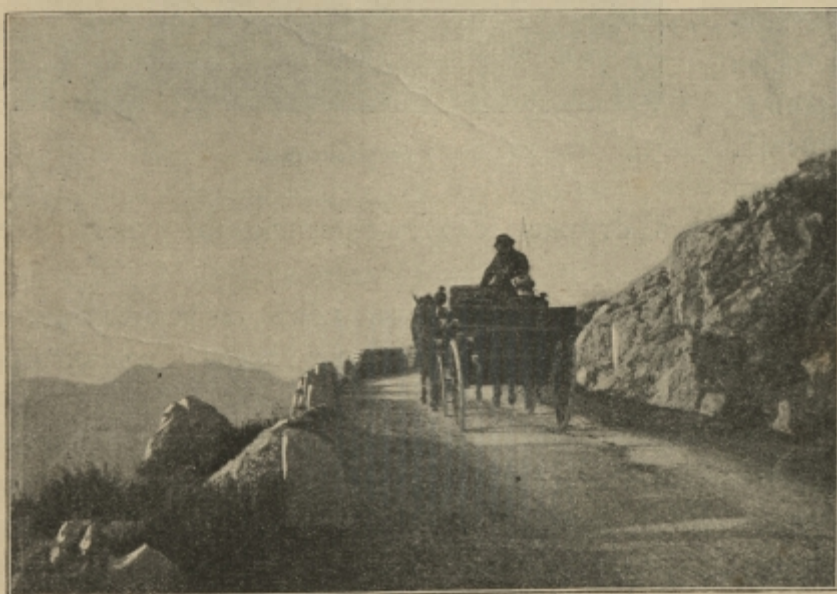
ПРИВАТЪ у кагула. Первое нападеніе на провизію, данную намъ Андрѣемъ. Особенный успехъ выпадаетъ на долю «перечутца» (итальянское prescittio), превосходной черногорской вѣчины. Изъ сѣрой хаты выходятъ женщины, приносятъ намъ воды и молока. Ихъ очень радуется, что мы русскіе, и одна изъ нихъ все приговариваетъ, творя крестное знаменіе и глядя на сѣверъ:
— Великій Царь русскій!

Козы насъ тоже окружили, бѣлыя и черныя; звени бубенчиками, онѣ вытаращили на насъ глаза, очевидно удивленные нашимъ европейскимъ костюмомъ. Цѣпи провожатіи шумно бесѣдуютъ, звонко смѣется Марица. Жарко. Горы становятся ослѣпительно бѣлыми, отражая солнечные лучи.

Здѣсь мы оставляемъ мазогъ и дальше идемъ пѣшкомъ, потому что съ этой стороны подымаются слишкомъ крутыя для верховой ѣзды. Начинается восхожденіе по глыбамъ острѣхъ камней, въ извилинахъ ели уловимой тропинки, среди колючаго кустарника. Намъ совсѣсъ отѣленнымъ кажется подъемъ на послѣднюю вершину, тѣнкой прикрывающую склоны Ловченскихъ высотъ. Могила владыки высоко паритъ надъ нами, расомни сверкаетъ бѣлизною. Медленнымъ «горнымъ» шагомъ идемъ мы. Тяжелый вѣхъ нагружена Марица, но вовсе не отстаетъ отъ другихъ провожатіевъ.

Видъ изъ Черногоріи на Боклу.

Видъ шоссе въ Черногоріи

Докарабкались мы до отлогого мѣста, поль самую верхушкой, поющей названіе Капи. Тутъ уже открывается

поразительный видъ на нѣгунскую и цетинскую котловины. Далеко внизу протекаютъ сѣрые и зеленые долины, съ едва замѣтными пятнами катуновъ.

Михо говоритъ:

— Смотрите, къ намъ ѣдутъ.

— Да, сюда ѣдутъ... два всадника... съ прилугой, подтверждаетъ Крето.

Мы всматриваемся, ищемъ, ничего не видимъ. На громадномъ пространствѣ развернувшегося подъ нами простора, не различишь людей. Неужели эти едва уловимыя точки тамъ, на опушкѣ зеленой долины, это люди?

— Кто сюда ѣде-е-е-тъ? посылаетъ кличъ Крето. И склоны Ловцена перекачиваютъ его голосъ внизъ, къ тѣмъ всадникамъ, которыхъ почти не видно.

Проходитъ нѣсколько секундъ, затѣмъ начинается разливаться гулъ отвѣта. Все ближе и ближе подходитъ голосъ и вѣстиво произносится:

— Два при-и-те-зи-и-и... ѣдемъ къ на-а-амъ!

... А какъ ихъ зову-у-у-тъ?

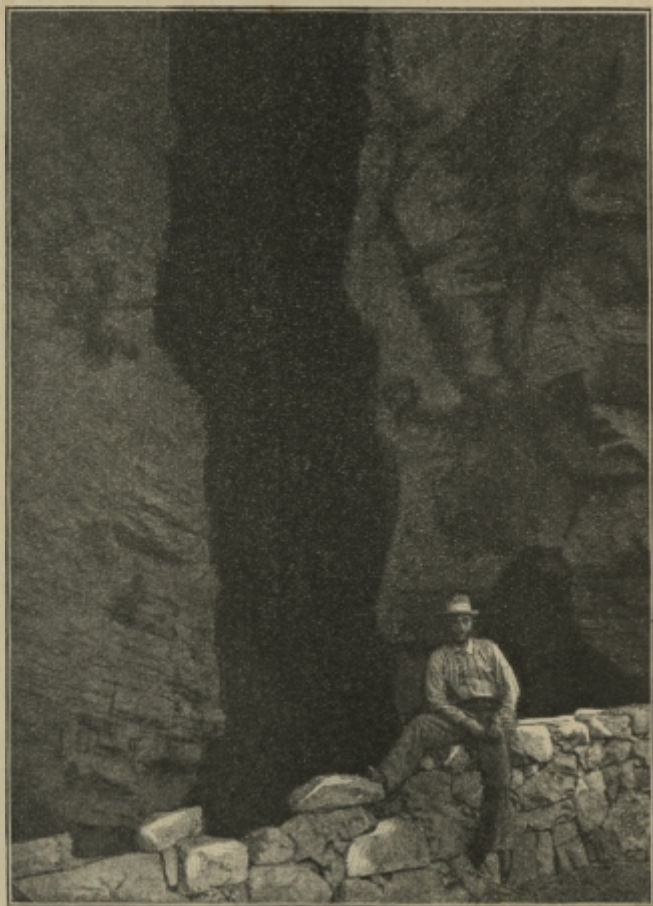
Отвѣтъ ихъ теряется въ раскатахъ эхо.

Что намъ, пока, въ ихъ именахъ! Кто бы они ни были, это мои добрые друзья, предпринявшіе утомительный путь для того, чтобы встрѣтить насъ у черногорской святили. Со стороны Цетинья дорога удобнѣе: не пройдетъ часа, какъ они будутъ наверху.

Немного отдохнули мы, идемъ дальше. Минута въ пятнадцать мы осиливаемъ Кану, достигаемъ высшаго пункта горы. Здѣсь, на площадкѣ въ пятьдесятъ шаговъ длины и шаговъ пятнадцать ширины, стоитъ небольшая бѣлая часовня, совсѣмъ простой постройки, безъ какихъ бы то ни было украшеній. Въ ней покоятся кости Петра II, безо всякой охраны. Охрана и не нужна. Здѣсь стражею стоитъ—религіозное чувство всей Черной Горы и величіе природы.

Наши проводники освѣняютъ себя крестнымъ знаменемъ и съ сосредоточеннымъ торжественно-прогательнымъ видомъ шѣлуютъ запертую на ключъ дверь часовни. Они рады, что мы доставили имъ случай совершить паломничество.

Отсюда открывается широчайшій и разнообразнѣйшій видъ. Одновременно вырисовываются Цетинье, Шкупи, уголь темно-синей Бокки, туманная гладь огромнаго Скадрскаго озера, высоты Албаніи и Герцеговины. Необычная масса растлающейся передъ нами красоты превышаетъ все то, что можетъ дать воображеніе. У нашихъ ногъ развернулась неизскаемая сокровищница картинъ. Уношеніе красотой достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Общеніе души съ природою становится ошутительнымъ до боли, доставляетъ

У Крестацкаго грота.

наслаждение, на которое человеческие силы не рассчитаны. Тут словно не воздухом дышется, а художественными впечатлениями, ободряющими духъ. Наши проводники вы-

Крстацки гробъ.

казываютъ, своей восторги на черногорскій ладъ: вынимаютъ изъ-за пояса револьверы и стрѣляютъ въ воздухъ. Глухое эхо подхватываетъ выстрѣлы, склоны скалистыхъ горъ размножаютъ и дробятъ звукъ. Словно вершины шлютъ отвѣтъ на перекличку великановъ.

— Господинъ докторъ Лазаръ и господинъ Дречъ, докладываетъ Крето.

Оглядываясь. Это они, вышедшіе на встрѣчу прітели. Шагахъ въ ста отъ насъ, внизу, они осматриваютъ крутизну. Мы спешимъ къ нимъ, радуясь свиданію.

Докторъ Лазаръ Томановичъ, уроженецъ Боканъ, изъ Лепстанъ, давно уже посвятилъ свои силы и выдающіеся дарованія служебной Черногоріи, въ качествѣ редактора «Гласа Черногорца» и приближеннаго къ Князю лица, несущаго секретарскія обязанности. Сербская литература и истинно сербская политика многимъ ему обязаны. Съ нимъ, вмѣстѣ поднимая на Гезерскій Верхъ однимъ изъ наиболее почтенныхъ старожилловъ Цетинея, Иванъ Оседоровичъ Дречъ, содержатель мѣстной аптеки, родомъ изъ Герцеговины. Оба они перешли въ Черногорію изъ странъ, некогда ей принадлежавшихъ, оба какъ бы символизируютъ тяготѣніе этихъ странъ къ Черной Горѣ. Это люди, одинаково горячо преданные Россіи и отменно владеющие нашимъ языкомъ.

Они привели насъ отъ часовни. Мы входимъ въ нее, преклоняемъ колѣна у гробницы.

Впечатлѣніе мощной и величественной простоты безмолвнаго молитвеннаго общества охватываетъ насъ властно. Величаво отдыхаетъ владыка Петръ II на вершинѣ, куда, порою, залетаютъ орлы, тревожа волны оседающихъ облаковъ.

XXV.

РОЗЫВЪ около часа времени на Езерскомъ Верхѣ, мы собираемся въ дальнѣйшій путь.

Отречь намъ значительно уснался, потому что Томашичъ и Дрегъ приняли въ сопровожденіи нѣсколькихъ людей прислуги. И длинной живою лентой спускаемся мы, подгоняемые крутизною тропинки, цѣпляясь за выступы скалъ и за вѣтви буковъ. На каждомъ поворотѣ растопыряются передъ нами виды разнообразныя, и намъ пріятно любоваться ими, какъ бы съ чувствомъ торжества и заглаженія. Природа щедро вознаграждаетъ насъ за то, что мы не убоялись труда восхожденія на высоту. Красоты смѣняются красотами, избыточными и мощными въ очертаніяхъ своихъ. Оторванность отъ обычныхъ условій современной жизни обновляетъ душу и наполняетъ ее радостью.

Намъ не придется поспѣть въ Петине къ полудню. Наши пріятели упорно уговариваютъ насъ не торопиться и убѣждаютъ сдѣлать привалъ на Ловченѣ. Цѣль ихъ подомогнуть выясняется, что тамъ ждетъ насъ обѣдъ... Обѣдъ на Ловченѣ, въ тѣни

Хата Андрія у Мрстаци.

буковой рощи, въ той обстановкѣ, какую мы обыкновенно видимъ только въ операхъ. Ради такихъ впечатлѣній можно хѣть куда угодно опоздать!

Мы возвращаемся къ тому катупу, гдѣ были оставлены наши мази, и, послѣ

короткаго отдыха, идемъ дальше, новымъ для насъ дорогой. Спутники мои избрались на сомары, а мы съ Томашичемъ остаемся пѣшеходами, быстро идемъ по каменистой почвѣ обширнаго плоскогорья.

За годъ накопилось о чемъ поговорить. Но, чего бы ни касался разговоръ, онъ неизменно заканчивается Босніей и Герцеговиной. Подобно тому, какъ, порывавъ себя пальцы, мы при каждомъ движеніи ощущаемъ этотъ порывъ,—важкій искренній обмѣлъ людей съ сербомъ приползъ къ безпо-

коющей его политической ранѣ, нанесенной организму Великой Сербіи. Это—большое мѣсто, о которомъ нельзя забыть. Это—мысль, пересланивающая личные побужденія и заботы о собственномъ счастьѣ каждаго отдельнаго лица. Наболевшій патріотизмъ,—вотъ коренная черта души всякаго православнаго уроженца Боснии, Герцеговины и Босніи, патріотизмъ, какъ благороднѣйшая форма самолюбія, основанный на полномъ пренебреженіи узко-личными интересами.

Грустно дѣлается, когда вспоминаешь, что вокругъ такого остраго и мучительнаго вопроса безбрежною мутною зыбью стелется равнодушіе Европы, совершенно о немъ забывшей или, вѣрнѣе, старавшейся о немъ не вспоминать. Въ глазахъ европейскихъ дипломатовъ, Босния и Герцеговина представляются ничемъ инымъ, какъ «quantité négligable», чѣмъ-то до крайности второстепеннымъ. Разумѣется, подобный взглядъ, глубоко ошибочный, долженъ будетъ силою обстоятельствъ смѣниться болѣе правильнымъ отношеніемъ къ дѣлу... но и боюсь, что это случится слишкомъ поздно, когда останется, пожалуй, достаточно времени для того, чтобы кое-кому удалось совершить на босно-герцеговинскомъ вопросѣ блестящую дипломатическую карьеру, по

Около Негушей.

По нашему пути.

слишкомъ мало на то, чтобы своевременно выручить похищенные Австріей провинціи

Стоянка вагоновъ и лошадей.

Этимъ надеждами, пока, живетъ южное славянство.

Каменистая площадь смѣнилась свѣжимъ буковымъ лѣсомъ. Приятно идти въ тѣни, ненадолго скрываться отъ острыхъ лучей солнца.

Впереди насъ, шагахъ въ пятидесяти, Михо и Крето останавливаются, съ радостными криками подзываютъ насъ къ себѣ.

Мы спѣшимъ къ нимъ. Въ чемъ дѣло?

Они показываютъ змѣю, аршина въ полтора длины, черную, испещренную блестящими желтыми пятнами. Меленько, не глядя на насъ, она переползаетъ нашъ путь.

Я спрашиваю:

— Ядовитая?

— О, да...

Знаюшу налку, чтобы ее убить, но проводники приходять въ ужасъ отъ моего намѣренія, ... Вѣдь увидѣть змѣю, это—предвѣщаетъ счастье... Эта змѣя обѣщаетъ мнѣ счастливый путь... Ее надо оставить.

Пу что-жъ, пусть уползаетъ. А жалъ.

Маленькій воинъ.

XXVI.

О выходя из рощи, мы видимъ передъ собою широкое зеленое Ловченское поле, ярко залитое солнцемъ. По другую сторону его, нерстахъ въ двухъ, темнѣетъ лѣсъ. Тамъ будетъ нашъ обѣденный приналь. Но, пока мы туда дойдемъ, придется набраться жары не въ мѣру. Направо, среди зеленой равнины, обѣщаютъ остатки древняго монастыря Преображенія Господня, выстроенаго еще при

Черноскитачъ.

Развалины православныхъ храмовъ встрѣчаются въ Черногоріи часто. Ознаменовались окрещеніемъ перквей нашествія турокъ, но не меныне вѣда, въ этомъ отношеніи, приносить недостатокъ средствъ. Черногорецъ набоженъ и при первой возможности строитъ въ деревушкѣ перковъ, дорожка молитвенно въ домъ Господнемъ, а средствъ на поддержаніе перквей въ послѣдствіи часто не оказывается. Строепіе разрушается, иконы крошатся, тусклѣютъ, стираются и трескаются, ризы приходятъ въ ветхость. Многіе наши храмы, жертвуя отъ избытка своего, могли бы оказать православной Черногоріи большую помощь. Намъ скажутъ: и у себя, дома то, мы еще не ведемъ обзавелись, Сибирь не имѣетъ достаточнаго количества перквей. Совершенно вѣрно. Но для Черногоріи нужно такъ мало, чтобы дать ей много. И отличать «дома» отъ «не дома» въ вопросахъ религіозныхъ чрезвычайно трудно. Общность вѣроисповѣданія исключаетъ Черноку Гору къ границе полнаго духовнаго единства съ нами, и географическая порубежная черта не можетъ служить заставою для братства по вѣрѣ и крону.

Вотъ, наконецъ, и мѣсто нашего привала. Проголадались мы основательно и съ удовольствіемъ видимъ, какъ дожаривается цѣлый баранъ на вертелѣ, подъ наблюденіемъ группы красиво одѣтыхъ слугъ. Столъ накрытъ на травѣ, разостланъ широкій конеръ, а кругомъ расположены подушки для застольнаго возлежанія. Груды фруктовъ

Скопскіи Врхъ.

Подъ Езерскимъ Верхомъ.

товъ и порядочная корзинка бутылочъ обезпечиваютъ насъ въ томъ отношеніи, что отъ

Часовня на Езерскомъ Шеръ.

никогда ничего лучшаго не ждѣ. И я нахожу, что черногорскій барашекъ даже вкуснѣ кавказскаго. Можетъ быть это обстоятельство привлечетъ въ Черногорию хотя бы любителей хорошо покушать. Il faut chercher à prendre par l'estomac ceux qui ne se laissent pas prendre par le coeur.

жажды страдать не придется. Столовою служить намъ небольшая полянка, съ трехъ сторонъ закрытая буковой чащей. Кругомъ хлопочутъ живописные черногорцы, десятка два вооруженныхъ слугъ... и смѣхъ Марицы раздается почти безостановочно.

Долго длится нашъ обѣдъ, прерываемый задумчивыми рѣчами и здравицами. Барашекъ оказывается такимъ вкуснымъ, что намъ представляется, будто мы

Видъ съ Езерскаго Врха.

Курить и пить кофе мы переходимъ къ другому ковру, а слуги садятся обѣдать на наши мѣста. Красивую и ярко цвѣтную картину образуетъ ихъ группа.

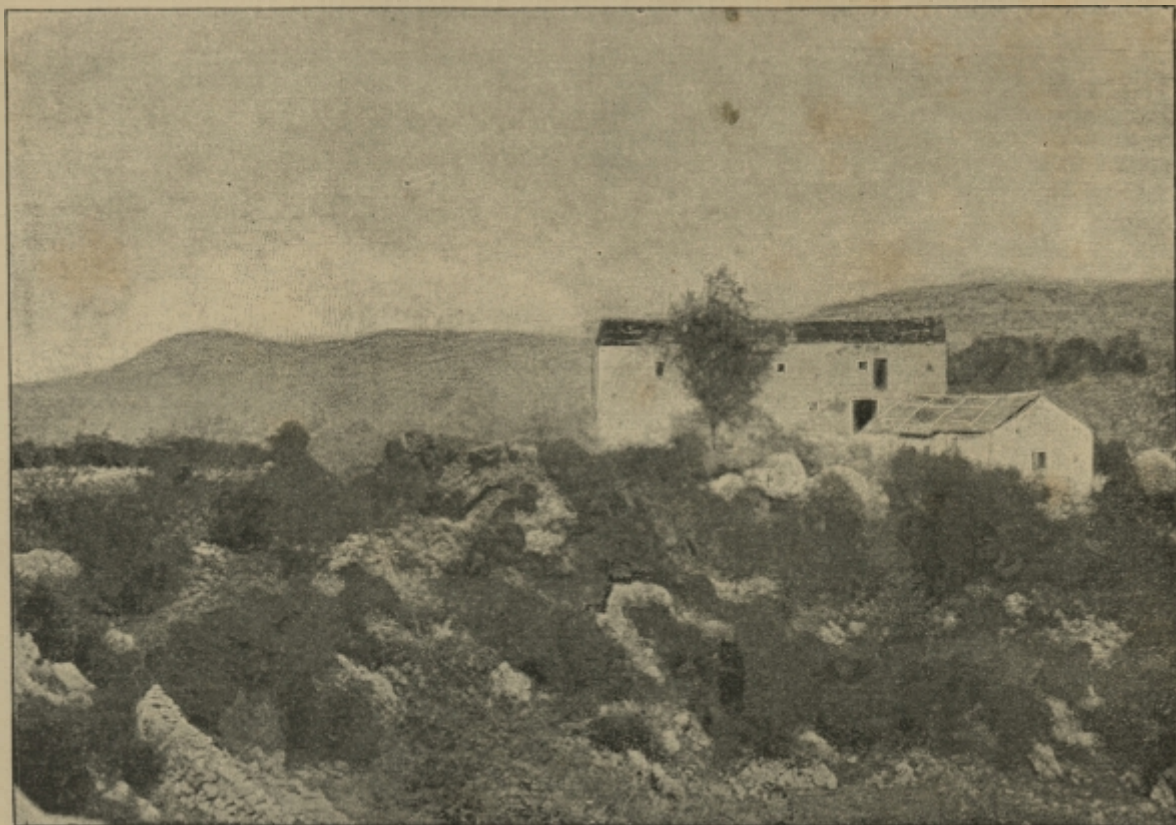
Видъ съ Езерскаго Вера.

Во второмъ часу, я настаиваю на томъ, чтобы мы тронулись въ путь. Конечно, это немного жестоко съ моей стороны: жара невыносимо сильна, но мнѣ положительно необходимо посетить засѣкло въ Цетинье, иначе я не успѣю справиться со величайшими дѣлами. Начинается оборудованіе вьюковъ. Мои спутники снова вступаютъ въ борьбу съ мазгами. Мнѣ же предназначается пресимпатичная бѣлая лошадь добрейшаго характера. Ее беретъ подъ узды красавецъ Вуко Вучичъ, слуга Дрена, и такъ и не соглашается отпустить до самаго Цетинья, во все продолженіе четырехчасового пути. Либо онъ предполагаетъ, что будучи предоставленъ самому себѣ, я слечу въ обрывъ, либо онъ желаетъ соблазнить неизвестный мнѣ декорумъ. Велеть онъ мою лошадь и, по временамъ, вынимаетъ изъ за пояса револьверъ, старѣется

У источника.

вверхъ. Это показываетъ, что онъ ощущаетъ радость. Изрядко достаётъ онъ изъ кармана

Хуторъ въ горахъ.

мани переизки и угощаетъ меня. Они довольно жестки, но я ѣмъ ихъ, чтобы доставить ему удовольствие. Также крутитъ онъ мик папирсы, когда ему покажется, что мик пора и покурить. И все это продлывается съ необыкновенно красивымъ достоинствомъ. Различныя классы населенія въ Черногоріи нѣтъ и услужливости всегда носить чисто братскій характеръ. Слуга почитателенъ, но вмѣшивается въ разговоръ господъ, подаетъ имъ руку, считаетъ себя гораздо большимъ помощникомъ, нежели прислугой. Вѣдь съ тѣмъ, микъ никогда не случалось замѣчать ни малѣйшей склонности къ неповиновенію.

Развалины монастыря Преображенія Господня, на Ливенѣ.

Длинною вереницею тянется нашъ караванъ. Мы осиливаемъ скалистые холмы за скалистыми холмами; все новыя и новыя скрѣпя горы передъ нами вырастаютъ. Но путь не однообразенъ, впечатлѣнія не ослабѣваютъ. По прежнему чувствуешь себя въ мірѣ красоты.

Кое-где катуны попадаются, окруженные зелеными пятнами воздыхающих лесов. Здесь, на скалистых перевалах длинного пути из Ловчана в Цетинье, растительность скудна и земледелие мыслимо лишь под условием неутомимой борьбы с природою. Во многих других местах Черногорин, например в пахучей долине Зеты, жители могут кое-когда и поделиться, потому что земля там добрая, плодородная, но здесь лишь вызвала бы голодную смерть. В тесках каменных глыб, тесноте доскутки мягкой почвы, то внизу, в глубинь ущелий, то высоко над дорожкой. Тяжелый труд, из часа безпощадной жары, несут мужья, отцы и деды, а женщины приносят им, для подкрепления сил, пашенки кофе и ромки ракии.

Вуно варить кофе

У деревни Власови, мы останавливаемся на полчаса. Хаты, из сбраго камня, почти без окон, раскинуты в беспорядке по выступам жесткой горы. Это очень бедная деревня, но и тут жители спешат оказать нам гостеприимство, приносят ракии и фруктов, хлеба, свежей воды, угощают нас табаком.

Наше обитие на Ловчене

Ихъ глубоко радуешь, что къ нимъ заглянули русскіе.

Тяжелое впечатлѣніе произноситъ церковь въ Бѣлошахъ. Вообще-то въ Черногоріи сельскія церкви не велики и бѣдны, но такой бѣдности, какъ въ бѣлошанскомъ храмѣ.

Обѣдъ прислуги въ Ловченѣ.

миѣ не приходилось видѣть. Представьте себѣ престолъ, изображенный простымъ покрывшимся однопологимъ деревяннымъ столомъ, какіе бывають въ заброшенныхъ садахъ, представьте себѣ иконостасъ, передъ которымъ православные молятся «за память», потому что большинства иконъ уже нѣтъ: онѣ потлѣли, выкрошились... вообразите себѣ церковь безъ свѣтильниковъ, безъ паникадилъ и безъ какихъ бы то ни было украшеній... и вы все, «любящіе благословіе дома сего», поймете, съ какимъ чувствомъ душевной боли бѣлошанинъ входитъ въ домъ молитвы. Ради православія, ради въ родъ крестныхъ войскъ его отецъ, дѣдъ, прабаба; ради святой вѣры, ради его прощанья черезъ вѣка непогодъ и лишеній; ради вѣры отцовъ положить онъ жизнь свою и сына пошлетъ на встрѣчу турецкимъ и австрійскимъ пулямъ;—и онъ

Черногорскія деревня.

создать церковь въ душѣ своей, но не можетъ украсить домъ Господень, потому что денегъ у него нѣтъ.

XXVII.

НЕ часа доа пути, длинный рядъ крутыхъ переваловъ и такихъ затруднительныхъ переходовъ, что приходится часто сѣвшиваться. Мало по малу, путь оживляется: попадаются люди на встрѣчу, съ караванами навьюченныхъ мазогъ. Наконецъ, послѣ крутого поворота, внезапно открывается передъ нами Цетиньская равнина, обширное поле, окруженное со всѣхъ сторонъ высотами, вырисовывающимися на горизонтѣ темною массой титаническихъ окоповъ. Поле это,

длиною въ пять верстъ и около двухъ верстъ ширины, гладко и плодородно. Но Цетинье постепенно разрастается и забираетъ почву подъ дома.

Еще два года тому назадъ Цетинье, служившее Черногорин столицей со времени Черноевичей, съ 1484 г.,—было очень небольшимъ поселеніемъ. Скромная обособленная жизнь княжества не вызывала надобности въ расширеніи его главнаго города, тѣмъ болѣе, что онъ почти вовсе лишенъ торговаго значенія, уступая въ этомъ

Мазень барана на Луцель.

отношеніи, преимущественное положеніе Подгорницъ, Шкучичу и даже маленькой Рѣкѣ. Но уже въ 1896 г., подъ влияніемъ временнаго оживленія сношеній съ Италіей и прилива иностранцевъ,—было выстроено около сотни новыхъ домовъ, и по нынѣ новыя зданія вырастаютъ на окраинахъ города, вытягивая его въ длину по направленію къ Буковинѣ, по бокамъ Которскаго шоссе.

Разумается, и теперь то Цетинье ни мало не соотвѣт-

Мазга, съ дровами.

стаетъ обще-привычному взгляду о стояннцахъ городахъ. Не знаю, наберется ли въ немъ болѣе трехъ тысячъ постоянныхъ жителей, а зданія отличаются крайнею простотою архитектуры. Дома маленькіе, похожіе на кубики съ плоскими фасадами и однообразно пробитыми окнами, не поднимающіеся выше втораго этажа. Памятниковъ нѣтъ. Нѣтъ и магазиновъ, а лавочки имѣются. Улицы прямыя, бѣлыя, не знаютъ движенія постоянной вѣды. Цетинье—это каменный лагерь, а не городъ. Тотъ, для кого видѣніи доскѣ цивилизаціи необходимы, не найдетъ въ Цетиньѣ удовольствія. Но любители своеобразнаго, патриархальнаго и величественнаго въ простотѣ правды—отвѣсятъ къ чернойгорской столицѣ съ большою симпатіей.

Церковь въ Бѣлошанѣ.

Этотъ маленький городъ въ продолженіи четырехъ вѣковъ играетъ громадную политическую роль. У него блестящее прошлое, прошлое не по росту, и будущее его, какъ средоточія южнаго славянскаго движенія, несомнѣнно велика. Онъ поддерживаетъ стихійною силой великихъ заботъ и неслабѣющихъ упованій. Не мужкою эллитой прикрывался городъ, и не рядомъ крѣпостей. «Его стѣна—ручной булатъ» можно сказать о немъ словами Державина объ аутѣ Джематѣ. Случалось туркамъ пробивать эту стѣну, но она немедленно вырастала заново, неменируемая пролитой кровью. Цетинье окрѣпло безъ посторонней помощи, само творило свою исторію, несло вѣковую авантюристую службу у передовыхъ линій прекрасныхъ войскъ.

Дворецъ Князя Николая производитъ впечатлѣніе хорошаго помѣщичьяго дома, и если бы не стража, поставленная у ступеней широкаго крыльца, можно было бы и не угадать, что тутъ живетъ Князь Черногорскій. На этомъ крыльцѣ ежедневно, Князь принимаетъ просителей, дорожа сохраненіемъ того порядка, при которомъ каждый черногорецъ всегда считалъ своего князя и владѣтку наилучшимъ судьей во вѣхъ его дѣлахъ. Неудобно, конечно, что подобныя аудиенціи находятъ въ явномъ противорѣчій съ учрежденіемъ разныхъ министерствъ и судебныхъ установленій, ставя иногда административные и судебные органы въ необходимость сообразоваться со взглядомъ Князя на личныя свойства того или иного просителя. Пока

Иконостасъ Бѣлошанской церкви.

во главѣ Черногоріи стоитъ такой выдающийся и знающій своихъ подданныхъ человекъ, какъ Князь Николай, можно быть увереннымъ, что на ступеняхъ его дворцоваго крыльца

Спускъ въ Цетинью.

зарождается больше правды, чѣмъ за столами правительственныхъ учреждений. Но простая осторожность заставляетъ напомнить, что на будущее нельзя смотреть безъ боязни, и что если когда-либо правленіе перейдетъ къ какому-нибудь астробизетствующему лицу, лучше знающему улицы Вены и Будапешта, нежели родины сеча,—то дѣло приметъ иной оборотъ. Это, разумется, чисто теоретическія опасенія, вовсе не приложимыя къ личности наследнаго князя Данила. Онъ еще очень молодой человекъ, и сужденія о немъ преждевременны. Сынъ Князя Николая, отъ колыбели окруженный вліяніемъ истославинскихъ и православныхъ зачатковъ, не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ достойнымъ преемникомъ доблестнаго правителя. Даже князь Мирко, советникъ еще юноша, отражаетъ уже въ себѣ прекрасныя качества своего отца. И Князь Николай лучше

Цетинье, общій видъ

кого бы то ни было сознавать, какое громадное значение для Черногории имели личные качества ее правителя, его отношение кь России, его взгляды на растлѣвающую

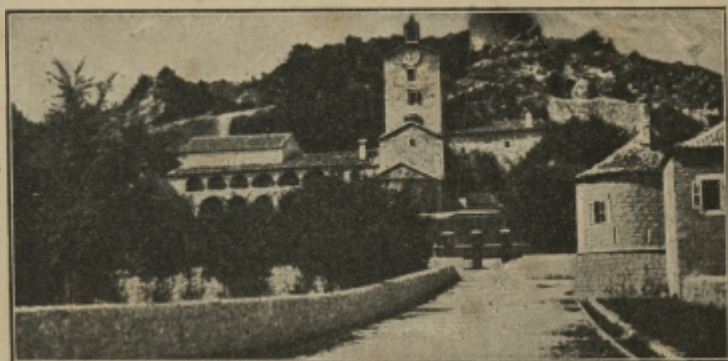
роль Австрии на Балканахъ, его проникновенность идеалами славинства. Ему самому, надо надѣяться, предстоитъ еще долгіе годы блестящаго правленія. Можетъ быть еще приемъ совершится счастливый поворотъ въ судьбѣ южнаго славинства, и мощью его нравственнаго облика будутъ проникнуты жезаніи событія. Но, если событіямъ этимъ суждено осуществиться въ предѣлахъ его жизни, преемникъ Князя Николая сумеетъ

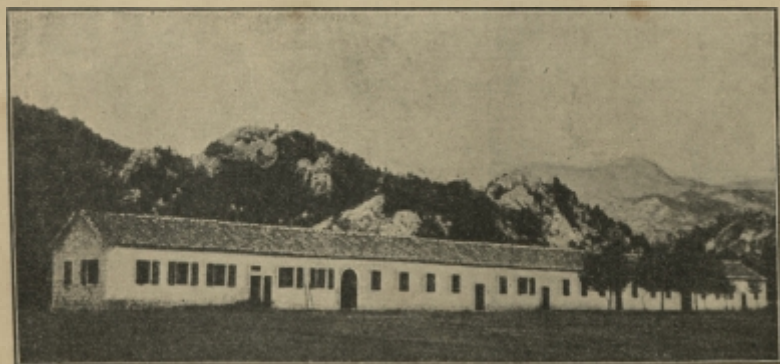
Княжескій дворецъ въ Цетиньѣ.

быть продолжателемъ дѣла своего отца.

Внутри, княжескій дворецъ носитъ общепоставленный, такъ сказать, дворцовый характеръ: широкія лѣстницы, большіе залы, позолота, строгаго стиля мебель. Европеизмъ обстановки рѣзко нарушается мощно-живописною фигурой Князя, носящаго богатый и яркій славянской костюмъ. Въ настоящее время стало просторно кь княжескому дворцу. Почти все князья вышли замужъ. Остались, около Князя, только четыре члена его многочисленной семьи: княгиня Милена, красавица княжна Ксения и маленькія дѣти,—княжна Вѣра и княжичъ Петръ. Князь Мирко недавно занялъ особый домъ, на дворцовой площади, а для наследника, князя Данила, возведено прекрасное отдѣльное зданіе, неподалеку отъ главной улицы Цетинья.

Резиденція Митрополита Митрофана.

Арсеналъ въ Цетиньѣ.

Въ ободреніе путешественниковъ, собирающихся посетить Цетинье, я долженъ сказать, что гостиница, такъ называемая «Оскандаръ», тамъ очень хороша. Комнаты содер-

жаты съ безупречною чистотой, кровати превосходны, столъ и услуженье не оставляютъ желать ничего лучшаго. При этомъ, цѣны чрезвычайно умѣренны. Впрочемъ, дешевизна

Дворецъ князя Даниила Князя Данила, въ Цетиньѣ.

ниже. Туристъ, не обладающій большимъ количествомъ свободныхъ денегъ и вынужденный относиться (якъ Италіи и Швейцаріи) къ издержкамъ съ крайней осторожностью, можетъ путешествовать по долинамъ Зеты и Морачи едва ли не въ обстановкѣ положительной роскоши и расходовъ на «представительство». Въ особенности русскимъ путешествовать дешево по Черногории, потому что черногорцы сейчасъ бы для себя позоромъ эксплуатировать нашего соотечественника.

Можетъ быть съ годами ивится дороговизна, въ связи съ наплывомъ посетителей, но пока повозка по владѣніи Князя Николая дешевле всякой другой заграничной экскурсіи. Я надѣюсь, что это обстоятельство будетъ принято во вниманіе многими, и что оно послужитъ дѣлу распространенія молвы о красотахъ княжества. Туристъ — лучший померъ международного общенія, лучший факторъ выясненія прелести той или иной страны.

Дай Богъ Черногории побольше русскихъ туристовъ.

является характерною чертой путешествія въ Черногорию. Русскій и венгерскій удешевленные тарифы доводятъ до минимума путевые расходы до Фіуме, а относительная дороговизна путешествія на отличныхъ пароходахъ венгерско-хорватской компании искупается удобствомъ и роскошью такихъ судовъ, какъ «Паклонія». Что же касается расходовъ по Черногории, то ничтожество сопряженныхъ съ ними расходовъ будетъ выяснено мною

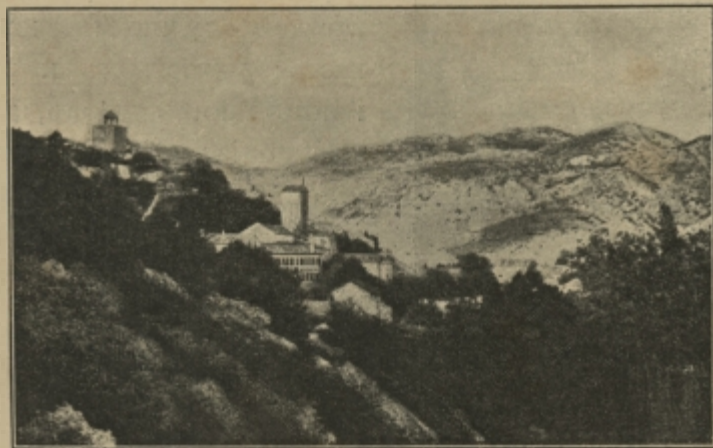

Площадь передъ гостиницей, въ Цетиньѣ.

XXVIII.

СЕДИДЕНЦИИ черногорскаго митрополита Митрофана служить старинный монастырь, основанный въ то-же зарожденіи столицы Цетинье, при Иван-бегъ Черноевичъ. Это довольно большое здание, строгаго и мрачнаго характера, приделанное къ нависающей надъ нимъ скалѣ. Покои митрополита не особенно просторны, но убраны уютно и симпатичны. Въ маленькой монастырской церкви покоятся останки бывшихъ владыкъ, въ прик-рытыхъ парчею гробницахъ. Здѣсь и впервые отстоять черногорское богослуженіе, вы-сѣхшее существеннымъ не отличаю-щееся отъ нашего. Служба проис-ходитъ на обыкновенъ церковно-славянскомъ языкѣ, и всѣ замѣчатель-ною отъ принятаго у насъ порис-ка отступленія сводятся къ тому, что Символъ Вѣры и Молитва Гос-подня не поются, а читаются. Па-схаль, сербскій, отличается отъ на-шего церковнаго пѣнія своимъ одно-образіемъ и скорбною настроеніемъ. Приходилось мнѣ слышать его пнзу, въ Божикахъ, въ мѣстахъ, окруженныхъ австрійскими крѣпо-стями, и тамъ онъ дивно гармонировалъ съ общимъ впечатлѣніемъ утѣшенности пра-вославія.

Цетинскій монастырь.

Одна изъ башенъ монастыря носила названіе башни череповъ, въ силу преданія, утверждающаго, что она первоначально была выстроена изъ костей убитыхъ турокъ. Историческаго подтвержденія этого преданія и пнгда не встрѣчалъ.

Самъ митрополитъ Митрофанъ производилъ глубоко симпатичное впечатлѣніе своею поразитель-ною мягкостью и безра-личною добротой. Роль его, во времена правленія владыкъ, была бы мало замѣтной, потому-что въ немъ не оказалось бы, вѣроятно, чертъ божеской энергіи. Но, съ упраздне-ніемъ теократическаго го-сударственнаго строя, Чер-ногорія нуждается именно въ такихъ духовныхъ па-стыряхъ, чье христіанское

Предворная церковь въ Цетиньѣ.

смирение ставитъ ихъ на высокую ступень нравственной чистоты. Истину, самолюбиемъ и евангельскою простотою вѣсть отъ еще молодого высокопреосвященнаго Митрофана, который съ глубокимъ радушемъ относился ко всемъ, приближающимъ изъ дорогой ему, Россіи.

Въ некогдашнихъ палатахъ отъ монастыря расположено здание правительственныхъ учреждений, очень некрасивое и мрачное строеніе, болѣе всего похожее на укрѣпленный сараи. При владѣхъ Петра II оно было его дворцомъ и стѣжало себѣ довольно своеобразное названіе «Бильярд», по слѣдующему случаю. Петръ II написалъ изъ за границы бильярдъ, достига котораго была сопряжена съ громадными затрудненіями.

Въ то время не было хорошихъ дорогъ и бильярдъ пришлось вкатывать изъ Бокки на плоскогоріе Ныушей по пресловутымъ *echelles de Cattaro*, на что потребовались соединенныя усилія пятидесяти солдатъ. Обстоятельство это произвело столь глубокое впечатлѣніе на тогдашнихъ черногорцевъ, что названіе бильярда перешло къ тому зданію, гдѣ суждено было ему стоять.

Въ числѣ большихъ строеній Цетинья, первое мѣсто должно быть отведено казармамъ, оконченнымъ постройкою въ 1896 г. Въ этихъ казармахъ, черногорцы отбываютъ кратковременную учебно-строевую службу и приобретаютъ выpravку и понятіе о европейской военной дисциплинѣ. Будучи вовсе неосвѣдомленнымъ въ вопросахъ военного дѣла, я не могу, конечно, судить о томъ, насколько и то и другое нужно Черногорціи, и только въ качествѣ сторонняго наблюдателя я нахожу, что условія европейскаго прохожденія солдатской службы могутъ быть поставлены лишь въ искусственное родство съ народною жизнью на Черной Горѣ. Боевая исторія книжества выработала свои типы воина, сплываго не выpravкою, а приспособленностию къ характернымъ чертамъ горныхъ военныхъ дѣйствій. Ученаго учить — только портить. Черногорецъ — приобщенный боевецъ, стрѣлокъ и рубака. Эти качества развились въ немъ не подъ

Фонтанъ издѣланъ отъ дворца князя.

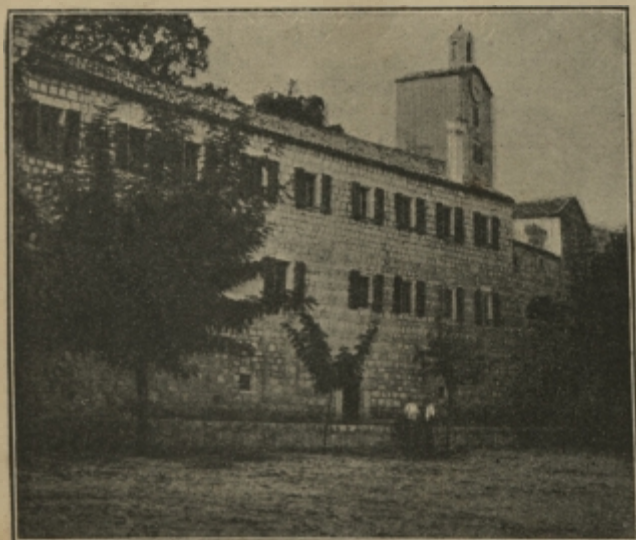
Казармы въ Цетиньѣ.

Зетскій домъ.

горели съ большимъ удовольствіемъ отбы-
ваютъ формальности обязательной службы. И
обращение съ солдатами такъ хорошо, что въ
этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего удиви-
тельнаго.

Каждому пріѣзжему жители съ удоволь-
ствіемъ показываютъ арсеналъ, гдѣ хранятся
славные трофеи боевыхъ подвиговъ Черно-
горіи. Они содержатся въ большомъ порядкѣ,
подъ наблюдениемъ офицеровъ, изучившихъ
оружейное дѣло въ Италіи. Въ настоящее
время, производство огнестрѣльнаго оружія
начинаетъ развиваться въ княжествѣ на проч-
ныхъ основаніяхъ. Но и до сихъ поръ
приходится пріобрѣтать револьверы за гра-

У монастыря, въ Цетиньѣ.

вліяніемъ воинскаго уста-
новленія въ постоянномъ общеніи съ
полемъ сраженія. Разумѣется,
теперь, когда въ теченіи двад-
цати лѣтъ не было войны, а
происходили лишь пограничныя
стычки, такъ сказать частнаго
домашняго порядка, — установ-
леніе чего-то въ родѣ нашей
войсковой повинности можетъ
принести нѣкоторую пользу,
но съ тѣмъ, чтобы казарма не
выходила за черту тресте-
пенной роли въ военной орга-
низациіи страны. Во всякомъ слу-
чаѣ, надо отмѣтить, что черно-

На Орловачъ Кржъ.

нией. Что же касается оружія холоднаго,
то черногорцы некои считали своими
посланниками турокъ, у которыхъ въ бою
отнимали ятаганы.

Доказано хорошан читателю имѣется въ
«Зетскомъ» домѣ (Зета — коренная Черно-
горія), гдѣ, кромѣ того, устроены неболь-
шой театръ, въ которомъ пріѣзжими
исполнителями даются иногда пред-
ставленія въ теченіе зимняго сезона. Песда-

лекъ отъ Ветскаго дома находится болыница, организованная въ обществ. удовольствіе.

Въ заключеніе, слѣдуетъ упомянуть о русскомъ институтѣ, содержимомъ въ Цетинѣ на деньги нашего правительства.

Это учебное заведеніе, учрежденное съ цѣлью предоставленія молодымъ черногорцамъ воспитанія и образованія, гораздо болѣе серьезнаго и основательнаго, нежели то, которое могло бы быть имъ дано домашними средствами, — по культурному значенію своему далеко переступило рубежъ первоначально намѣченной

Домъ нашей миссіи, въ Цетинѣ.

сферы дѣятельности. Благодаря стараніямъ его начальниговъ, въ особенности же нинѣшней, С. П. Мертваго, институтъ приобрѣлъ заслуженную добрую славу не только въ предѣлахъ княжества, но и по всей Далмаціи, въ Герцеговинѣ и въ Босніи. Его воспитательное значеніе и его роль въ отношеніи подростковаго женскаго поколѣнія приадриатическаго славянства очень велики, но, къ сожалѣнію, не достигаютъ возмож-

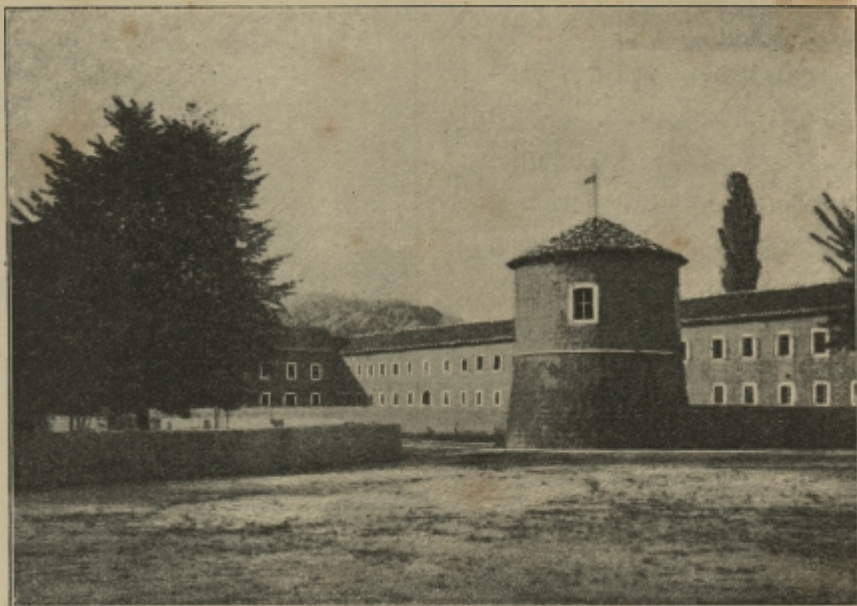
Цетинскій институтъ.

ной шири, вслѣдствіе скудости средствъ, отпускаемыхъ на его содержаніе. Если не ошибаюсь, мы посылаемъ на эту надобность не болѣе двѣнадцати тысячъ рублей въ годъ. Воспитывать на эти деньги около пятидесяти дѣвицъ, давать имъ образованіе и покрывать расходы хозяйственнаго характера, — задача, выполняемая лишь благодаря самоотверженности С. П. Мертваго и ея двухъ помощниковъ, работающихъ безъ отды-

Цетинская бібліотека.

ха, безъ чередованія по дежурствамъ, несущихъ обязанности не только классныхъ дамъ, но и преподавательницъ многихъ предметовъ. И все это—за ничтожное вознагражденіе. Пожалуй, потребности маленькой Черногоріи и этими скромными средствами могутъ быть до известной степени удовлетворены. Но вѣдь, какъ я указала, цетинскій институтъ работаетъ не на одну Черную Гору. Къ нему идетъ волна жаждущихъ ученія изъ всѣхъ сосѣднихъ славянскихъ краевъ. Они явились бы могучимъ орудіемъ борьбы со швабскимъ и католическимъ вліяніемъ на всемъ Далматинскомъ побережьи, будь ему предоставлена полная возможность осуществить свою задачу.

Бильярд.

Для этого необходимо его расширить, утроить число вакансій, повысить уровень преподаванія (что было бы полезно ради вышатаго привлеченія учащихся изъ окрестныхъ славянскихъ земель), дать на это нужные средства. Боле полезной и, вѣрѣе съ тѣмъ, политически-разумной затраты не можетъ быть. Намъ необходимо объ этомъ подумать и принять должныя мѣры. Австрійцы уже усмотрѣли угрожающую опасность и открыли въ Сплитѣ хорватскій институтъ, надѣясь такимъ путемъ отвлечь вниманіе отъ цетинскаго учебнаго заведенія, но, тѣмъ не менее, всѣ родители, могущіе это сдѣлать, предпочитаютъ доверить своихъ дочерей г-жѣ Мергано.

Торговля Васа Палера.

На цетинскій русскій институтъ должно обратить особенное вниманіе, сдѣлать безотлагательно принятыя мѣры къ его расширенію и улучшенію.

Подолгу я въ Цетинѣ никогда не жила, но полагаю, что для продолжительнаго пребыванія городъ скученъ. Ни въ день, ни въ ночь не исчерпать впечатлѣній, вызываемыхъ своеобразностью уличныхъ сценъ, особенностями патриархальнаго быта и красотой ближайшихъ окрестностей. Но недостаточность того, что мы называемъ въ разговорѣ обществомъ, должна сказываться довольно скоро. Вся умственная жизнь Цетиньи сосредоточивается и свѣшивается ко двору, около котораго толпятся домики министровъ. Мини-

стры—это люди въ большинствѣ случаевъ прекрасно образованные,—а также представители государства, аккредитованные при дворѣ Князя, и составляютъ болѣе или менѣе

тѣсный кругъ, за прѣдѣлами котораго общественная жизнь вовсе не развита.

Касаясь мѣстнаго дипломатическаго корпуса, я не могу не посвятить нѣсколькихъ словъ глубокопочтенной личности К. М. Арпируна, бывшего до послѣдняго времени нашимъ министромъ-резидентомъ въ Черногоріи. Болѣе двѣнадцати лѣтъ провелъ онъ на этомъ посту, много содѣйствовалъ благу княжества и установленію между Россією и Черногорією добрыхъ отношеній. Онъ прекрасно понималъ

Дворецъ Князя.

громадное значение русскаго представительства въ Цетинѣ, превосходно былъ освѣдомленъ по всемъ отраслямъ южнославянскаго вопроса, зналъ, цѣнилъ и любилъ Черногорію и умѣлъ не ограничивать дѣйствій русской миссіи прѣдѣлами княжества. Его имя популярно въ Боккѣ, въ Босніи, въ Герцеговинѣ.

Съ назначеніемъ его посланникомъ въ Тегеранъ, Черногорія лишилась постоянного общенія съ ивринъ и испытаніемъ другомъ, а Россія—опытнаго и точнаго выразителя ея вѣзловъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Дома министровъ, въ Цетинѣ.

Мы спускаемся къ Петинью съ той стороны, гдѣ выстаетъ надъ городомъ Орловъ Крикъ, скалистая гора рѣзкаго рисунка. Тамъ, на самомъ верху, воздвигнутъ красивый памятникъ владыкѣ Даниилу. Какъ на ладнѣ лежитъ передъ нами городъ. Вотъ дворцы Князя и наследника, монастырь, казармы, Бильярдо, бѣлая прямая черта главной улицы. Мы радуемся свиданію съ Петиньемъ, съ этимъ маленькимъ и мощнымъ городкомъ, своеобразнымъ какъ сказка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, простымъ какъ народная

пѣсня. Глядя на него, мы чувствуемъ все величіе, таинство въ ничтожныхъ его размѣрахъ. Съ годами Петинье разрастется, станетъ большимъ городомъ, но великимъ признастъ его и теперь жемчужный, который понимаетъ его роль Мекки южнаго православнаго славинства.

Петиньская земля—земля православная по преимуществу; она составляетъ собственность монастыря, и до самаго послѣдняго времени на ней не

У дворца князя Даниила.

было ни одного ипокритскаго молитвеннаго мѣста. Теперь, въ новомъ зданіи австро-венгерской миссіи строится католическая молельня. Первый шагъ сдѣланъ. Разумѣется, предоставленіе пріѣзжимъ католикамъ и тѣмъ немногочисленнымъ подданнымъ Князя Николая, которые изъ ислама перешли въ латинство, возможности молиться согласно своему церковному уставу — не имѣетъ собою ничего нежелательнаго, но тѣмъ самымъ пріобрѣтается точка опоры для католической пропаганды, для подходовъ униатства, для того движенія, которое, облекаясь въ религіозную форму, прежде всего направлено къ достиженію поли-

Петиньская больница.

тических дѣлѣй. Искусные политики Ватикана хорошо понимаютъ, что, въ соединеніи съ агентами и сочувственниками Калалы, они могутъ достигнуть многого, коль скоро для нихъ откроется возможность скрытой борьбы съ православіемъ въ политическомъ центрѣ

Цетинье, видъ на Бильярдо и дворцы. ✓

Черногоріи. Католическая религіозно-политическая пропаганда представляетъ гдѣмъ большую опасность, что ни Римъ, ни Вѣна не станутъ отступать передъ матеріальными жертвами и найдутъ точку опоры въ томъ обстоятельстве, что православіе въ Черногоріи пользуется слишкомъ слабою поддержкою извнѣ.

Можетъ быть, скоро придется намъ видѣть быстрые шаги распространенія латинства въ княжествѣ, наблюдать ослабленіе духовной связи, объединяющей Черную Гору съ Босніей и Герцеговиною. Несомнѣнно, наступитъ время, когда некие ревнители православія могли бы считать особенно плодотворною болѣе активную, нежели понынѣ, дѣятельность по отношенію къ Черногоріи. Надо укрѣпить, поддержать и украсить видимыя церкви, чтобы духъ православныхъ славянъ получалъ ободреніе. Не слабѣетъ онъ, не падаетъ, но надо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ никогда не ослабѣлъ и не палъ.

Седьмой часъ вечера. Цетинье оживаетъ, послѣ дневной жары. Издали видно, какъ главная улица кишитъ народомъ. Усталые, пыльные, мы пробираемся къ гостиницѣ боковыми проулками.

У локанты, насъ ждетъ Павелъ Аполлоновичъ Рошинскій.

Имя П. А. Ровинскаго хорошо знакомо каждому черногорцу. Всякій житель Черногоріи знает, любитъ и уважаетъ Павла-Руса, который посвятилъ двадцать лѣтъ жизни изученію Черногоріи, сроднился съ нею и съ населеніемъ ея, собиравъ цѣнный матеріалъ для своей прекрасной книги о Черногортъ, вмѣстѣ съ тѣмъ немало и плодотворно потрудились на пользу духовнаго сближенія княжества съ Россіей. Въ одеждѣ простаго черногорца, онъ перебивалъ во *всѣхъ* селахъ и катунахъ, оспрашивалъ *всѣхъ* верлины, изучалъ *каждое* ущелье, наблюдалъ народный бытъ во *всѣхъ* его проявленіяхъ, знаетъ Черногорію такъ, какъ, пожалуй, ни одинъ мѣстный житель ея не знаетъ.

Ему семьдесятъ лѣтъ, и онъ до сихъ поръ не ослабѣваетъ въ своей жаждѣ непрерывнаго умственнаго и физическаго труда, результатомъ котораго является его прекрасное сочиненіе «Черногоріа въ ея прошломъ и настоящемъ». Эта книга — богатая сокровищница самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о княжествѣ.

Дамъ намъ большое счастье, что П. А. будетъ сопровождать насъ план, явите, нами руководить во время предстоящаго путешествія въ Никшичъ и въ Острожскій монастырь. Съ нимъ мы не пропустимъ ничего интереснаго, получимъ точное понятіе обо всемъ, что предстоитъ увидѣть.

Послѣ основательнаго освѣженія, я иду къ К. М. Арсипронуло. Счастливая для меня случайность задержала его въ Цетинѣ, хотя назначеніе его въ Тегеранъ состоялось уже нѣсколько недѣль тому назадъ. Кто любитъ Черногорію, тому особенно пріятно бѣстловать съ нимъ.

А въ десять часовъ вечера мы уже всѣ спимъ тѣмъ густымъ и тяжелымъ сномъ, который постигаетъ путника къ той ночи, когда онъ можетъ себя считать достигшимъ цѣли. Завтра мы дома и отсюда поведемъ по родственной землѣ.

XXX.

ОСЛЕ жарких дней, въ Цетиньѣ наступаютъ прохладныя ночи, облегчающія сонъ. Утромъ, въ шестомъ часу, когда бѣлые уллицы еще пусты, дышетъ снѣжностью и энергіей. Передъ гостиницей, на садовомъ столѣ, мы пьемъ кофе и обсуждаемъ подробности предстоящей поѣздки. Двое изъ моихъ спутниковъ, молодой художникъ В. А. Хрщоновичъ и архитекторъ П. В. Никитичъ поѣдутъ со мною въ Подгорицу, Никшичъ и Острожскій монастырь, а А. П. Матѣевскій, снабженный фотографическимъ аппаратомъ, совершитъ экскурсію на Скадрское озеро, принадлежащее, по словамъ Черногорца и Турка, посѣтитъ Старчево, Враику и Виръ. На этотъ разъ, мнѣ не удастся снова поѣхать въ Баръ и Ульцинь, приморскіе пункты Черной Горы.

Мы, надѣясь, еще много разъ сюда вернемся и, мало по малу, ознакомимся со всеми уголками княжества.

Сослѣдствіе здѣсь. Въ глубь страны онъ за нами не поѣдетъ, дождется нашего возвращенія. Но сиривкамъ, онъ выдаетъ себя за комму-ионжера, но даже ни догадается захватить съ собою какіе либо образки и съ мѣстными торговцами ни въ какія сношенія не вступаетъ. Длитель-

Вояны на дорогѣ.

ность его пока ограничивается тѣмъ, что когда я, прочитавъ полученное по почте письмо, разрываю это письмо на малѣе куски и бросаю, — онъ, дожидаясь моего ухода, собираетъ тщательно кусочки.

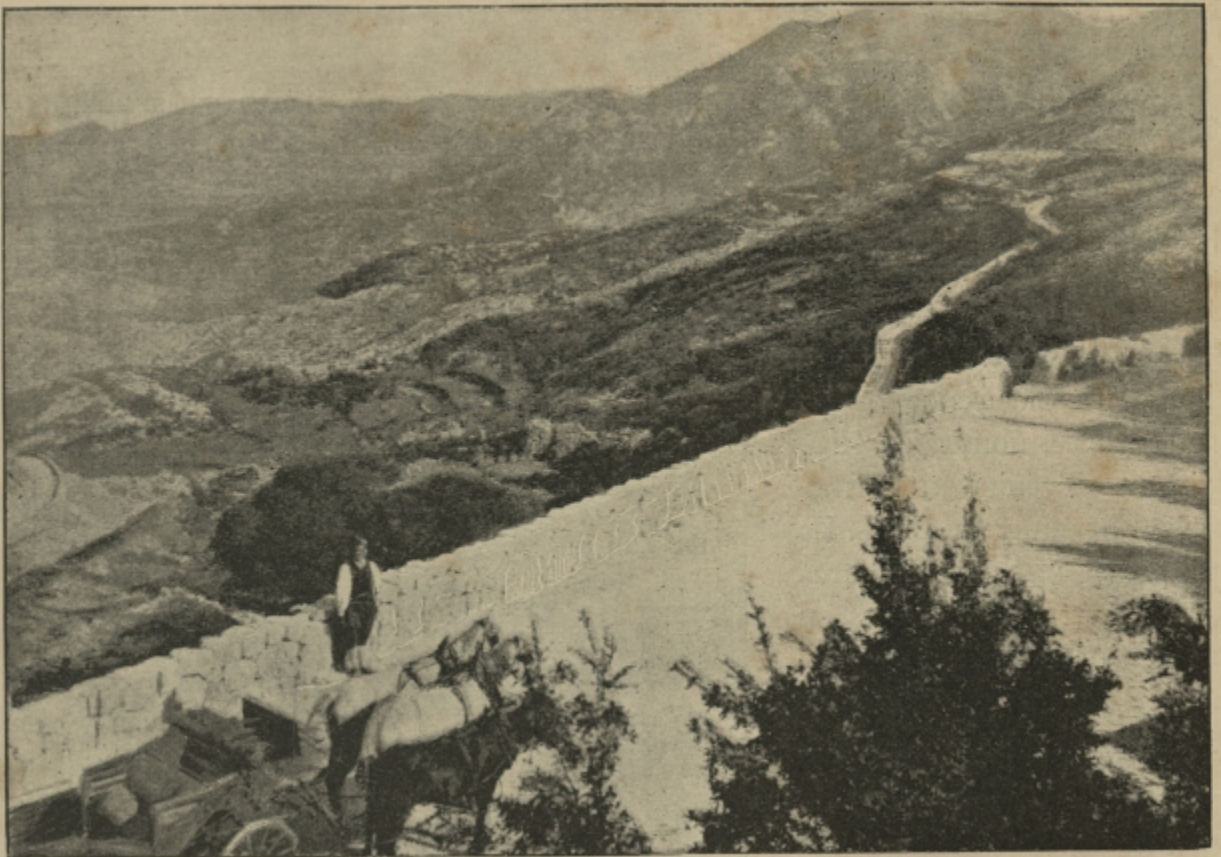
Это и смѣшно и глупо.

Вдалекѣ, въ концѣ прямой уллицы, показывается высокая фигура ота протоиерея Филиппа Радичевича, секретаря митрополита. По моему, это одинъ изъ наиболее типич-

Наша иппіаска.

ныхъ цетинскихъ обличковъ. Рослый, черный, широкоплечій и статный, онъ производитъ эффектно-воинственное впечатлѣніе. Винтовка и ятаганъ такъ и просятся дополненіемъ

Видъ изъ бельведера, по дорогѣ въ Рѣку.

къ его парижности. Можетъ быть, онъ самъ сожалѣетъ о томъ, что духовный санъ лишаетъ его права имѣть при себѣ оружіе. Службу свою несетъ онъ дѣлательно и горячо принимаетъ къ сердцу нужды сельскихъ церквей.

Онъ пришелъ съ цѣлю сообщить, что высокопреосвященный Митрофанъ ждетъ меня у себя. Мы идемъ съ нимъ къ монастырю, гдѣ радушно встрѣчаетъ насъ хозяинъ. За самоваромъ, бесѣда затонула бы долго, но мнѣ необходимо спѣшить. Отъѣздъ назначенъ на десять часовъ утра, а до тѣхъ поръ мнѣ надо побывать у нѣсколькихъ друзей. Однако, все складывается не такъ, какъ предполагалось. Черезъ полчаса послѣ моего возвращенія въ гостиницу, я почтенъ посѣщеніемъ митрополита, который сообщаетъ мнѣ, что Князь ждетъ меня видѣть до моей поѣздки въ Шиклинъ.

Мы откладываемъ отъѣздъ на три часа, и я иду къ его высочеству.

XXXI.

В самый разгар дневного зноя, мы отправляемся в путь.

Поместились мы в двух колесках, в одной—В. А. Хрщонович и Н. В. Никитинъ, в другой—П. А. Ровинскій, отецъ Симеонъ Поповичъ и я.

Отецъ Симеонъ—совсѣмъ замѣчательная личность, истинно святой человекъ, аттѣ пятидесяти, но молоджавый въ такой степени, что кажется тридцатилѣтнимъ. Въ былые времена, будучи мѣряиномъ, онъ и съ турками сражался и въ Парижѣ побывалъ, но затѣмъ почувствовалъ сильное влеченіе къ иноческой жизни, долго жилъ въ монастыряхъ Враньяны и Острога, подвергая себя всевозможнымъ лишеніямъ. Теперь, онъ собственно—

Видъ на долину Рѣки.

ручно роетъ себѣ келью въ скаль, недалеко отъ Подгорини. Цѣль его жизни, въстроить, камень за камнемъ, около этой кельи маленькую церковь. Въ Черногоріи, благодаря энергіи такихъ лицъ вырастаютъ храмы Божіи по лицу земли родной. Не изъ лентъ трудовой, а изъ неустанныго труда вырастаютъ они, Господнимъ урожаемъ на благодарной шибѣ нескрещеннаго православія. Много аттѣ придется еще потрудиться отцу Симеону, но я надѣюсь, что добрые люди придутъ ему на помощь (въ настоящее время, когда и пишу эти строки, начало уже положено: собрано болѣе пятидесяти образовъ и много разныхъ предметовъ церковнаго обихода, которые будутъ мною отправлены въ Черногорію, для отца Симеона и Бѣлопанской церкви, едва представится возможность сдѣлать

это при условиях, обеспечивающих благополучный транзит через Австрию и Морю спутники изъ Петербурга, каждый по своей специальности, постараются быть ему полезными. В. А. напишет несколько иконъ, а П. В. предлагает свои услуги, какъ архитекторъ. Что же касается временно оставшаго отъ насъ А. П.,—онъ имѣетъ возможность доставить отцу Симеону много образовъ. И такая скромная помощь будетъ полезна. А если къ ней примкнетъ волна общественной благотворительности, то въ самыхъ глухихъ пунктахъ Черногорин заблещутъ ризы присланныхъ изъ России иконъ.

Болѣе очаровательной личности, нежели отецъ Симеонъ, я никогда не встрѣчалъ. Отъ него идетъ безграничною душевною чистотой и той евангельскою простотою, которая составляетъ главное обаяніе нашего отца Іоанна Кронштадтскаго. Взглядъ его проникнутъ глубокою добротою, свѣтитъ тихой лаской, радуется и утѣшаетъ. Онъ имѣетъ съ нами бѣды въ Острожскій монастырь, будетъ центромъ нашего отряда, его душою.

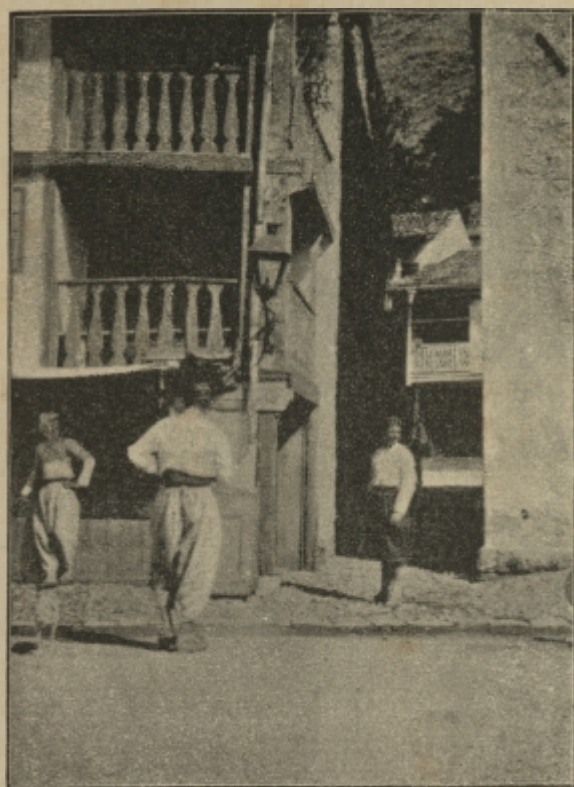
По выѣздѣ изъ Цетинья, начинается подъемъ, продолжающійся почти полчаса. Дорога прекрасна и лошади бѣгутъ быстро. Управляютъ ими кучера Шанъ и Милунъ. Шанъ—лабанецъ, а Милунъ, его работникъ, черногорецъ. Первый изъ нихъ одѣтъ на общесерпейскій ладъ и по наружному виду напоминаетъ неаполитанскихъ кучеровъ. Онъ очень веселаго нрава и безостановочно поетъ сербскія пѣсни. Милунъ, въ черногорской одеждѣ, вооруженный револьверомъ, болѣе живописенъ, но не столь жизнерадостенъ. Они поридились возить насъ съ ранняго утра до поздняго вечера за крайне скромную плату: шесть флориновъ за экипажъ.

На вершинѣ подъема, у крутой бескаки, ноющей названіе Бельведера, мы останавливаемся, чтобы полюбоваться видомъ, открывающимся на отдаленное Скадрское блато (Скутарійское озеро) и на яркую долину, уступами спускающуюся къ Ръкъ, веселому

У Ръки Черногории.

маленькому городку, где Князь часто проводит зимние месяцы. Тамъ зимать гораздо тепле, нежели въ Цетиньѣ, спящемъ зимою подъ снѣжными сугробами. Все шире и шире распускается долина, покрытая небольшо-
лыми холмами, у подножья двухъ высокихъ скалистыхъ стѣнъ. Отъ Бельведера, дорога идетъ довольно крутымъ спускомъ, извивами широкой бѣлой земли. Съ каждымъ поворо-
томъ мѣняется рисунокъ окружающаго насъ красоты.

Пролокъ въ Рьбѣ.

Еще остановка, у источника «краснымъ Еленой». П. А. Ровинскій рассказываетъ намъ легенду, связанную съ происхожденіемъ этого источника. Много столѣтій тому назадъ, въ удручающе жаркій день, кралица Елена ѣхала верхомъ по склону горы, находящейся по другой сторонѣ ущелья, и услышала дѣтскіе стоны. Устремивъ зоркій взглядъ на противоположную гору, она раз-
смотрѣла двухъ дѣтисекъ, лежащихъ на черномъ камнѣ и плачущихъ. Кралица при-
тормозила коня, однимъ махомъ перескочила долину и ставъ около дѣтей, ласковымъ голосомъ спросила:

— О чемъ вы, дѣти, плачете?

Дѣти отвѣтили, сквозь слезы:

— Намъ нужно воды, а воды у насъ нѣтъ...

Жалостью исполнилось сердце доброй кралицы. Она приказала своему коню стукнуть копытомъ по черному камню. Тотчасъ же разверзлась скала, и появилась хрустальною бурной массой, потокъ. Широко и быстро сталъ онъ скатываться внизъ, холоднымъ и пѣнящимъ водопадомъ.

Заплакали дѣти, нуле прежнего.

— Отчего? спросила кралица, — отчего вы плачете, дѣти? И же вамъ дала хорошей и чистой воды... пейте.

— Да намъ столько не надо... Ты дала сашикомъ много воды, кралица... она залетѣла въ село, которое лежитъ вотъ тамъ, въ долину; она залетѣла туда, надъ кото-
рыми столько лѣтъ работали наши старыки... Намъ нужно воды ровно столько, сколько необходимо, чтобы сѣять кашу.

Базаръ въ Рьбѣ.

Снова стукнулъ копытомъ крѣпкий конь. Потокъ притихъ, съзвѣсилъ.

Съ тѣхъ поръ, на этомъ мѣстѣ, путникъ всегда найдетъ свѣжей чистой воды лишь съ добрый ковчѣ. Больше ей не бываетъ. Зачерпнетъ путникъ, — убьетъ полемного

восполнится. Вотъ почему черногорцамъ изъ села Очевичи приходится долго ждать у источника, пока наполнятся ихъ ведра. Красиво вырисовываются ихъ стройныя фигуры, костроизведеніемъ библейскихъ сценъ.

Быстро катимъ мы вѣзъ по дорогѣ. Кругомъ насъ, землю полемного одерживаетъ вѣрхъ надъ камнемъ. Пейзажъ становится все болѣе и болѣе привѣтливымъ. Около пяти часовъ дня, передъ нами явственно вырисовывается скала, на которой красуется поселеніе Ободъ, и не проходитъ затѣмъ четверти

Цыганскій лагерь около Подгорицы.

часа, какъ мы въѣзжаемъ въ неселый городокъ Рѣку, расположенный на берегу зеленой Рѣки-Черношичей. Жителей здѣсь немного, имѣется всего какихъ нибудь сотня домовъ, изъ которыхъ многіе возведены въ современномъ сельскомъ итальянскомъ стилѣ. Но это довольно значительный, для Черногоріи, торговый пунктъ. Внѣзъ и вверхъ по Рѣкѣ-Черношичей снуютъ большія лодки, такъ называемыя «лондры», посредствомъ которыхъ ведется торговля съ населеніями Скадрскаго озера, главнымъ образомъ со Скутари и съ Виромъ, откуда въ короткое время можно сухимъ путемъ перекинуть товары въ приморскій Баръ (Antivari). Между Рѣкой и Скутари установлено правильное пароходное сообщеніе.

Рядъ домовъ, расположенныхъ по берегу рѣки, тѣнитъ вереницею албанскихъ лавокъ, гдѣ брѣглые люди въ бѣлыхъ фескахъ и бѣлыхъ костюмахъ торгуютъ черногорскимъ и турецкимъ товаромъ. Черногорецъ—плохой купецъ, и пронырливый скадрининъ вытѣснилъ его изъ торговли. Здѣсь, впрочемъ, лавки особеннаго интереса не представляютъ. Все

Католическая церковь въ Подгорицѣ.

тѣ же фески, туфли и расшитыя кисей, которыми встрѣчаются въ каждомъ глухомъ турецкомъ городкѣ. Мѣстные магазины снабжены лишь тѣмъ, на что предъявляется спросъ сельскимъ людемъ, сходящимся сюда по субботамъ, на еженедѣльный базаръ.

Княжескій дворецъ, съ хорошимъ тѣнистымъ садомъ, очень простъ по архитектурѣ и внутреннему убранству. Когда то Рѣка была столицею Черной Горы, но ея географи-

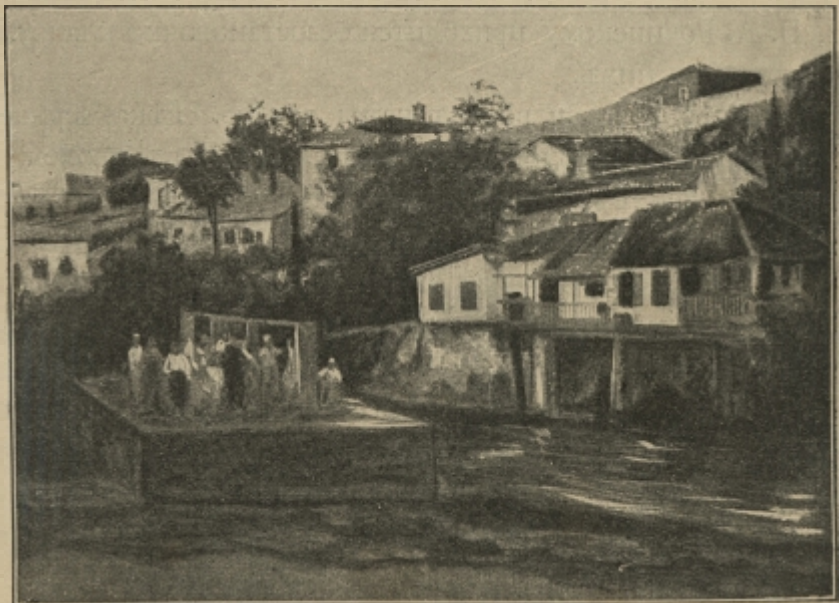
ческое положеніе, выставившее ее слишкомъ открытою передъ натискомъ разбойничьихъ турецкихъ набѣговъ, заставило владыкъ переселиться на Цетиньскую высокую равнину.

Подгорицкая мечеть.

Въ настоящее время въ Рѣкѣ имѣется оружейная фабрика; тутъ же, въ Ободѣ, какъ гласитъ преданіе, была первая славянская книгопечатня, просуществовавшая недолго, потому что военныя надобности заставили черногорцевъ превратить шрифты въ пули. Можетъ быть это послѣднее обстоятельство и не подтверждается исторіей, но правдоподобнаго въ немъ много. Характерно оно по отношенію къ Черногоріи, которая, отстаивая христіанскую вѣру и идеалы свободнаго славинства, постоянно вынуждена была пренебрегать книжнымъ, практическимъ просвѣщеніемъ. Пока она несла мучительную сторожевую службу, сербская культура развивалась и крѣпла среди соседнихъ братскихъ племенъ. И шрифты ободской типографіи, перелитыя въ пули, сослужили добрую службу дѣлу просвѣщенія славянъ.

Минутъ въ пятнадцать ходьбы, можно добраться до истока Рѣки Черношвичей, выходящей потокомъ изъ скалы, — явление довольно часто

Бойня на берегу Рыбницы, въ Подгорицѣ.

встрѣчаемое въ Черногоріи. Волны теченія внезапно скрываются въ землю и вновь выходят на свѣтъ далеко, совершивъ таинственный подземный путь.

Имѣніе воеводы Мишана.

Въ Рѣкѣ мы остаемся недолго, днемъ немного отдохнуть лошадей, пьемъ кофе и куримъ. Гостиница здѣсь гораздо проще, чѣмъ въ Цетинѣ, но чистая, съ хорошими комнатами.

Шанъ докладываетъ, что все готово. Мы ѣдемъ дальше. Пока мы проѣзжаемъ городъ, П. А. Ровинскому приходится безостановочно кланяться: всѣ его знаютъ и радостно здороваются съ нимъ.

Дорога снова извилисто гнетется вверхъ. Рѣка-Черноявичей ожижаетъ ландшафтъ, зеленою лентой изюбрачивается, проскальзывая въ промежуткахъ между холмами. Лошди плывутъ по ней съ едва замѣтными людьми. Въ яркой растительности зеленеетъ гора, огражденная со всѣхъ сторонъ рѣшеткой: тамъ кусты кипятъ затрѣсь, пушистымъ для охоты пасѣдника князя Данила. Вдругъ, открывается широкій видъ на Вранину, рѣзко очерченный гористый островъ, гдѣ, надъ селомъ, обдѣлеть монастырь. Въ голубомъ воздушномъ пространствѣ, линіи вырисовываются красиво. Мощью вѣетъ отъ раскрывающегося передъ нами простора, населеннаго образами явленій красоты природы. Далеко, очень далеко отъ насъ до Вранинскаго монастыря, но мы угадываемъ величіе душевнаго настроенія тѣхъ, кто тамъ проводитъ дни въ молитвѣ. Здѣшніе монастыри вовсе не соответствуютъ представленію, которое сложилось въ другихъ странахъ. Въ Черногоріи, это молитвенный убожества двухъ или трехъ лицъ, идущихъ духовной сосредоточенности въ убогихъ зданіяхъ, удаленъ отъ потока жизни. Эти обители еще не отошли отъ своего истаго назначенія, не превратились въ богатые страннопримные дома, гдѣ хранятся несмѣ-

ным сокровища. Глубокая икра такихъ знонь, какъ наша снутиишь огнь Симеонъ, сну-
шеванеть ихъ, и чистота православнаго духа служить единственною ихъ поддержкою.

Мы смотримъ на Вранину, и
намъ хочется поскорѣе прибыть въ
Острогъ, гдѣ, высоко надъ дорогою,
у границъ небесныхъ, въ углу
небольшой церкви, вырубленной въ
скаль, лежать могила Св. Василия
Острожскаго, чудотворца-цѣлителя.

Подъемъ продолжается еще
недолго; открывается ровный путь
на несколько верстъ. Наступила
темнота. Придорожныя деревья ка-
жутся призраками, простирающимися
руки къ черному небу. Стрекотаніе
пикады наполняетъ воздухъ сереб-
ристымъ звономъ невидимыхъ бубен-
чиковъ. Шаль поетъ заунывную
пѣснь, сладостно замирая на полу-
тонахъ. А отецъ Симеонъ, съ шарю-
щей простотою, рассказываетъ намъ
о стычкахъ съ турками, въ кото-
рыхъ онъ, подъ Баромъ, позналъ
ужасы войны. Война—одна изъ
многочисленныхъ граней его прои-
злаго. И онъ, какъ истый чернотор-
пецъ, говорить о ней безъ погнѣ
осужденія, признавая ее естественнымъ и необходимымъ зломъ.

Изрѣдка, П. А. Ровин-
скій прерываетъ его рассказъ указаніемъ:

— Вотъ и здѣсь было сраженіе... столько-то турокъ было убито.

Много крови выпила здѣшняя земля, томимаю каждою подъ палящимъ зноемъ.

Виреида Мишине

XXXII.

ВЕБОЛЬШАЯ остановка въ селѣ Друшине. У порога покосившейся бѣлой
хаты, мы закушиваемъ, пока хозяйка, Марія, готовитъ кофе. Внутренность
хаты напоминаетъ малороссійскія лачужки. Мѣстная окраска скрывается
только въ костюмахъ, да въ вышитыхъ на стѣнѣ тапанахъ. Ночь. На дорогѣ
черно и замѣчательно тихо. Думно, словно темнота жадно вытягиваетъ изъ
сѣрыхъ камней жару, накопившуюся въ нихъ за знойный день.

Идемъ дальше спускающеюся внизъ дорожку. Около десяти часовъ вечера показы-
вается огни Подгорныя и мы въѣзжаемъ въ нее по широкой прямой улицѣ, обсаженной
деревьями, сворачиваемъ на большую площадь, очертанія которой теряются въ ночи, и
останавливаемся передъ гостиницей. Намъ ждутъ, но телеграммъ приготовленъ ужинъ,

накрытъ столъ передъ домомъ. За другими столами, сидятъ мѣстные жители, красивые юнаки, женщины съ вѣтрами, пьютъ кофе и воду. Мнѣ вспоминается Влада, городокъ стѣрной Африки; возобновляется впечатлѣніе южной глубины, чего то далекаго отъ жизни.

Намъ отводятъ очень бедныя, большія комнаты, съ широкими кроватями. Побудемъ ли мы спать? Духота невыносима. Подгорина извѣстна тѣмъ, что ночью въ ней дышать нечѣмъ, точно жара спускается съ горъ въ котловину, наваливается на городъ и душитъ его.

Мальчикъ Марко, шустрый, круглолицый, и дѣвочка Вѣруша, совсѣмъ русскаго типа, усленно хлопочутъ около насъ, съ такимъ оживленіемъ, какъ будто нашъ прїѣздъ доставляетъ имъ большое счастье. Приходится умирить ихъ энергію по отношенію къ фотографическимъ камерамъ... того и гляди повернутъ неосторожно.

Въ чернотѣ ночи, невозможно получить хотя бы приблизительное понятіе о Подгоринѣ.

Развалины базилики въ Діокалѣ

Христiанская базилика въ Діокалѣ

Мы знаем, что это порабощенный городъ съ четырьмя тысячами жителей, изъ которыхъ болѣе половины турецкаго населенія. Черногорцы получили его, имѣя съ Ширини-

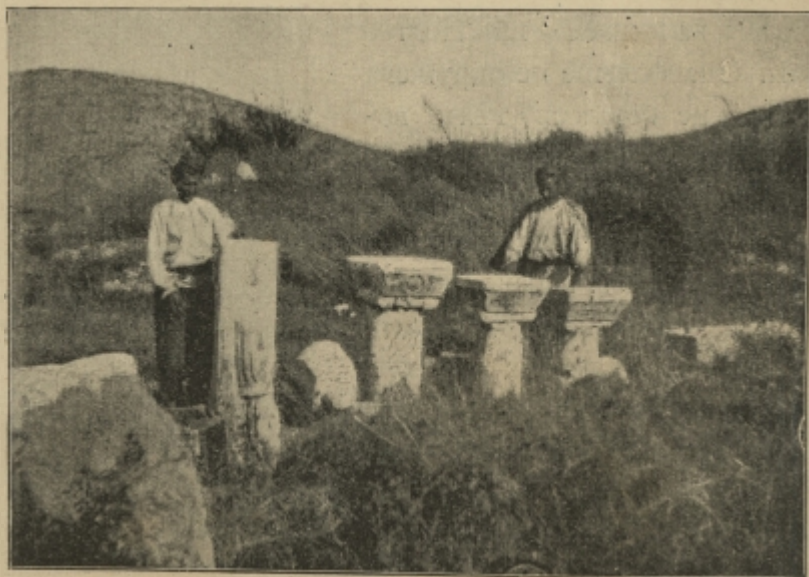

Обломки старины, въ Діонизевъ.

чемъ и Спужемъ, по Берлинскому трактату. Въ немъ уцѣлѣли мечети, имѣтели и домъ католическихъ монаховъ, дѣятельно распространяющихъ свое ученіе среди мусульманъ. Завтра посмотримъ городъ.

Садимся ужинать. По черногорекому обыкновению, насъ стараются закормить вкусными блюдами. Къ счастью, мы всѣ обладаемъ хорошимъ аппетитомъ и не оторчемъ хозяевъ. Отецъ Симеонъ притеркивается неключительно постоянной ницы и весело смотритъ на то, какъ мы ѣдимъ баранину.

Идемъ спать. Но какъ невыносимо душно ночью въ Подгорицѣ! Тяжестью ложится воздухъ на грудь, жаркій, грузный, застоявшійся. А тутъ еще конки зафыли на крылѣ безконечную ожесточенную драку, производя темную визгливую мушкетерскую и вызывая собакъ на продолжительный лай. Какъ намъ окладывается сонъ, похожій на мучительный кош-

Византійскія колонны въ Діонизевъ.

мать, усугубляемый несомненным присутствием крайне несимпатичныхъ насъкомъжисъ. Хотя Вѣруца и посыпала наши кровати специальнымъ порошкомъ, который она почему-то называетъ «травой»,—мѣра эта оказывается недостаточно энергичною.

А въ пять часовъ утра Павелъ Аполлоновичъ стучится къ намъ въ дверь. Пора вставать. Пути еще много лежитъ передъ нами. Мы встаемъ. Передъ нашими окнами ширится громадная площадь, залитая первыми лучами солнца, немного розовыми. По другую сторону ея, тамъ, гдѣ протекаетъ рѣчка Рибница, тѣнутся сѣроватыя зданія старой Подгорицы, бѣлѣтъ минареты, видны ряды темныхъ крышъ. Наша гостиница—въ южной части города, съ прямыми улицами, съ непрерывною пѣсьмою лавокъ, приотвѣшившихся въ небольшихъ свѣтлыхъ домикахъ.

Внизу, на площади, намъ подають кофе и, конечно, ракіи. Отъ ракіи отказаться нельзя. Ее предлагаютъ хозяева, въ знакъ душевнаго расположенія. Мы уже выѣдарились въ мѣстный образъ жизни и больше не удивляемся. Черногорцы пьютъ много, вообще, но пивныхъ и въ Черногории никогда не вѣдалъ.

Пока Шанъ и Милунъ запрягаютъ лошадей, мы обозрѣваемъ городъ. Въ сущности, смотреть въ немъ нечего. Большинство черногорскихъ поселеній сами по себѣ не интересны. При непрерывно боевомъ народномъ бытѣ, они постоянно разрушались и создавались вновь, не переносили изъ столѣтій въ столѣтіе слѣдовъ преданья. Въ Черногории, историческими памятниками служатъ лишь поля сраженій. А памятники искусства очевидно должны отсутствовать тамъ, гдѣ борьба за существованіе всегда была борьбою за жизнь и гдѣ, въ пороховомъ дымѣ, бандуристы едва успѣвали складывать народную пѣснь.

Среди подгоричанъ порядочное количество албанцевъ, въ узкихъ бѣлыхъ костюмахъ турецкаго типа. Они придаютъ много яркости уличнымъ сценамъ. Изъ расположившагося подлѣ городомъ табора набѣжали пегангита, выпрашиваютъ монетки и скалятъ зубы. Гудяи вдоль Рыбницы, мы приходимъ къ бойнѣ. Рѣжутъ барановъ съ большимъ искусствомъ. Дети—албанцы такъ и роются въ кровавыхъ внутренностяхъ убитыхъ животныхъ, точь въ точь чертенята.

День будетъ жаркій. Шесть часовъ утра, а сонне уже налегаетъ зноемъ на насъ. Время ѣхать. Намъ подають снѣгъ. За ужиномъ, ночевку и утренній кофе приходится около восьмидесяти копѣекъ съ человѣка.

Дешевизна поразительная.

Мы выѣзжаемъ изъ Подгорицы. Она больше не окружена стѣною, не осталось тѣхъ воротъ, на которыхъ нѣсколько дней висѣлъ, звѣреки истязуемый турками, владыка Данииль.

Висѣлъ онъ, изнемогая отъ боли, и ночью подкрадывались къ нему черногорцы, приподнимали его, чтобы облегчить страданія. А турецкая стража притворилась, будто не замѣчаетъ этого, понимая, что облегченіе вызоветъ и продленіе страданій. И истязался

Барьеръ (амвара), въ Діонѣвѣ.

Даніилъ исключительно въ видахъ полученія за него выкупа, который тогда Черногорія сколотила изъ своего послѣднего имущества.

Барельефъ (Діана) въ Діоклеѣ

Протѣкаемъ мимо цыганскаго табора, видимъ издалѣи Крушеванъ, одинъ изъ дворцовъ Князя, тѣмъ вдоль красивой рѣки Морачи и, тамъ, гдѣ Морача и Зета сливаются, подходимъ изъ окрестностей. Отсюда мы пройдемъ вблизи, съ версту, къ развалинамъ Дукли (Діоклеи). Мы останемся вблизи около дома пинерскаго воеводы Михаила Нишина, красиваго старика съ внушительнымъ воинственнымъ видомъ. Не перечислить всѣхъ сраженій, въ которыхъ онъ принималъ участіе, не разсказать всѣхъ его

боевыхъ подвиговъ. Даже среди черногорцевъ выдѣляется онъ славою о его личной храбрости. Теперь, онъ состоитъ бригаднымъ генераломъ, слѣдитъ за постоянною боевою готовностью довольно обширнаго района. Здѣсь, на Враницкихъ Пинахъ, онъ выстроилъ себѣ очень хорошій домъ, куда приглашаетъ насъ на чашку кофе. Но мы уже знаемъ, къ чему эти чашки кофе заключаются, ссылаемся на необходимость пораньше поспѣть въ Никшичъ, жемански отговариваемся. Онъ лукаво улыбается, не спорить. Конечно, мы въ его власти. Что бы мы ни говорили, угощенія не миновать. И онъ отпускаетъ насъ въ Дуклю, добродушно хитрый.

Много столѣтій тому назадъ, еще въ дохристианскія времена, образовалась на равнинѣ, прилегающей къ теченію Зеты и Морачи, римская колонія Діоклея. Первоначально она, вѣроятно, носила другое названіе и была переименована впоследствии, въ честь Діоклещана. Иные утверждаютъ, что тамъ Діоклещана и родина. Но въ точности по этому вопросу, кажется, ничего не извѣстно, потому что, во всемъ томъ, что касается Діоклеи, исторія почти не даетъ свѣдѣній. Когда раскопки въ Дуклѣ будутъ доведены до конца, когда получится возможность обратиться къ основательному изученію оставшихся останковъ прошлаго,—Діоклея какъ бы сама заговоритъ и разскажетъ свою жизнь. Но, пока, даже ученый археологъ не найдетъ въ открытыхъ развалинахъ достаточнаго матеріала. На систематическое производство раскопокъ и на тщательную охрану склоновъ діоклейскаго вѣдѣнія требуется много денегъ, а въ Черногоріи денегъ нѣтъ. Мнѣ кажется, что вмѣшательство въ это дѣло нашего археологическаго общества было бы въ высшей степени желательнымъ и дало бы въ руки нашихъ ученыхъ много цѣнныхъ свѣдѣній. Въ настоящее время, веденіе раскопокъ значительно затрудняется тѣмъ, что площадь Дукли расположена на земельныхъ участкахъ нѣсколькихъ частныхъ владѣльцевъ. Черногорскому правительству приходится отступать передъ крупными издержками по экспроприаціи. И все таки, не смотря на массу неблагоприятныхъ условій, Дукля едва ли производитъ болѣе неудовлетворительное впечатлѣніе, чѣмъ Салона, находившаяся на австрійской терри- торіи. Базиліку можно легко возстановить въ своемъ представленіи по сохранившимся

руинамъ. Упало много капителей, фризъ, барельефовъ, саркофаговъ и т. д. И то, что мы видимъ, составляетъ, конечно, ничтожную часть, по сравнению съ темъ, что еще находится въ землѣ, засажено фиговыми деревьями и виноградникомъ. Много открытій сдѣлаетъ тотъ, кто не побойтся расходовъ.

Архипицѣя Нивы.

Въ теченіи двухъ часовъ, мы бродимъ по развалинамъ, слухаемъ янтарныя и проворныхъ черепахъ. Нигдѣ я такого количества черепахъ не видѣлъ, всевозможныхъ размѣровъ, отъ величины большой тарелки до диаметра мѣднаго пылака. И онѣ здѣсь отличаются большою поворотливостью, юрко пробираются съ камней на камни.

Жарко. Очень жарко. Заходимъ въ хату, чтобы выпить воды. Немедленно насъ окружаютъ дѣти и предлагаютъ горстками древней римской монеты, найденныя на Диоклейскомъ полѣ. Ниія изъ нихъ чрезвычайно интересны и довольно хорошо сохранились.

Жарко. Очень жарко.

Мы возвращаемся къ экипажамъ и, разумеется, попадаемъ къ воеводѣ, который заводитъ насъ къ себѣ. Кофе, ветчина, ракия, сливовица, фрукты, красное вино. И все это въ сорокаградусную жару. Впрочемъ, какъ ни строго хозяйство и какъ ни слѣдить за нами его дѣти, бравый красавецъ конякъ Іованъ и хорошенка Милица,—мы не одну порцію ракии пьемъ по театральному, опрокидывая себѣ въ ротъ пустую рюмку.

XXIII.

КОЛО часа времени остаемся мы у воеводы Нидина, а затѣмъ отправляемся въ дальнѣйшій путь.

Вдемъ мы прекрасною долиною Зегы, принимающею обширные размѣры среди постепенно развѣтвляющихся скалистыхъ стѣнъ. Здѣсь, одна изъ наиболее плодородныхъ мѣстностей княжества. Просо, табакъ, кукуруза и пшеница произрастаютъ прилично, на мягкомъ грунтѣ прирѣчной долины. Трудъ поселенцевъ щедро вознаграждается природою, и пейзажъ оживляется картинками полевыхъ работъ. Разнообразныя покровы часто попадаютъ намъ на дорогѣ, и мы обмѣниваемся привѣтливости съ встрѣчными:

— Добръ-данъ!

Помогай Богу!

Еще недавно, здѣсь Турци были, лежала гнетомъ традиціонной некультурности.

Тутъ была глушь, та специальная турецкая глушь, которой нѣтъ подобныхъ въ Черногоріи. Девяностъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и теперь путешественникъ идетъ по прекрасному

Мостъ Императора Александра III.

шоссе, среди возмущенныхъ низъ, въ полнѣйшей безопасности. Этого, кажется, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы признать черногорскій народъ энергичнымъ представителемъ культуры и отрывиться отъ взгляда на Черногорию, какъ на полудикій край. Не всякій, конечно, обязанъ знать Черную Гору, но вѣдь также не обязанъ никто говорить о томъ, чего онъ не знаетъ.

А въ вопросахъ, касающихся родного славинства, желательна была бы нѣкоторая освѣдомленность.

Акація, букъ, ясень, дубъ и вѣзь тиснутъ зеленью по сторонамъ дороги, но не спасаютъ насъ отъ жара, потому что солнце безконечно свѣтитъ вдоль пути горячими полосами раскаленного воздуха. На отпа Симеона смотрѣть больно: его черный клобукъ такъ и поглощаетъ зной и не защищаетъ взгляда. Но онъ находитъ, что все это очень хорошо, ласково

Булваръ въ Митшачѣ.

улыбаются и весело повскакивают о своих путешествіяхъ. Побывать онъ былъ въ Египтѣ, на Авоны, хорошо знакомъ съ Европой и обо всемъ томъ, что видѣлъ, сохранялъ только хорошія воспоминанія. Подобными людьми создается свѣтъ и любовь на землѣ.

Мы проѣзжаемъ мимо Спужа, красиво расположеннаго на макушкѣ крутой возвышенности. Тутъ была турецкая крѣпость, считавшаяся, при прежнихъ средствахъ веденія войны, неприступною. Въ настоящее время, крѣпость превращена въ цѣпхгаузъ, но сохранила, издали, всю свою живописную грозность.

Жара все усиливается и усиливается. И какъ это Шанъ можетъ пѣть, безостановочно, да еще съ такой лихостью!

Наконецъ, вдаль показывается бѣлая пятна строеній Даниловграда, гдѣ мы будемъ обѣдать, а лошади отдохнуть. Это совсемъ небольшой городокъ, расположенный живописными уступами надъ Зетою. На наше счастье, сегодня базарный день и мы, проѣзжая по площади, любуемся яркою толпою, собравшеюся для торга. Зной стоитъ неукротимый, градусовъ за пятьдесятъ, при полномъ отсутствіи вѣтра. Бѣлая дорога, бѣлые дома, все накаливается, пышетъ огнемъ. И вездѣ, гдѣ только образовался доскутокъ тѣни, тѣсно забились люди, торгующіе и покупатели. Токарь тутъ бѣдный и не интересный,—фрукты и предметы сельскаго обихода.

«Персеговичка Кафана» гласитъ жывьска надъ дверью дома, куда мы входимъ. Это очень простой трактиръ, не особенно чистый, но для насъ немедленно покрывается съ удовлетворительною опрятностью столъ, и хозяйка, высокій худощавый горетъ съ энергичнымъ профилемъ, подаетъ намъ превосходный обѣдъ, сытный и вкусный. За другимъ столомъ обѣдаютъ мѣстные жители, офицеры эдѣйней бригады, спустившіеся съ горъ въ ожиданіи предстоящаго проѣзда Князя Николая. Въ углу, на лавочкѣ, поджавъ ноги, сидитъ беззавѣтно свирѣпый албанецъ, съ такимъ звѣрскимъ выраженіемъ лица, что просто хоть пиши съ него всю исторію Турціи. Жаль, что въ комнатѣ недостаточно свѣтло, а то бы мы уфѣковѣчили его фотографіей. На полу валяются дѣти, съ явными признаками рахитизма. Непонятно, откуда берется здѣсь эта болѣзнь. Воздухъ чистъ, солнца много, питается народъ отлично, живутъ не въ тѣнотѣ, а дѣти не ограждены отъ чадлости.

Положивъ на столъ цѣлую кучу сочныхъ арбузныхъ ломтей, хозяйка опирается на стулъ отца Симеона и прислушивается къ нашему разговору. Онъ знаетъ, что мы русскіе, и смотритъ на насъ съ трогательнымъ дружелюбіемъ. Слушаетъ, слушаетъ онъ, съ удовольствіемъ, потомъ ласково треплетъ отца Симеона по плечу, со словами:

— Добрый отецъ мой!

Этимъ словами онъ переводитъ свое душевное настроеніе на говоръ, затѣмъ подаетъ

Кулець 1080, въ Никшичѣ.

намъ кофе и приносить табакъ для желающихъ «покурить». Наступаетъ время настоящего отдохновения, кейфа.

А черезъ часъ намъ уже нужно ѣхать дальше. Шанъ и Милутиъ подаютъ экипажъ, мы садимся въ накатившіея коляски и трогаемся въ путь, снова выѣзжаемъ на бѣлую

Развалины турецкой крѣпости въ Никшичѣ.

дорогу, которая, къ немалому нашему удовольствію, ведетъ насъ тѣнью нависающей надъ нами горы. Солнце не мешаетъ намъ любоваться прелестью долины. Видъ по-немногу суживается въ тѣскахъ нависающихъ красивыхъ высотъ.

Въ третью часть дня, мы видимъ Острожскій монастырь. Онъ далеко, по другой сторонѣ долины, прилѣгавшей высоко надъ дорогою къ черному склону горы Острогъ. Его почти не разглядѣть, но мы получаемъ понятіе о томъ пути, который придется совершить завтра, въ извилинахъ продолжительнаго подъема. Мы отсюда угадываемъ, какъ хорошо и красиво должно быть тамъ, въ домѣ молитвы, возносимой подъ самыми облаками. И торопливость охватываетъ насъ, желаніе скорѣй туда прибыть, къ впечатлѣніямъ неизбѣяннаго еще желанія.

А дорога наша все тѣнетъ вверхъ, замедливъ ходъ нашихъ лошадей. Далеко предъ нами, тамъ, гдѣ шоссе исчезаетъ въ поворотѣ ущелья, начнется спускъ къ Никшичу. Еще версты четыре подъема, относительно тихой ѣзды. Въ деревнѣ Богетичи, мы останавливаемся не надолго, а въ полуверстѣ отъ этого села покидаетъ насъ отецъ Симеонъ. Онъ идетъ въ Острогъ, чтобы выѣсть съ игуменомъ, отцомъ Петроніемъ, позаботиться объ устройствѣ намъ дружеской встрѣчи. Такъ онъ рѣшилъ, и отговорить его нѣтъ возможности.

Прощается онъ съ нами и отправляется узкою тропинкою вверхъ, по стѣрой громадѣ, все выше и выше поднимающейся надъ обрывомъ. Тамъ то библейскимъ и сказочнымъ вѣстѣ отъ его черной фигуры, удаляющейся отъ насъ, измѣнами каменистаго пути.

Утомительный путь предстоит ему. Черна будетъ ночь, когда онъ поднимется въ горы тамъ святой обители.

Мы ѣдемъ дальше. Подъемъ длится недолго. Начинается спускъ къ Никшичу. Въ скоромъ времени открывается видъ на городъ, лежащий среди обширной и плодородной равнины. Быстро спускаемся мы, въѣзжаемъ на прекрасный Царскъ мостъ, названный такъ въ память Императора Александра III. По печальной случайности, первая вѣсть о кончинѣ Государя-Миротворца была получена во время торжественнаго открытія моста. Онъ очень длиненъ, выстроенъ прекрасно. Во время разливовъ, весною, вода поднимается къ верхней точкѣ его арокъ, но теперь мы проѣзжаемъ по нему черезъ сухую равнину.

Никшичъ, также какъ и Подгорица, гораздо болѣе значительный городъ, нежели Цетинье. Это важный для Черногории торговый пунктъ, расположенный въ самомъ ея центрѣ, съ пятидесятичнымъ постояннымъ населеніемъ. Плодородіе окружающихъ его полей играетъ, конечно, крупную роль въ его экономическомъ благосостояніи. До конца пятинадцатаго столѣтія, имъ владѣли сербы, а въ 1463 г. захватили его турки, которымъ не разъ приходилось отбивать его противъ нападений черногорцевъ. Остатки турецкой крѣпости, въ видѣ развалинъ, можно видѣть и теперь. Важнѣйшая достопримѣчательность Никшича, это храмъ Св. Василия Острожскаго, въ настоящее время еще не законченный. Освященіе его послѣдуетъ въ 1899 году, но уже теперь можно сказать, что онъ будетъ очень красивъ. Вместитъ онъ можетъ до 2000 человѣкъ и будетъ великакомъ въ семь черногорскихъ церквей, гдѣ, обыкновенно, и тридцати молившимся тѣсно. Строющійся въ древне-византійскомъ стилѣ, изъ превосходнаго мѣстнаго камня, онъ расположенъ за чертою города, на возвышенности, неподалеку отъ княжескаго дворца.

Строющійся въ Никшичѣ соборъ.

Въ Никшичѣ гостиница очень удовлетворительная, чистая, съ просторными комна-
тами и хорошою пищею. Благодаря П. А. Ровинскому, у насъ оказываются тамъ друзья,
которые събѣгаютъ выразить намъ искреннее сочувствіе.

XXXIV.

ОСЛАБЪ душой подгоричанской почой, въ Никшичѣ довелось намъ отдох-
нуть, съ сознаніемъ всей прелесть прохладнаго покаяна. Достались намъ
отличные кровати, а кошки не пидали и собаки не лакали. Въ пять часовъ
утра мы чувствовали себя вполне готовыми къ дальнѣйшимъ странствова-
ніямъ. Въ шесть мы уже позавтракали, отъѣдавъ по крошечной рюмочкѣ
превосходной сливочки, предложенной намъ мѣстнымъ купцомъ Юно, изъ
Мостара. Очевидно, нашъ образъ жизни начинаетъ совпадать съ черногорскими обы-
чаями. Но мы скорѣе подчиняемся, нежели притягиваемся.

Мы осматриваемъ городъ. Онъ болѣе Подгорица, красивый, чинный, по всѣмъ при-
знакамъ, обладаетъ болѣе зажиточнымъ населеніемъ.

Здѣсь, также какъ въ Цетинѣ, Подгорицѣ и каждомъ болѣе или менѣе значитель-
номъ черногорскомъ поселеніи, много ослабъ уроженцевъ Герцеговины и Босніи, поки-
нувшихъ родину въ слѣдствіе естественнаго отпаденія къ австрійскому режиму. Устано-
вившаяся по отношенію къ этимъ похищеннымъ провинціямъ политика Калмаз и его

Нижній Острожскій монастырь.

сотрудников имѣетъ примымъ
результатомъ стремленіе наибол-
ѣ энергичныхъ мѣстныхъ силъ
къ переходу въ независимое
княжество, и тѣмъ самымъ по-
стоянно усиливается, въ средѣ
угнетеннаго южнаго славян-
ства, обаяніе Черной Горы. На-
правленныя къ борьбѣ съ
этимъ обаяніемъ полицейскія
мѣры, разумѣется, не дости-
гаютъ цѣли, углубляютъ эми-
грантское движеніе и обостря-
ютъ деятельность протестую-
щихъ элементовъ. Впрочемъ
всѣмъ стараніемъ представите-

Вераній Острожскій монастырь.

лей плабо-малырскихъ тенденцій, сила прав-
славнаго воздѣйствія Черногоріи на Боснию
и Герцеговину постоянно растетъ, духовная
между ними связь укрѣпляется, потому что
эта связь соответствуетъ вѣдѣніямъ истори-
ческой логики, и не можетъ ослабѣть подъ
какимъ бы то ни было вліяніемъ причинъ, стоящихъ вне сферы
дѣйствія историческихъ и даже юрискон-
сульскихъ законовъ. Логика и справедливость, какъ стихій-
ныя несокрушимыя силы, могутъ быть лишь
временно побороены, но въ общемъ теченіи

Отецъ Христофоръ.

↓
Jovanović
Mar. Ogrin

собитій несомнѣнно всегда одерживаютъ
верхъ.

Въ сознаніи этого и заключается основа
надежды южно-славянскихъ народовъ, чини-
упования не потускнѣютъ, пока Черная Гора
служитъ для нихъ нравственнымъ ободрѣ-
телемъ, въ снѣгѣ покровительства Россіи.

Мечеть въ Никшичѣ.

По поводу этого покровительства, у насъ иногда приходится встрѣяться съ мнѣніемъ, будто княжество напрасно успокоило себя взглядъ, придающій русской поддержкѣ отбѣнокъ чего то обязательнаго, и считаетъ идущимъ изъ нашего отечества вспоможенію принадлежа-

ющимъ ему по праву. Прежде всего, надо отмѣтить, что подобнаго извѣстія къ Черногоріи не существуетъ. Глубокая благодарность черногорцевъ за оказанную имъ помощь не дозволяетъ даже имъ, конечно, возможности отбѣивать событія логично и совмѣщать, что матеріальныя и духовныя дары России соответствуютъ требованіямъ справедливости и племенного родства. Они не могутъ не понимать, что наши собственныя интересы выдвигаютъ на первое мѣсто поддержку южнаго славянства и православія. Не

У входа въ Враній Островскій монастырь.

могутъ они также не видѣть, что, въ этомъ отношеніи, общество въ значительной мѣрѣ отстало отъ правительства и что главный тому причина лежитъ въ извращеніи взглядовъ, вызванномъ непониманіемъ германофильствомъ части нашего общества. Но они не перестаютъ считать благодѣіе благодѣіемъ и разумѣютъ, что помощь не теряется своей цѣлостности отъ того, что основана не на одномъ сердечномъ влеченіи, но и на разумномъ отношеніи къ дѣлу. За то мы должны смотрѣть на оказаніе княжеству покровительства какъ на дѣло, входящее въ составъ нашихъ обязанностей и, отнѣсши такимъ подкрѣпленіемъ этотъ извѣстный преимущественно соображеніями справедливости и братства, не пренебрегаемъ и доводами практическаго свойства. Въ нашей русской общественной бытъ столько выдѣлилось инородческаго элемента, что намъ постоянно приходится имѣть дѣло съ едина уловимыми теченіями, незаметно отклоняющими насъ къ сторонѣ отъ того, чего бы мы должны были неукоснительно держаться. Ложный взглядъ, придающій намъ

къ тому заключенію, что мы, русскіе, — одно, а славяне — другое, что намъ сѣдуетъ думать только о себѣ и не дробить своихъ силъ на племенной алътруизмъ, — является взглядомъ прямо таки постыднымъ. Намъ какъ будто не пристало подражать людямъ,

Либанцы и цыгане на берегу Рибняцы.

отвергающимся отъ небогатыхъ родственниковъ. И поютъ семьи не терять своей святости отъ того, что прилагается, въ данномъ случаѣ, не къ людямъ, а къ народамъ. Сербъ, въ свое время, игралъ ролюначальную роль въ славянской культурѣ. Съ теченіемъ вѣковъ, переживающее мѣсто, въ средѣ представителей славянства, переняло къ намъ. Вместе съ тѣмъ, перенявъ къ намъ несомненно и великія обязанности по отношенію къ братьямъ, низведеннымъ творцами искусственной исторіи въ область второстепенныхъ величинъ. Кто можетъ творить добро, тотъ и долженъ благотворить, не ограничивая, конечно, своей дѣятельности предками матеріальныхъ пожертвованій и придавая главенствующее значеніе оказанію практической поддержки тому, кто, въ продолженіи многихъ вѣковъ, доказываетъ свою политическую жизнеспособность. А въ сербской семьѣ наибольшее характернымъ и сибстнымъ элементомъ является черногорцы, тотъ народъ, чьи геройскіе званія воодушевляютъ все славянское православное населеніе Балканскаго полуострова.

Улицы Пиквица, примыкающія въ новой части города, мало оживлены и напоминаютъ сонную деревню, явленіе, повидимому, вообще присущее черногорскимъ поселеніямъ.

Можно подумать, что общественная жизнь народа еще не сложилась или не приравнилась къ формамъ мирнаго времени. Военная сущность Черной Горы, выработан-

или вѣками ожесточенной и кровяной борьбы, имѣетъ такое рѣзкое преобладаніе въ рядѣ ея характерныхъ чертъ, что служитъ основаніемъ ей бытъ. Отсутствие военныхъ дѣйствій исключаетъ ея изъ области привычной обстановки. Все ея существованіе какъ бы рассчитано исключительно на военное время; и мирный образъ жизни не являлся у нея еще въ опредѣленную форму. Поэтому, городской бытъ не получалъ тамъ по сю пору установившагося выраженія. Въ значительной мѣрѣ этому содѣйствуетъ то обстоятельство, что торговля и ремесла заходятъ въ Черногорию въ зачаточномъ состояніи. Помимо того, что постоянныя войны держали, такъ сказать, княжество въ кругу международнаго торговаго оборота, въ черногориѣ не могло выработаться склонности къ промышленности и ремесламъ. Ни на то, ни на другое, у него, прежде всего, не было времени. Извѣдая изъ далека мужичку, какъ на война по преимуществу, неминуемо долженъ былъ привести къ равнодушію относительно всего, что не касалось войны. Благодаря этому, черногорцы, до самыхъ недавнихъ лѣтъ, почитали занятіе торговлей недостойнымъ, неподобающимъ человеку, могущему носить оружіе. Такимъ образомъ, слабыя потребности княжества въ товарообмѣнѣ долго не получали развитія, и необходимыя купеческія функции исполнялись чужаками, какъ турками, такъ и славянами соседнихъ земель. До сихъ поръ, пришлый элементъ играетъ первенствующую роль на мѣстныхъ рынкахъ. Что же касается ремесла, то отъращиваніе къ нему черногорцы было долго непреодолимо. Не то же казалось храбрымъ горцамъ унижаться до нихъ. Въ качествѣ ремесленниковъ противно себя въ Черногорию албанцы, чья традиционная некультурность не препятствуетъ практичности и умѣло извлекать выгоды изъ нерадивости соседей. Къ счастью, за послѣднее время въ этомъ отношеніи замѣчается значительный поворотъ къ лучшему. Князь Николай и его предшественники обратили серьезное вниманіе на необходимость развитія ремесленного дѣла въ княжествѣ и похвалили его для независимости отъ прилива чужаковъ. Особенно были трудны, по этому вопросу, периле наши князья Данила, которому пришлось дѣйствовать личнымъ примѣромъ на подданныхъ, чтобы внушить имъ, что въ работѣ ремесленниковъ ничего унижительнаго для черногорцевъ не можетъ быть.

Базаръ въ Цетиньѣ,

При такихъ условіяхъ, надо признать, что Черногорія оказала большую услугу ея бѣднотѣ. Будь она богаче, представилъ бы она болѣе благодарную почву для эксплуатаціи, въ нее скорѣе влилось бы сурейство, осквернило бы

Станція Чаславъ.

одну изъ красивѣйшихъ въ мірѣ странъ. Теперь, въ княжествѣ евреяхъ нѣтъ. Имъ нѣтъ дѣлать нечего. А если они придутъ, то не встрѣтятъ сочувственнаго пріема. Черногорія, по примѣру наибольшихъ странъ, можетъ судить о томъ, насколько они вредны, и ихъ къ себѣ не допустить.

XXXV.

ВРАДО бѣать. Если мы засидимся въ Никшицѣ, то не поспѣемъ къ полуночи въ Острожскій монастырь. Иванъ и Милуѣй шумно подкатываютъ къ гостиницѣ; мы отправляемся въ путь.

— Однако, сегодня еще жарче, нежели вчера, замѣчаетъ Павелъ Аполдоновичъ.

Тѣмъ лучше. После нашихъ морозовъ пріятно основательно потрѣпаться.

— Гм... то ли вы скажете, когда мы станемъ подниматься къ монастырю?

Спорить нечего, восьмиверстный путь по скалистымъ тропинкамъ, подъ жгучими лучами солнца, вѣроятно будетъ тяжелъ. Но вѣдь тяжесть—одно изъ условій паломничества.

На цѣтрѣну попадаются намъ небольшіе отряды регулярнаго войска. Они стигаютъ къ Никшицу, по случаю предстоящаго приказа туда Князя. Мы спрашиваемъ

Милуши, общій видъ.

ихъ, не извѣстно ли имъ, гдѣ находится «якото» писочничество». Они въ
знаютъ... можетъ быть въ Крушевцѣ, можетъ быть въ Даниловградѣ, а то пожалуй и
въ Рѣкѣ... Впрочемъ свѣдѣній у
нихъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ,
въ Никшичѣ Князь пробудетъ
недолго и поѣдетъ дальше, въ
горы, на охоту.

Да, сомнѣваться нельзя,
сегодня будетъ очень жарко.
Уже теперь, въ девятый часъ
утра, солнце глядитъ на землю
огнемъ.

— А будетъ ли по дорогѣ
вода? спрашиваю П. А. Ровин-
скаго.

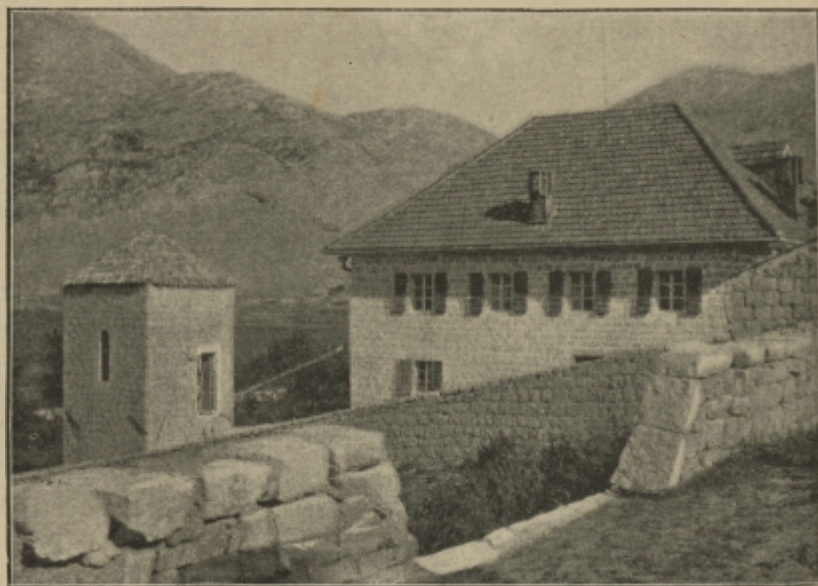
— Да, и очень хорошая,
какъ разъ на полпути... У нее
часто пить.

Послѣ часа ѣзды, мы
останавливаемся на томъ мѣстѣ, откуда идетъ тропинка въ монастырь. Экипажи съ
багажомъ будутъ ждать въ Богочинахъ, а мы нагружаемся фотографическими каме-
рами и приступаемъ къ нашему подъѣзду.

Путь тяжелъ и каменистъ, жара сильна, восхождение съ каждымъ шагомъ все болѣе
и болѣе приобретаетъ характеръ паломническаго подвига. Въ Острожскій монастырь не
забрететъ путникъ, равнодушный къ религіозному значенію этой обители. Требуется
усиліе и упорное желаніе, чтобы одолѣть трудности дороги. Вчера, съ другой стороны
долина, мы видѣли монастырь. Едва удалившись нѣкоторымъ выносившимся оземь на чернотѣ
ископанной скалы. Мы знаемъ, что, на протяжении восьми верстъ, намъ придется идти
тяжелымъ подъемомъ къ тому мѣсту, откуда откроется новая для насъ видъ земной
красоты, въ обстановкѣ необычайной для насъ.

Святой отшельникъ Василий основалъ Острожскую обитель около двухсотъ лѣтъ
тому назадъ. Герцеговининецъ родомъ, онъ съ молодости отличался благочестіемъ и истинно-
христіанскимъ образомъ жизни, посвятилъ себя подвижническому служенію правосла-
вной религіи. Подъ конецъ дней своихъ, онъ удалился на гору Острогъ, гдѣ, въ твердой
скалѣ, вырубилъ себѣ келью. Тамъ, въ настоящее время, лежатъ мощи его, прославив-
шіяся чудотворностью своею. Къ нимъ, за нещадными, прибѣгаютъ върующіе изъ отдаленныхъ мѣстъ православнаго юга. Паломничества изъ Далмаціи, Боснии и Герцеговины
совершаются постоянно. И не только православные, не только христіане, но и магоме-
таны, бывшіе свидѣтелями чудесныхъ исцѣленій, стекаются ко гробу святыни, молятъ
его о помощи. Ихъ, этихъ мусульманъ, не слушаетъ православная святая, не останавли-
ваетъ ихъ мысль о томъ, что монастырь не разъ подвергался затѣкамъ послѣдовате-
лей ислама, въ кровавыя топины войнъ,—они вѣруютъ въ силу Св. Василия Острожскаго,
истинночестно утѣшая внешне христіанскаго начала вѣроисповѣданіемъ и безпредѣльной любви.
Могучею святыней является древній Острожскій храмъ, созданный по слуху православнаго
христіанства.

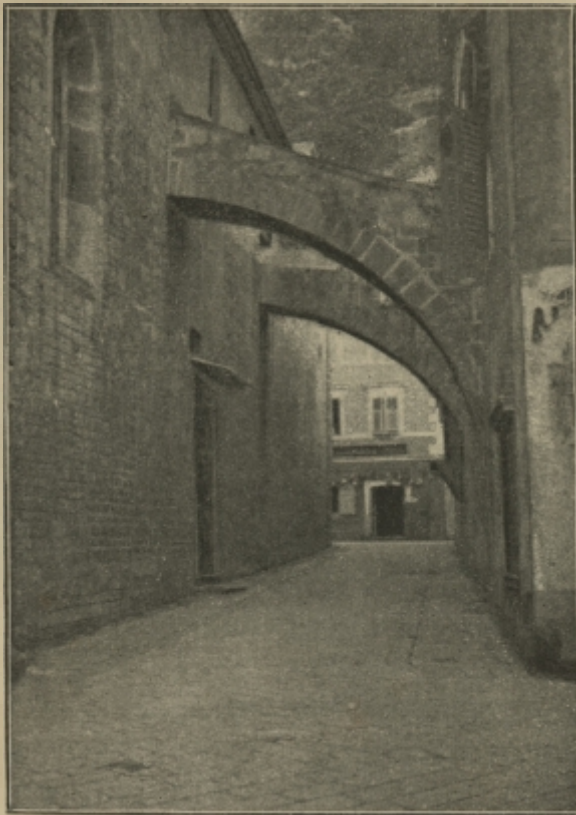
То скалистыми перевалами, то среди зелени буковыхъ рощицъ, мы медленно идемъ

Нѣгуши; дѣла, гдѣ родился Князь Николай.

14

все выше и выше, люблюсь мощными и красивыми очертаниями Зетской долины. Мы знаем ее только со вчерашнего дня, а уже она стала намь родною, дорогою, очаровала нас и нами окутала. Съ высоты мы видим почти весь свой вчерашний путь, недавни впечатлѣнии возобновляются, оживленіемъ воскресающихъ радостей.

Улице въ Моторѣ.

Путь становится все тяжелѣй и тяжелѣй. Солнечные лучи какъ бы разгораются въ пламя. Фотографическія камеры огниваются намъ насмѣ, каждая дѣлается мучительной.

— Скоро будетъ источникъ? спрашиваемъ мы П. А. Ровинскаго.

Царствъ Аполлоновичъ добродушно полагается:

— А мы его печально прошли... Онъ пересохъ... Досадно.

Еще бы не досадно!

Но кругомъ насъ такъ много красоты, своеобразной и сильной, что мы не выпадемъ въ дурное настроеніе духа.

Непродолжительный отдыхъ въ тѣни скалы очень непродолжительный, минутъ въ пять. Въ монастырѣ насъ ждутъ къ полудню, и мы не хотимъ опоздать.

Съ каждою минутою зной становится сильнѣй. Огнемъ вливается онъ въ скалы, накрываетъ ихъ, насыщаетъ ихъ избыткомъ жары на ночь. Тихо кругомъ. Жизни не видно и не слышно. Идутъ катуновы, встрѣчныхъ вѣтъ. Только горные черепашки попадаются, желтымъ, пропорнымъ.

Солнце такъ и пронизываетъ насъ, сдѣлало насъ смуглыми. Это въ общемъ хорошо: намъ нуженъ запасъ тепла на зиму. Легче будетъ переносить петербургскіе туманы и желтизну безпривѣтныхъ дней.

На тѣнистой дорожкѣ мы останавливаемся на нѣсколько минутъ. Царствъ Аполлоновичъ дѣлаетъ открытіе: у тропинки растутъ нѣсколько кустовъ дикой малины. Черная ягода жестки, но кажутся намъ поразительно вкусными. Сокъ ихъ, кисловатый, освежаетъ ротъ, немного облегчаетъ жажду. Воды-бы теперь, водички...

— Погодите, и воды будетъ много, убѣждаетъ П. А. Ровинскій.

Купеческій базаръ.

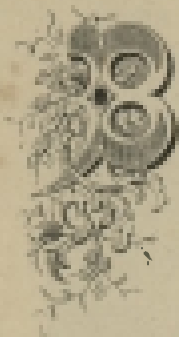
Онъ положительно удивляетъ насъ. Ему семьдесятъ лѣтъ, а онъ несколько не меня-
выносливъ, нежели мы, изъ которыхъ старшему минуло только тридцать шесть лѣтъ.
Онъ крѣпокъ и бодръ на рѣзкость, и настроеніе духа у него постоянно молодое, весе-
лое. Двадцать лѣтъ жизни въ прекрасной Черноторіи оказали на него благотворное дѣйствіе.

Набережная въ Котрѣ

Пошли мы дикой малины, племъ дальше. Подъемъ все круче и круче, извилистѣй. Уста-
лость и жажда увеличиваются съ каждымъ шагомъ. Хорошо бы посидѣть, полежать,
выпить воды. Скоро ли? Да, скоро... Вотъ, тамъ, за этой скалой... Еще нѣсколько пово-
ротомъ... Мы обходимъ скалу. Ничего не видно... Дальше. Еще скала, другая, третья,
еще, снова скалы, рѣдъ крутыхъ подъемовъ и, вдругъ, въ ту минуту, когда, казалось,
намъ дальше не пойти,—открылась передъ нами широкая площадь, на которой бѣлѣютъ
простыя и привѣтливыя зданія нижняго Острожскаго монастыря.

ДАЛЕКЪ видимъ мы отца Симеона, идущаго по дворику монастыря къ камъ на встрѣчу, съ отцомъ Петрономъ, потеннымъ туменомъ. Я хочу поспѣшить къ нимъ кратчайшимъ путемъ, но въ это время сбоку раздается команда: «на кра-уль!» и я только тогда замѣляю отрядъ чело-вѣкъ въ шестидесять, выстроенный въ дѣль шеренги, въ-ку офицера, подхолопнаго съ рапортомъ.

Почему? Зачѣмъ?

— Васъ трое прѣзжихъ изъ Россіи, это дѣлается въ честь Россіи, быстро обы-снеть Ровинскій.

Приходится подчиниться. Мы недоумѣло выступившемъ рапортъ и далеко не эффек-тною походкою усталихъ путниковъ проходимъ мимо отряда, какъ можно скорѣй подхо-димъ подъ благословеніе отца Петрона.

Какимъ пріятнымъ кажется вамъ отдыхъ!

Мы садимся, подъ тѣнью громаднаго бѣка, на принесенныя стулья и подвергаемся немедленному угощенію, изъ состава котораго входятъ: ракіи, вино, пиво и, къ счастію, превосходная вода. Нижний монастырь, относительно недавней постройки, производитъ очень пріятное впечатлѣніе спокойствія, мира и красоты. Церковь невѣлика, но содер-жится не бѣдно, по сравненію съ другими черногорскими храмами. Она окружена

Католическій свѣтъ въ Которѣ.

довольно большими странноприимными зданиями, которые, въ периодъ паломничества, переполняются посетителями. Изъ духовныхъ лицъ, отецъ Петроній является единствен-
нымъ постояннымъ жите-

лемъ нижняго монастыря, также какъ въ верхнемъ, при останкахъ Св. Вислѣи, имѣетъ пребываніе лишь отецъ Христофоръ, никогда не покидающій своей обители.

Въ несколькихъ шагахъ отъ насъ, у невысокой каменной ограды, окаймленной обрывъ, открывается одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ, какой только можно себѣ представить. При взглядѣ на него, ощущается глубина религіозно-созерцательнаго настроенія, охватывающаго тѣхъ, чья жизнь течетъ въ этой дивной обители. Въ этомъ настроеніи должно преобладать чувство счастья, духовнаго отдохновенія, мира и тишины. Здѣсь хорошо, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Сколько мы пьемъ воды — это и сосчитать трудно. Впрочемъ, и отъ раки отказываться не приходится. Отецъ Симеонъ,

вступивъ въ роль хозяина (такъ какъ отецъ Петроній по русски вовсе не говоритъ), всею и истинно угощаетъ. Изъ селѣннаго села прибылъ молодой священникъ, отецъ Іоаннъ, собралось много окрестныхъ жителей. Митрополитъ простиеръ свою любезность до того, что телеграммой предупредилъ о нашемъ приходѣ. Это придаетъ приему обстановку, гораздо болѣе торжественную, нежели та, которой бы мы желали.

Отецъ Симеонъ объясняетъ:

— Мы сперва пообедаемъ, потомъ вы отдохнете, а затѣмъ поднимемся къ верхнему монастырю.

Изъ насъ приглашаются перейти въ столовую. Начинается угощеніе обѣдомъ. Казалось бы, при нашей усталости, да въ пятидесяти-градусную жару, ничего быть некая, но обѣдь оказывается такимъ вкуснымъ, что мы, пожалуй, никогда еще съ такимъ удовольствіемъ не ѣли. Чѣлхъ восемь мѣсныхъ блюдъ мы осиливаемъ превосходно. Теперь даже стран-

нымъ это кажется. Подается по преимуществу баранина, совершенно сказочныхъ достоинствъ, по жемчужнымъ видамъ. И все это заливается прекраснымъ черногорскимъ виномъ.

Недостроенный православный соборъ въ Причавъ.

За обѣдомъ, мы съ Ровинскимъ сообщили хозяевамъ всѣ послѣднія новости, Петинскія и Петербургскія. Сюда, навѣрхъ, повседневная жизнь доходитъ только въ видѣ слуховъ, какъ-бы едва просачиваясь. И хорошо это. Питьемъ не нарушается мирное настроеніе, душа сохраняетъ чистоту свою.

Наконецъ, обѣдъ завершается.

Закуривъ, мы переселимся въ другую комнату, гдѣ намъ подаютъ кофе. Намъ уже давно предупреждали, что такого кофе, какъ въ Острогъ, во всей Черногоріи нѣтъ. Дѣйствительно, лучшаго мы пока не пили.

Комната отца Петропія невелика, убрана чрезвычайно просто. Единственное ея украшеніе — портретъ хозяина, очень недурно исполненный мѣстнымъ художникомъ Врбича, дочернякомъ свое художественное образованіе въ петербургской академіи. Надѣюсь, что онъ не специализируется на портретахъ. Черногорія нуждается въ пейзажистѣ и жанристѣ, можемъ содѣлать знакомство съ ея своеобразною и великой красотой.

Выпивъ кофе, мы удалимся на отдыхъ. Отличныя комнаты намъ приготовлены. И засыпаю въ одинъ мигъ.

Спать, однако, приходится не долго. Меня будитъ какой то повторный гулъ голо-совъ, раздающийся гдѣ то не-далеко, около стѣны монастыря. Глухіе возгласы доносятся какъ бы тупымъ стукомъ. Сквозь сонъ, трудно разобрать, въ чемъ дѣло. Наконецъ, для слуха выясняются слова: «едень-дня! едень-дня!», без-престанно повторяемые. Очевидно, происходитъ ученье. Пользуются тѣмъ, что солдатики собрались, и обучаютъ ихъ маршировкѣ.

Дѣлать нечего, надо отложить надежду на сонъ. Смотрю въ окно. На заливѣ солнцемъ пла-ваютъ, нѣсколько десятковъ чер-

Встрѣчная лодка.

Дубровникъ.

старается Гаврила Коротконогий, онъ вынужденъ сбиться, отчаянно размахиваетъ руками и съ сосредоточеннымъ видомъ выкрикиваетъ:

— Едигъ-два! Едигъ-два!

И къ чему они стараются! Какая мыслема маршировка по скаламъ Черногоріи! Не слѣдовало бы дѣлать солдата изъ коня. Впрочемъ, и такъ мало было военнымъ, что въ этихъ вопросахъ могу оказаться безграмотнымъ. «Едигъ-два! Едигъ-два!» На самомъ прилѣтѣ, они маршируютъ съ увлеченіемъ. Это ихъ забавляетъ. И на нихъ весело смотреть, хотя выправка у нихъ немного любительская.

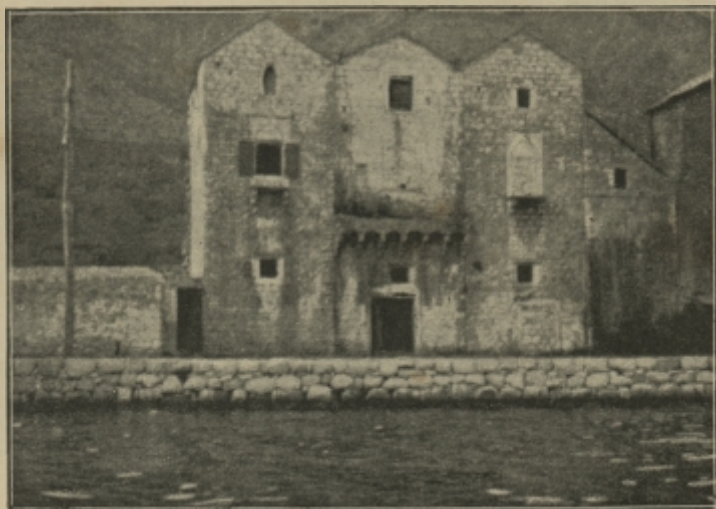
— Пора идти, заканчиваетъ Павелъ Аполлоновичъ, уходи,—наши всѣ готовы.

Отецъ Петроній и отецъ Симеонъ провожаютъ насъ до бродка, а дальше мы идемъ одни, при чемъ къ намъ прикомандированъ Гаврила. Въ безграничномъ своемъ усердіи, онъ нацѣпляетъ на себя дѣй фотографическія

Прѣмъ, колокольня.

камеры и горить желанием услужить, перебегая от одного къ другому. Бывъ возможно, онъ взялъ бы насъ на руки и понесъ бы, право.

Домъ «При Сестрой», въ Прчанѣ.

только урывками оживаетъ насъ, мимолетнымъ взглядомъ. Въ промежуткахъ между нѣтвями, мелькаютъ прелестныя виды на Зетскую долину. Намъ досадило, что красота стала намъ уже приглядываться. Сильнымъ впечатлѣніемъ послѣднихъ дней совсѣмъ затерли въ насъ воспоминаніе о томъ, что мы болѣе всего мѣшались въ году проводимъ тамъ, гдѣ тусклое солнце тоскою смотритъ на бурный уличный снѣгъ.

Послѣ полуночной хохоты, мы вступаемъ на площадку верхняго монастыря. Немного напоминая Никерманскую животию, онъ высѣченъ въ скалу, и только небольшой домикъ отца Христофора пристроенъ снаружки громадной галлѣи. Обитель эта еще относительно недавно отслужила доблестную службу, въ качествѣ крѣпости. Отецъ шипкинъ Князя, воевода Мирко, выдержалъ здѣсь продолжительную осаду, съ небольшимъ числомъ горцевъ. Значительный турецкій отрядъ долго обстрѣлывалъ монастырь, неоднократно пытался взять его штурмомъ, но долженъ былъ отступить, съ тяжелымъ урономъ.

Отецъ Христофоръ уже сорокъ лѣтъ живетъ въ верхней обители, одиноко. За послѣдніе годы, онъ пересталъ посѣщать нижній монастырь, сосредоточился въ молитвѣ и постѣ. Безпрѣдѣлимая и недостижимая для воображенія красота растапливается у его ногъ природы усугубляетъ въ немъ мозаичное настроеніе, вдохновляетъ его къ общелѣнійской жизни, у останковъ Св. Василия Острожскаго, великаго цѣлителя людскихъ недуговъ. Сила постоянно окрѣпляющаго его воодушевленія огнемъ горитъ въ глазахъ отца Христофора, рослаго старца, напоминающаго подчасъ, строемъ облика, Іоанна Грознаго. Лѣтъ ему много, очень много. Исключительно бодростью духа поддерживаются въ немъ тѣлесныя силы. Съ немного блуждающимъ взглядомъ и строгимъ выраженіемъ лица, онъ привѣтствуетъ насъ троекратнымъ лобзаніемъ, радостно узнаетъ Ровинскаго, хлопотливо задаетъ намъ вопросы

Набережная въ Моторѣ.

Католическій соборъ, въ Причѣ.

бить словъ, а живетъ въ ней чувство общенія съ Господомъ, вдохновеніе Божьей силою, необытная вѣра, цѣлый сонмъ неземныхъ настроеній. Тяжело издыхаетъ онъ, въ глубокой тишинѣ, и его горячее религіозное чувство переходитъ ко намъ, увлекаетъ насъ идаль отъ повседневныхъ побужденій, содрогаетъ наши сердца. Въ маленькое окошко, похожее на бойницу, заглядываетъ лучъ сознанія, а съ нимъ влѣтъ все сказочная красота природы Черногоріи, и сѣніе впечатлѣній молитвы и міра Божьего потрясаетъ души мощно.

Въ жизни своей я не зналъ религіознаго чувства большей силы, нежели то, какое испытать у гробницы Св. Василия, въ верхнемъ Острожскомъ монастырѣ.

Снова идемъ мы узкимъ проходомъ, пробитымъ въ скаль. Отецъ Христофоръ приглашаетъ насъ въ свою пріемную, такъ угощаетъ насъ превосходными пережками. Онъ хорошо помнитъ, что мы его гости, но уже забыть, кто мы и откуда, заново спрашивать. При его преклонномъ возрастѣ и постоянно вдохновенномъ настроеніи, подобная забывчивость по меньшей мѣрѣ извинительна. О свѣтилѣ, яблони которой онъ проводитъ жизнь, отецъ Христофоръ говоритъ съ глубокимъ волненіемъ.

Въ Бокна.

Отдохнувъ, мы прощаемся со старцемъ, быстро спускаемся къ нижній монастырѣ. Мы и тамъ остаемся недолго. Намъ надо идти впередъ, иначе непроглядная ночная чернота застигнетъ насъ раньше, нежели мы доберемся до Богетичей, гдѣ ждутъ насъ Шанъ и Милушъ. Простившись съ отцомъ Петроніемъ, мы отправляемся въ путь. Съ нами влѣтъ идетъ отецъ Симеонъ, котораго мы доведемъ до Полягорини. Двое монастырскихъ слугъ (одинъ изъ нихъ, конечно, Гакрида) даны намъ въ провожатые. Они, пожалуй, рады засвѣдуть къ кафеану на Богетичахъ.

Тамъ, за рѣзкою ракинъ, наболтаются они ядосталь съ провожатыми.

Солнечные лучи остываютъ, воздухъ свѣжѣетъ, намъ хорошо спускаться по долинѣ, бывшей, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, утомительнымъ подъемомъ.

XXXVII.

ВЪЗВРАЩЕНИЕ. Мало по малу, очертанія скалъ таютъ въ воздухъ, яркія краски туснеютъ, кое гдѣ закипаютъ огни, рѣзкія точки свѣта. По временамъ раздаются глухіе раскаты отдаленнаго грома, обѣщаніемъ осѣвжающей грозы. Воздухъ чернѣетъ быстро. Трудно идти по каменной тропинкѣ, среди расщелинъ и неожиданныхъ уступовъ. Но и теперь, когда такъ мало видно, впечатлѣніи окрестной красоты живутъ въ насъ, углубляемыя, дополняемыя таинственностью тьмы. Еще восемь часовъ и тѣмъ, а ночь настала совсѣмъ.

Вотъ законченъ и шоссе.

Перасто

Мы съ удовольствіемъ идемъ по ровному пути. Крупный, рѣзкій капли дождя падаютъ на насъ и осѣвжаютъ. Сверхнула молнія. На одинъ мигъ, показались горы, ущелья, долина, мелькнули и исчезли, мимолетнымъ возрожденіемъ прекраснаго. Еще молнія, еще. Но громъ звучитъ глухо, гроза проходитъ стороной, далеко отъ насъ.

Непродолжительный отдыхъ въ Богетинахъ. Черезъ полчаса послѣ нашего прихода, экипажи готовы. Передъ входомъ въ кафану—цѣлая толпа. Ждутъ протѣзла Князя

Николая. Когда? Сегодня вечером или завтра утром. Пензистно, почуетъ ли его высочество къ Крушевцу.

Бдемъ. Въ большой коляскѣ, В. А., Н. В. и я расположились на почлегъ. Удобства мало, но заснуть необходимо. И мы стараемся заснуть. Въ другомъ экипажѣ, Рошинскій и отецъ Симеонъ тоже устроились. Раньше Подгорицы изъбъ сносной гостиницы, а путь до Подгорицы не дурно бы проспать. Но гдѣ тутъ спать! Еке-минутно просыпаешься отъ толчковъ. Шавъ поетъ, луна вышла на небо и свѣтитъ ярко, никакъ стрекочать, встрѣчныя повозки скрипятъ. Отдѣльными минутами сна подкрѣпляемся мы и только на второмъ часу кѣды мы окончательно прилягнемъ къ обстоятельствамъ и засыпаемъ.

У входа въ Веритъ (Le Catene)

Пробуждаемся мы отъ остановки экипажа.

Гдѣ мы? Въ Даниловградѣ. Передъ нами затертая дзерь «Герцеговачки Кафаны». Шавъ стучитъ въ дверь нешадно, чтобы разбудить хозяевъ. Въ сущности, это недурно. Одинадцатый часъ вечера и мы проголодались. Въ кафанѣ раздаются порохи, засонъ стучитъ, на порогѣ показывается хозяинъ. Узнавъ насъ, онъ приглашаетъ войти. Мы

Херцеговини, съ мору.

входимъ, и намъ дѣлается совѣстно: жена, дѣти, вся семья спитъ тутъ дѣло, а мы стоимъ. Мы всѣхъ разбудили, все это знаетъ, канцеляръ, дѣти плачутъ. А хозяинъ радуется и смотритъ на насъ съ удовольствіемъ.

Нѣтъ ли чегонибудь по-
лѣтъ? Ничего. Прохожіе и про-
ѣзжіе все съѣли, и теперь,
конечно, ничего достать нельзя.
Вотъ, только хлѣбъ... И намъ
даютъ большой ломоть хлѣба,
графинъ вина и бутылку раки.
Чтожъ, и это хорошо. Вѣдь
постеро, мы утолимъ голодъ и
жажду.

Нашъ навозный лошадей.
Наступило время ѣхать.

Мы хотимъ расслабиться,—
съ насъ ничего не берутъ. Упорно
отказывается хозяинъ отъ
денегъ, смѣется и весело пожи-
маетъ намъ руки. И онъ вовсе
не въ обидѣ на то, что мы его потревожили.

У Свѣтлой Икѣ.

Черкезови, съ дороги.

Опять попытки сѣсть въ экипажъ, дости-
гающій цѣли постѣ долгихъ успій. Въ первомъ
часу ночи прибываемъ мы въ Подгорицу. Тамъ
насъ ждутъ. Комнаты готовы. Вѣруна и Марко
хлебнучуть. Снова проводимъ мы ночь въ не-
выносимо мучительной духотѣ.

Въ шесть часовъ утра мы встаемъ. Намъ
сообщаютъ, что Князь Николай уже выѣхалъ
изъ Крушеваца въ Пикшичъ. Досадно, что
намъ не удалось встрѣтить княжескій поѣздъ.
На старомъ мѣстѣ, на площади, мы пьемъ
кофе. Отецъ Симеонъ прощается съ нами.

Отсюда онъ пойдетъ въѣздомъ въ свою убогую обитель. За четыре дня мы много
сознались съ нимъ, успѣли его полюбить, и намъ жаль съ нимъ расставаться. Теперь,
когда и пишу эти строки, въ тосканкой мглѣ сѣвернаго утра, и съ благодарностью вспо-
минаю объ отцѣ Симеонѣ, свѣтлой личности котораго окрасила трогательною поэзіею крат-
кіе дни моего странствования по склонамъ Черной Горы. Далеко отъ насъ, онъ выру-
баетъ теперь себѣ келью въ ликомъ камнѣ, въ полѣ чела воздвигаетъ домъ молитвы
среди скалъ, трудится для торжества православія. Вся его жизнь—посвященная молитвѣ, вно-
симая въ сокровищницу благочестія, подвижничества и молитвы. Такихъ людей дер-
жатъ на землѣ свѣтлые заветы христіанства, душу міра составляющие.

Да поможетъ Богъ отцу Симеону въ его тяжеломъ и свѣтомъ трудѣ! И пусть воз-
двигаемая имъ обитель въ теченіе многихъ столѣтій служить напоминаніемъ о его
скромной и великой дѣятельности.

Въ путь пора! Плодородная равнина Подгорицы радостно зеленѣетъ по сторонамъ

дороги. До села Дружичи, мы идемъ незнакомой для насъ мѣстностью: въ первый разъ мы проѣхали тутъ ночью. Разнообразіе черногорскихъ видовъ поразительно. Даже при относительно медленномъ передвиженіи замѣчается оно.

Вночь, послѣ полудня, открывается передъ нами безподобная панорама Скадрскаго озера и Рѣки-Чернозвичей.

Островъ Вратина резко вырисовывается на горизонтѣ. Низины зеленой рѣкой змѣются и сверкаютъ. Въ одиннадцать часовъ показывается дома города Рѣки. Тамъ мы отдыхаемъ и обѣдаемъ, часъ спустя идемъ дальше. Къ четыремъ часамъ дня мы прибываемъ въ Цетинье, съ сознаниемъ полного права на отдыхъ. А. П. еще наканунѣ вернулся, послѣ поѣздки въ Виръ и на острова Скадрскаго озера, привезъ много удачныхъ снимковъ.

Сопровождай здѣсь. Безъ насъ ему было очень скучно. Это, навѣрно, радуется, что мы надвинухъ вернемся въ Далмачію, гдѣ дѣтельность ему подобная не сопряжена съ опасностью для нихъ, благодаря постоянному содѣйствію властей.

Монастырь Св. Саввы

XXXVIII.

СДОХНУЛИ мы въ Цетиньѣ, повидавшись со всеми друзьями, пора и въ обратный путь. Въ назначенный день, насъ будитъ въ четыре часа утра. Шанъ и Милушъ подають экипажъ. Свѣтло совѣтъ, но бѣлый городокъ еще спитъ, его примыкающая пустыня, домики безмолвны. Еще разъ про-

щаемъ съ прѣтелями, вѣдемъ Кое-гдѣ, на главной улицѣ, проестнаются лавочки. Уставые хозяева пѣшихъ выглядываютъ, съ сонными вѣдомъ. Проѣзжаемъ мы, за чертою населеннаго города, мимо строящихся новыхъ домовъ, катимъ среди нивъ Цетиньской равнины.

Вскорѣ начинается подъемъ. Мы миновали село Дубовикъ, останавливаемся впадоуго въ Чекапѣ, откуда открывается видъ на безбрежный океанъ стрыхъ горъ, сливающихся съ горизонтомъ. Словно южны пламяются угрюмыя скалы, рѣдами одна на другой надвигаются кряжей. За Чекапомъ приступаемъ мы къ крутому перевалу черезъ Буковину, величественно строгую. Море скалъ все ниже и ниже стелется подъ нами, въ мрачной окраскѣ демоническаго пейзажа. Тягость подъема вызываетъ въ насъ такое впечатлѣнiе, будто злѣйшая природа насъ отъ себя не отпускаетъ, намѣренно затрудняетъ путь.

На самомъ верху перевала, на поворотѣ, картина внезапно мѣняется.

Мы видимъ обширную, съуживающуюся къ Кретацу, равнину, гдѣ блѣдетъ совѣтъ небольшой городокъ Шугуши, родина княжествующей въ Черногоріи династїи и самого Князя Николая. Скалы здѣсь угрюмы и властно заповѣдали все пространство, зелени немного, но общія очертанїя открываются для насъ картиной прїятны, ласковы. Городокъ живописно расположенъ среди равнины, ячейки окрестныхъ нивъ оживляютъ ландшафтъ.

Портретъ Петра Великаго, хранящійся въ монастырѣ Св. Саввы.

Въ Пльушахъ никакого признака городского оживленія нѣтъ. Домъ, что въ родинѣ
Князя Черногорскій, очень простъ. Онъ мраченъ, какъ все окружающія строенія.

Дерцегова.

Еще версты две, по хорошей ровной дорогѣ, и мы останавливаемся передъ хатою Андрия. Здѣсь должны будутъ отдыхать цѣлый часъ. Андрий радостно насъ встрѣчаетъ и принимается хлопотать о завтракѣ. Мы вернулись къ отправной точкѣ своихъ черногорскихъ впечатлѣній.

Все то, что переживало у насъ, въ послѣднѣе дни, въ душѣ, подлѣ влияемъ здѣшней природы и бытовыхъ картинъ, сливается въ общій потокъ испытанныхъ художественныхъ наслажденій.

Мы обогатили свое прошлое прекрасными воспоминаніями и станемъ ждать съ нетерпѣніемъ того дня, когда намъ можно будетъ вновь посѣтить Черногорію.

Позавтракавъ, мы собираемся въ дорогу. Въ это время передъ домикомъ Андрия останавливается козиска, и выходитъ изъ нея нашъ неизмѣнный спутникъ, салящий за нами изъ Будапешта. Чтобы доставить ему рядъ волненій, мы никому

По дорогѣ въ Дубровникъ.

не сообщают заранее о часе своего отъезда из Петрова, и ему приходится выезжать в дорожку. А здесь повелеть ему придется снова съ нами разгаться, так как мы сейчас подем, а его лошадей необходимо дать отдохнуть. Однако, моль его преследование пресекучило, и я громко говорю, глядя на него:

— Как это можно мне надоесть!

Он молча проходит в хату, съ видом довольно сконфуженным, и садится у окна так, чтобы люди разговоры были ему слышны. Но слышать ему ничего не доводится. Мы уезжаем.

Снова видим мы очаровательный Бокки Которский.

Герцеговина

Быстро катимь мы вниз по диким каньонам этого шоссе, и очертями спускась бухть ежесекундно минаются, словно природа едвинуть покажет намъ все то, чѣмъ она можетъ препастить человека. Мы пересѣкаемъ границу, вступаемъ на австрийскую землю. Черезъ полчаса, за несколько минутъ до полудня, мы прибываемъ въ Которъ, претерпѣваемъ все митарства таможенныхъ формальностей и отправляемъ въ кафе, чтобы тамъ, за стаканомъ лимонада, обсудить дальнейшій маршрутъ. Тамъ же встречаемъ мы поджидающихъ насъ друзей. Узнавъ о пресѣ-

Въездъ въ Херцеговину.

Трентинъ Клайча

дующемъ насъ погонѣ, они немедленно организуютъ надъ нимъ контроль-надзоръ, спариваютъ агентовъ, которымъ поручаютъ дождаться его приезда и узвать, вѣдь ли онъ за нами дальше.

Черезъ полчаса мы получаемъ все нужные свидѣнія. Нашъ спутникъ останавливается въ гостиницѣ и объясняетъ хозяину, что выйдетъ на слѣдующій день, съ приходомъ «Петка», въ Триестъ, а пока онъ здѣсь отдохнеть. Промучили мы его.

«Пускай это именно тотъ пароходъ, съ которымъ собираемся и мы уѣхать. Прощаясь отъ надолжнаго соплатана, мы рѣшаемъ отплыть первоначальный пунктъ, вынужденъ на пристани дождаться, въѣзжаемъ съ багажомъ въ большой баркасъ и, давъ театрамъ прощальную въ Херцеговину, съ просьбою встрѣтить въ Святой Петербургъ, весело отчаливаемъ отъ Которской набережной.

Эпидавр.

XXXIX.

ВЪЗДѢКА на холмѣ по голубой шубѣ Вокки царуетъ своею прелестью. Медленно ездючи вдоль береговъ, analyzing всѣ подробности того, чѣмъ, съ высоты Крестана, можно любоваться илюкуино. По склонамъ прибрежныхъ холмовъ, спускаются къ морю олеандровыя рощи, солнце кактусы выступаютъ яркою зеленью на живописныхъ сѣрыхъ скалахъ, лимонныя террасы благоухаютъ, многогранники танцуютъ за оградой, гдѣ цвѣтутъ вышшіея растенія.

Посты строгой красоты Чернегоріи, насъ превращаетъ заданной ласковой растительности, мягкія очертанія, ифизічныя красны. Здѣсь, гдѣ пролило столько крови и пролилось столько слезъ, чары природы создаютъ обстановку земного рая.

Тихо проходимъ мы мимо Добродѣи и Перчана (Персача), полуопустѣвшихъ поселеній, съ безмолвными дворцами и неостроенными, либо на половину разрушенными храмами. Обширный православный соборъ, давно начатый, уже нѣсколько лѣтъ стоитъ въ Перчанѣ.

недоверчивымъ, за недостаткомъ средствъ и, конечно, за отсутствіемъ взаимнаго сочувствія. За послѣднее время, католичество дѣлаетъ въ Боккѣ болѣе усилій,

Южная Дубровчанскія ворота.

встрѣчая помощь извнѣ... а православіе подкрѣпленій не получаетъ. Вотъ Перасто и Ризано, гдѣ столько красивыхъ заброшенныхъ зданій, гдѣ каждое проявленіе жизни носитъ отпечатокъ медленнаго замиранія. Нѣкогда, Бокка была богата. Пассажире ея славилось своими мореходными качествами, ея парусная флотилія заходила въ дальніе края океановъ. Возникновеніе пароходства разорило мѣстныхъ жителей, которые, парочито не поддѣржаные астріидами въ годину экономического пережома,

оказались не въ силахъ сразу примѣниться къ новымъ условіямъ морской торговли. Подлипки Визна и Будапешта видятъ въ близости края залогъ преуспѣваній своихъ швабма-торекныхъ идеаловъ, искармливаемыхъ уснетіемъ славяности.

На площади, въ Дубровникѣ.

И вездѣ, почти на каждомъ холмѣ, виднѣются формы. Ото всюду выглядываютъ жерла крѣпостныхъ орудій, весь берегъ густо населенъ войсками и кинитъ пиніонами, жакд-лучшими проявленіи своей дѣятельности.

Послѣ двухчасоваго перѣзда, мы причаливаемъ къ пристани Св. Домѣли (San-Domenica), небольшого поселенія, красиво облюпо-наго надъ синею Бокки. Здѣсь насъ ждетъ оканакъ и свидѣніе о томъ, что въ Херсего-нови уже дана изъ Котора телеграмма, извѣ-щающая о нашемъ прѣздѣ и рекомендующая установленіе должнаго надзора. Собственнаны-же наши сограждатѣи прѣдлагаю на свидѣ-нѣи

шій день, съ утреннимъ пароходомъ. И такъ, мы не выходя изъ области внимательнаго о насъ пометеній.

Прекрасна дорога изъ Св. Домѣли въ Херсегонови. Она напоминаетъ Риверу и, конечно, съ годами, затмитъ ее широтѣ, когда вдоль нея вырастутъ курорты. Тутъ климатъ гораздо мягче и теплѣе, нежели на югѣ Франціи, берега Ливоніи. Этому краю предсказываетъ блестящая будущность.

По пути, мы заѣзжаемъ къ давнишнему моему другу, землевладѣльцу Митровичу. Много лѣтъ тому назадъ, онъ отправился въ Америку, нажилъ тамъ болѣе состояніе и, вернувшись на родину, выстроилъ себѣ прекрасный домъ, окруженный отапливаемыми

фруктовыми садами и виноградниками. До полного изнеможения утопаешь в них в ароматах переноски и изобилия, показывается интересная коллекция древнего сербского оружия и к большой нашей радости принимается пить старо-славянские пивы, акомпанируя себя

Дворец Дурђе, въ Дубровникѣ.

на гусляхъ. И ширь русскаго пѣнья сливается къ этимъ звукамъ, и скорбные подтоны восточнаго характера. Слушаемъ и словно по голосу замѣчаемъ родство, сближающее насъ съ сербскимъ народомъ, но затеряннаго на разныхъ путяхъ прохожденія исторической жизни. Грустныя это пѣсноподобныя сложившися подъ наплывомъ воспоминаній о быломъ процвѣтаніи, раздавшіеся впервые послѣ Косовскаго пораженія, рокового отклоненія судьбы за нашу побѣду на Куликовомъ полѣ.

Отодохнувъ, мы продолжаемъ путь.

Друзья вызываютъ насъ на встрѣчу. Пожалуй, они поступили нехорошо. Здѣсь порядки таковы, что слѣдуетъ быть очень осторожнымъ въ выраженіи сочувствія русскимъ людямъ. Второстепенные органы штабной власти отличаются чрезвычайнымъ усердіемъ и, въ дѣлѣ успѣшеніи, охотно проявляютъ большую инициативу, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она ничѣмъ не вызывается.

У монастыря Св. Саввы (Савина) мы оставляемъ экипажа. Отсюда мы пойдемъ пешкомъ.

Саввинскій монастырь, вѣроятно, одна изъ самыхъ предѣстныхъ обителей, существующихъ на землѣ. Расположенный въ тѣни душистой яркой зелени, онъ стоитъ на самомъ красивомъ пунктѣ Которской Бокви, въ мѣстѣ свѣтлѣе разнообразныхъ изрѣженныхъ

видовъ. Здѣсь, лѣтомъ, пребываетъ Которскій епископъ Герасимъ, бодрый и гостеприимный старикъ. Можетъ быть онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ мѣстныхъ православныхъ іерарховъ, къ которымъ былъ бы применимъ вошедшій въ обиходъ французской внутренней политики терминъ «*gaillie*», можетъ быть въ немъ угасаютъ искры протеста противъ претерпѣваемыхъ нами вѣроуниженій,—но, какъ бы то ни было, онъ встрѣчаетъ насъ съ радостью, хлопотливо снабжаетъ порученными братень-каладжеровъ (монахи) и показываетъ своимъ спутникамъ, поощающимъ его впервые, всѣ свои рѣдкости, библиотеку и старинный портретъ Петра Великаго, неискстнаго художника, исполненный съ большимъ мастерствомъ. Онъ говоритъ быстро, по русски, по французски, по итальянски и по нѣмецки, на послѣднемъ языкѣ даже съ особенною охотою. Видно, что онъ очень умный и очень осторожный человѣкъ.

У дворца Домей, въ Дубровникѣ.

Здѣсь онъ лѣтомъ отдыхаетъ и поправляетъ здоровье, несомненно страдающее отъ зимнихъ пребываній въ Которѣ. Когда садится упомянуть, что учрежденіе Которской епархіи, относительно недавнее, вызвано политическими соображеніями, въ цѣляхъ отвлеченія православнаго населенія отъ тяготѣнія къ Петинько, какъ къ духовному православному центру. Но, сколько я могъ убѣдиться, цѣль эта остается недо-стигнутою. Православные обитатели Бокки не перестаютъ

считать высокопреосвященнаго Митрофана своимъ верховнымъ пастыремъ.

Однако темнѣть, заслѣживаться нельзя. Мы прощаемся съ преосвященнымъ Герасимомъ и направляемся въ Херцеговину по красной алясъ каштановыхъ деревьевъ и бѣлыхъ акацій, тинущей высоко надъ берегомъ. Направо чернѣютъ Кривошанскія высоты и зеленѣютъ олеандровыя рощи, нѣлшо тихо плещетъ море, и отовсюду несетъ благоуханіе пригрѣтыхъ за день растений, на всемъ протяжении двадцатиминутнаго пути.

XL.

ХЕРЦЕГОВИНА (Новый, Кастельнуово) расположенъ противъ выхода изъ Бокки въ открытое море. Это очень небольшой городокъ, утопающій въ зелени садовъ, изящно приютившійся на прибрежномъ холмѣ. Его теплый мягкій климатъ и поэтическая прелесть окружающихъ его видовъ несомнѣнно приведутъ къ тому, что онъ затмѣитъ Сорренто и будетъ мѣстомъ всемірнаго стеченія больныхъ и жаждущихъ отдохновенія. Природа дала ему все, но люди еще ничего для него не сдѣлали. Теперешній Херцеговина бѣденъ и не снабженъ условіями курортнаго комфорта. Въ городѣ нѣтъ всего

одна гостиница; хозяйка ее добросовестна и кухня хороша, но размеры ничтожны. Благоустроенных прогулок нѣтъ, магазины торгуютъ лишь предметами первой необходимости, и изобиліе замѣчается только въ австрійскихъ войскахъ. У Херцегови громаднѣе будущее, но настоящее его печально. Во всей Боснѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы съ такою силой, какъ здѣсь, выражались итабскіе приемы управленія: шпіонство, угнетеніе и военно-окупационный характеръ размѣщенія войскъ. И нѣтъ въ Боснѣ пункта, гдѣ бы произведенія австрійской власти вызывали въ населеніи большую ненависть. Этотъ уголокъ земли, незаконно оторванный отъ Герцеговины и давно уже самоуправно приращенный къ далматинской территоріи, много пережилъ на своемъ вѣку кровопролитій и беззаконій. Здѣсь происходили драматическіе моменты борьбы съ турками, съ испанцами, съ венгьянами и съ австрійцами; здѣсь, вмѣстѣ съ сербской кровью, лилась русская кровь и въжовая борьба за независимость привела къ подчиненію мѣстныхъ славянъ тому народу, который никогда не побѣждаетъ, но всегда извлекаетъ выгоды изъ чужой доблести.

Намъ приготовлено превосходное помѣщеніе въ частной квартирѣ. За три громадныя комнаты, меблированныя съ несомнѣнной роскошью (сѣды бывшаго величія владѣльцевъ), съ удивительно-прекрасными видами на всѣ четыре стороны, съ насъ берутъ около трехъ рублей. Вообще, въ Херцеговинѣ все поразительно дешево, кромѣ кучеровъ, любящихъ запрашивать лишнее за поѣздки по окрестностямъ.

Друзья предупреждаютъ насъ, чтобы мы фотографическихъ съемокъ не производили; крѣпостей со всѣхъ сторонъ столько, что, куда ни направь объективъ, тѣмъ самимъ данъ усерднымъ шрамомъ поводъ заподозрить насъ въ чрезмерномъ любопытствѣ по

Дворъ во дворцѣ Джемей, въ Дубровникѣ.

отношении къ ихъ фортамъ. До укрѣпленій намъ нѣтъ никакого дѣла. А изъскозко
внѣшнѣ городка мы все-таки снимаемъ, съ соблюденіемъ должной осторожности.

Дворъ Дубровчанскаго доминиканскаго монастыря.

Ужинать идемъ въ ресторанъ Bella-Vista, на центральной площади, оживленной гуляющимъ людомъ. Труппа странствующихъ чеховъ поетъ сербскія пѣсни. По временамъ, толпа требуетъ исполненія «Онамо», патристическаго пѣсни сочиненія Князя Николая. Но мѣстными властями воспрещено исполненіе этого произведенія. Оно признается опаснымъ. Чтобы уменьшить степень крайности и неподобной мнительности этихъ властей, привожу переводъ стихотворенія, найденнаго мною въ старомъ номерѣ Сербской газеты «Драголюбъ Рабои»:

Туда! Туда! За горы голубыя,
Гдѣ моего владѣтеля была дворянъ!
Тамъ, говорить, сбирался въ дни былые
Нашъ вѣнчанный, юнацкій нашъ соборъ.

Туда! Туда! О, Призрѣнь, слава краи!
Дай мнѣ изгнать побѣду въ твоихъ стѣнахъ.
Меня зоветъ страна мой родины—
И я поиду съ оружіемъ въ рукахъ!

Туда! съ развѣстиемъ парекаго чертога,
Скажу врагу: «отъ крови моего
Прочь ты, чума! скончался долгъ много;
Принца пора мнѣ выплатить его!»

Туда! Туда! За этими горами
Есть, говорят, потупий, свѣтлый край
Съ дивными свѣтлыми стѣнами:
Молитва тамъ душѣ даруетъ рай.

• •

Туда! Туда! За выси тѣ круты,
Гдѣ небо въ сводѣ скругилось голубой!
Туда, туда! Въ долины божьи—
Въ нашу сербскій край мы путь направимъ свой.

• •

Туда! Туда! За этими горами
Насъ кличетъ югъ, герой маститый нашъ.
«Сюда! Ко мнѣ» растоптанный конемъ
Взываетъ онъ, вместе— подлѣ свѣтлый вагъ!»

• •

Туда! Туда!... И на костяхъ турецкихъ
За кости юга сабли иззубримъ
И сталью этихъ сабель молодеческихъ
Оковы обидной раи сокрушимъ.

• •

Туда! Туда!... За этими горами
Гробъ Милорада-героя мы найдемъ...
Тамъ миръ душевный обрѣтется нами
И сербъ же будетъ болѣе рабомъ.

Въ думишкискомъ монастырѣ, въ Дуррѣ.

Очевидно, идея сербской независимости представляется Австрии невыносимой, как проявленіи этой идеи запрещаются швабскими властями.

XLІ.

В ЧЕТЫРЕ часа утра мы разбужены звукомъ сигнальныхъ трубъ. Изъ конца въ конецъ городка горнисты возвышаютъ о торжествѣ австрійскаго шляхетства, удручающаго край ярмомъ сурубаго милитаризма. Этимъ начинается день. Въ казармахъ, возведенныхъ въ началѣ этого столѣтія для русскіхъ войскъ, пробуждается жизнь, и городокъ долженъ проснуться. Звукъ рожка напоминаетъ намъ, что Бокка—австрійскій лагерь и что Херцегови—поднадзорное поселеніе.

Мы встаемъ и идемъ гулять по улицамъ, въ ожиданіи той минуты, когда можно будетъ получить кофе въ ресторанѣ. Мало по малу оживляется базарная площадь. Герцегопцины, Кричоняне и Боккелли приносятъ свои незатѣливые товары. Черногорскихъ каницъ здѣсь уже не видно. Да и не удивительно. Мѣстныя власти считаютъ ношеніе этого головнаго убора едва-ли не призывомъ къ возмущенію. Бывали случаи, что солдаты отнимали каницы у ихъ обладателей, рвали на части инициалы Князя. Н.разумѣется, подобныя случаи

У вѣнныхъ Дубровчанскихъ воротъ, площадь.

приводили къ кровопролитію и арестамъ, къ усиленію мѣръ угнетенія жителей Бокки.

Утро ясно и красно.

Съ террасы Bella-Vista мы любуемся темной громадою отвѣсной стѣны, по которой проложена дорога въ Черногорію. Исполненнымъ символомъ независимаго славинства

Францисканскій монастырь, въ Дубровникѣ.

вырисовывается въ отдаленіи Черная Гора, служащая какъ бы памятникомъ былаго сербскаго могущества и обѣщающая торжество въ грядущемъ.

Въ восемь часовъ утра намъ подаются коляски. Мы ѣдемъ въ Дубровникъ сухимъ путемъ, по отличному пятидесятиверстному шоссе, пролегающему веренищемъ живописныхъ и плодородныхъ долинъ. Это такъ называемый Canale di Ragusa, очаровательная мѣстность съ ласковымъ климатомъ, гнущаеся являясь теплаго Сина моря. Отъ Херцеговины, первымъ веретомъ пути проложены по герцеговинской территоріи, мимо села Тонды и Суторинскихъ холмовъ, затѣмъ мы снова проникаемъ въ Далмачію. Рослые горы, съ суровымъ видомъ, попадаются на встрѣчу. Встрѣчаются женщины съ оригинальнымъ бѣлымъ головнымъ уборомъ, широко прикрывающимъ лицо отъ солнечныхъ лучей, и, кромѣ туземцевъ да солдатъ, никого по дорогѣ не видно. Проѣзда туристовъ нѣтъ. Прелесть природы еще не заманиваетъ сюда толпы. Въ географію globe-trotter'овъ Далмачію еще не включили.

Кипарисы, виноградники, кактусы, олеандры и каштановыя деревья разнообразною зеленью веселятъ взоръ. Безоблачное синее небо такъ ярко, какъ будто оно изъ каждой своей точки не пускаетъ свѣтъ, независимо отъ солнца. Жара разгорается въ жагучій зной, и мы очень этимъ довольны, потому что скоро будемъ на сѣверѣ, гдѣ солнца уже нѣтъ, въ изморози септисбръскихъ дождей.

На подорожь, у трактира Кланца, мы останавливаемся. Нет, перестать, сира предприме-
тожь Кланчъ соорудяетъ камъ завтракъ. Людно въ его табачкѣ. Въ густомъ табачномъ
дыму, молчаливые горы медлѣнно пьютъ
рако, изрѣдка закусаваи стручковымъ пер-
цемъ. Пьющихъ нѣтъ, скорѣе не слышно.

На террасѣ мы проводимъ въ отидѣ
нѣльнѣй часть.

Дальнѣйшій путь приводитъ насъ къ
краю побережья, гдѣ зелень ирче и выресо-
вывается красно насть гладко спией поля.
Показывается старый Рагуза (Ragusa Vecchia),
эффектно расположенная на холмистомъ полу-
островѣ, рѣдко вливающимъ къ море. Тутъ
былъ древній римскій Дидавръ, разрушен-
ный въ седьмомъ столѣтѣ. Остатковъ ста-
рины въ немъ много, но большого интереса
они не представляютъ. Благодаря огеуегенно
заботливости со стороны властей, считаю-
щихъ некое поначение о край перациональ-
нымъ,—все мало мальски цѣнное унесено,
расхищено, а то просто испорчено дождемъ
и плесью. Можно еще развѣдывать стѣны древ-
нихъ банъ и обломки водопровода. Понада-
ются кое-какія надписи. Вотъ и все.

У памятника Гундулича, въ Дубровникѣ.

Во второмъ часу дня, прѣзжаемъ мы въ Дубровникъ.

Снова прельщаетъ насъ этотъ городъ своеобразнымъ характеромъ своимъ, возсозда-
ниемъ впечатлѣній среднѣхъ вѣковъ. Въ немъ все говоритъ о великомъ прошломъ, о
мирномъ кузвѣ красоты, о быломъ процвѣтаніи искусства. Исторіи его написана на его
стѣнахъ, сохранившихъ отпечатокъ тѣхъ столѣтій, когда Дубровникъ соперничалъ съ
Венеціей и носилъ прозвище Славянскихъ Афинъ. Маленькій, словно художественный
конспектъ средневѣковаго, городокъ съ сумрач-
ными входными воротами, подъемными мостами,
старинными укрѣпленіями, дворомъ дождей, со-
боромъ, красивыми частными зданиями,—произ-
водитъ впечатлѣніе воспроизведенія обстановки
жизни въ пятнадцатомъ столѣтѣ. И живущіе въ
костюмѣ далматинцевъ не противорѣчатъ иллю-
зии. Нарушаютъ ее лишь лица вострѣйшихъ солдатъ,
напоминающихъ, что и у исторіи имѣется свои не-
любимости и что въка произраженіи прилези
Дубровникъ къ эпохѣ темнаго гнета и прозвѣ-
на. Отъ прежняго свѣтлаго зрѣлища осталась
небольшая декорация, но сцену заполнили мел-
кія личности, чужаки и недруги. Кажется, что
теченіе столѣтій остановилось въ неподвижной

Улица въ Дубровникѣ.

загруди, у мрачной пещины, гдѣ чистая вода заволакивается отерпительнымъ тономъ.

И сердце сжимается, когда подумаешь о томъ, что просаба не видно.

Дубровникъ, гавань.

Снова идемъ мы по очаровательной дорогѣ, соединяющей Дубровникъ съ Трудомъ, беремъ послѣднюю ласку Далмаціи и садимся, въ Трудѣ, на парохоть, уносящій насъ, по волнамъ Сины моря, къ тому берегу, откуда лежитъ нашъ путь на сѣверъ...

Но мѣръ того, какъ мы удалимся отъ прибрежныхъ горъ, онѣ тускнѣютъ и расплываются въ воздухѣ горизонта, словно заволакиваетъ ихъ туманъ. На нихъ глѣбы, и вспоминаю все то прекрасное, что мнѣ дано было увидѣть и пережить въ этихъ краяхъ. Разнообразныя сцены картинъ сливаются въ общее художественное впечатлѣніе. И все то, о чемъ я теперь вспоминаю, окрашивается печалью, вызываемою мыслью о томъ, сколько страданій выпало на долю жителей этого побережья, этихъ горъ. Славянскою кровью написана исторія здѣшнихъ странъ, славянскими слезами пропитана современная страница этой исторіи. Во имя православія и славяности, мѣстной ерети, несетъ тяжелое бремя. Хочется вѣрить тому, что это лишь временное горе, короткая тѣнь, на поворотѣ отъ одной свѣтлой дороги къ другой. Искрется надежда на будущее. Смутныя упованія рисуютъ картины добрыхъ грядущихъ дней, озаренныхъ торжествомъ южнаго славянства. Не можетъ быть, чтобы великій по мощи своего духа православный народъ, населяющій западный склонъ Балканскаго полуострова, былъ навѣки пріостановленъ на пути къ достиженію цѣлей, ради которыхъ судьба наградила его блестящими качествами. За нимъ должно быть обезпечено мирное развитіе его силъ,

и намъ салудеть надѣяться на то, что не кровопролитіемъ, не возстаніемъ и не дождемъ
будетъ достигнуть этотъ результатъ. Избиточнымъ количествомъ родной намъ крови
испоенъ восточный берегъ Сина моря, и по настоящее время слишкомъ много пало
жертвъ племенной борьбы. Но великіи исторіи могутъ привести къ событіямъ, заверше-
ніе которыхъ обогрится зарекомъ пожара, среди ужасовъ великихъ потрясеній. Тамъ
или инымъ путемъ, для всякаго православнаго славянства наступитъ, надѣюсь, лучший
времена. Можетъ быть, залогъ его счастья лежитъ въ возсоданіи его подъ влады-
чествомъ Петровичей—Шугушей, можетъ быть ходъ историческихъ событій выдвинетъ
другое счастливое разрѣшеніе южно-славянскаго вопроса, но, во всякомъ случаѣ, въра-
къ счастіе будущее нужна.

Цѣль этой книги—дать общую картину условій, которыми сопровождается путеше-
ствие по Далмацин и Черногоріи и, по возможности, доказать русскому читателю, что
посѣщеніе этихъ родственныхъ намъ странъ вовсе не сопряжено ни съ какими затруд-
неніями. Намѣренію, я даю свидѣніи только о тѣхъ мѣстностяхъ, куда поѣхать легко,
гдѣ туристу не приходится видѣть себя лишеннымъ привычныхъ путевыхъ удобствъ.
Мнѣ бы хотѣлось, чтобы мой примѣръ увлекъ другихъ и чтобы возможно большее
число моихъ соотечественниковъ посѣтило Черногорію. Иллюстраціи, которыми снабжена
моя книга, гораздо лучше и полезнѣе, нежели текстъ, вынести прелесть описываемыхъ
краевъ. Дошло мнѣ видѣть Кавказъ, Крымъ, Швейцарію, Ривьеру, Тироль, Сирию, горы
Атласа, Босфоръ, Корфу и почти всю Италію, и я нахожу, что явственнымъ проявленіемъ
красоты въ природѣ любовался и на Черног Горѣ. Споспобными черта патриархальнаго
быта кичества придаютъ путеше-
шествію особенную привлека-
тельность. А тому, кто любитъ
славянство, знакомство съ Дал-
мациею и Черногоріей дастъ
много драгоцѣнныхъ свидѣній.
Налаган свои впечатлѣнія, и
получило касакъ исторіи серб-
скаго народа и вышшихъ
условій его жизни, но сколько
это казалось мнѣ необходимыми
для ясности излагаемыхъ мною
взглядовъ. Не будучи ни исто-
рикомъ, ни политическимъ
писателемъ, и бывъ далеко отъ
мысли представить сводъ сколь-
ко нибудь истинныхъ въ этомъ
отношеніи данныхъ. Моя книга—путевые наброски съ картинками, не болѣе. Если она
подоветъ въ читателю желаніе ознакомиться съ Черногоріей ближе, нежелая это воз-
можно при переизысканіи сборника былыхъ очерковъ, и буду считать свою цѣль до-
стигнутою.

Сверный Дубровникскія ворота.

XLII.

АЗУМБЕТСЯ, достиженіе желаемых мною послѣдствій было бы гораздо легче, напиши я книгу объ Италіи, или о побѣдѣ по Рейну. Мое «У Синя моря» идетъ противъ теченія, установившагося за послѣдніе годы. Вопросы славянства отодвинулись намъ на второй планъ и духъ племенного самосознанія въ насъ потускнѣлъ въ значительной степени.

Охотно твердить о томъ, что мы, прежде всего, должны быть русскими, очевидно подразумѣвая подъ этимъ, что въ подобномъ рѣшеніи надо искать опору нашей національности. Совершенно вѣрно, намъ прежде всего надо быть русскими, т. е. не немцами, не французами, не татарами, не евреями. А для этого

Дубровникъ.

нужно, чтобы мы сознавали свою связь со своимъ прошлымъ, и нашли свое мѣсто въ семьѣ славянскихъ народовъ, не пренебрегли узлами кровнаго и духовнаго родства съ тѣми, которымъ, пока мы крѣпли и развивались въ мощное политическое тѣло, пришлось переживать черное вѣка мѣта. Въ обществѣ мы не уважаемъ людей, отгораживающихся отъ своихъ родственнико-неудачниковъ. И намъ

не сажаетъ походить на такихъ людей.

На путь равнодушнаго отношенія къ славянству толкали насъ, конечно, очень многія обстоятельства.

Западъ упорно объясняетъ намъ, что не въ наши задачи лежать по дорожкѣ къ западу Востокъ, что на насъ возлагается цивилизаторская миссія по отношенію къ народностямъ, которые не только что съ нами, но и вообще-то ни съ какою породою нашей въ родствѣ не состоятъ. Разумѣется, насажденіе русской православной культуры на обширныхъ азіатскихъ пространствахъ не можетъ не быть желательнымъ. Однако, нѣтъ для насъ необходимости забывать при этомъ то, что осмысливается не общими утилитарными соображеніями, но и цѣлями болѣе высокаго свойства. Мнѣ кажется, въ концѣ-концовъ, что въ нашемъ обществѣ слишкомъ много инородцевъ, или что мы слишкомъ легко поддаемся ихъ вліянію, очевидно направленному къ интернационализациі нашихъ взглядовъ. Все это, никто въ томъ не сомнѣвается, очень честное и порочивое инородцы, преданные Россіи, въ подданствѣ которой состоятъ, но было бы странно требовать

отъ нихъ проникновенности по отношению къ нашимъ родовымъ и наслѣдственнымъ идеа-
ламъ. Силою своей бытности среди насъ, они навязываютъ намъ, такъ или иначе, идеалы

По доури въ Грумъ.

благопріобрѣтенные, чуждые намъ. Противъ такого
мнѣнія можно спорить, но безспоренъ тотъ
фактъ, что умственными теченіями провинціи, гдѣ
преобладаетъ безусловно чисто русскій элементъ,
гораздо національнѣе умственныхъ теченій въ
Петербургѣ. Тамъ сильнѣе сознание того, что
мы, русскіе,—славяне, а не какое-то особое
племѣ «серославянъ», которое, расположившись
отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной
Колхиды, призвано создать себѣ специальную
самобытность изъ помеси взаимнопротивополож-
ныхъ элементовъ.

Нельзя впрочемъ отрицать, что наша Имперія, съ первыхъ же годовъ ея возникно-
вѣній приобщенная почти ко всѣмъ крупнымъ политическимъ движеніямъ Европы, не
могла, да и не должна была сосредоточиться исключительно на вопросахъ, имѣющихъ
отношеніе до славянства. Кромѣ обстоятельствъ домашнихъ и семейныхъ, въ жизни
народа играютъ крупную роль событія междуна-
роднаго характера. Россія, развертывавшаяся въ
ширь великой державы, вынуждена была забо-
титься о томъ, чтобы ея могущество соотвѣст-
ствовало ея размѣрамъ. Достигнуто это было
путемъ постоянной бытности на стражѣ нашихъ
интересовъ въ области внешней политики,
причемъ нашей державѣ польза было дробить
свои попеченія между русскими и прочими сла-
вянами. Для блага всего славянства, необходимо
было, чтобы мы сами набрались силъ и завоевали
достойное насъ мѣсто въ сонмѣ великихъ европейскихъ государствъ. Славяне всего міра
могли находить исходную точку для своихъ упованій только въ могущественной Россіи,
занившей твердое положеніе по обѣимъ сторонамъ Уральскаго хребта. Если бы мы отвлек-
лись отъ своей коренной задачи и расходовали свои силы на политическій альтруизмъ,
хотя бы по отношению къ родственнымъ народностямъ, намъ самимъ бы не удалось выра-
ботать свою собственную государственность и оградить себя отъ потрясеній, расшатав-
шихъ почти всѣ государства Европы. Но теперь, когда цѣли наши въ общемъ достиг-
нуты, когда голосъ Россіи громче всѣхъ прочихъ звучитъ въ международномъ хорѣ, мы
должны были бы, въ силу требованій логики, обратиться къ тому, чѣмъ имѣетъ наиболѣе
одухотвориться нашъ успѣхъ. Какъ и уже указывалъ выше, за послѣдніе годы наше пра-
вительство многое сдѣлало для Черногоріи и усвоило себѣ точный взглядъ на значеніе
княжества въ славянскомъ дѣлѣ. Но, въ подобныхъ вопросахъ, необходимо и участіе
общества, необходимо, чтобы оно напоминало о нашемъ близкомъ родствѣ съ сербами,
сербовъ узнало, ознакомилось съ ихъ бытомъ, исторіей и идеалами.

Грумъ.

Отмѣченное выше невѣжество наше къ этому отношенію является фактомъ ненор-
мальнымъ и даже уродливымъ. Невѣжество это тѣмъ болѣе печально, что служитъ поч-
вою для развитія легкомысленныхъ умозаключеній въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ лишь одна

только осведомленность может и привести къ правильнымъ выводамъ. Нѣтъ сомнѣн-
 томъ, что русскіе люди — въ общемъ люди сердечно-чуткіе. Когда они узнаютъ все то,
 что имъ знать слѣдуетъ относительно положенія сербовъ въ Сербіи, когда они ознако-
 мятся съ современнымъ состояніемъ Боснии и Герцеговины и съ нравственнымъ значе-
 ніемъ прекрасной Черногоріи, — поворотъ въ общественномъ мнѣніи создается немедленно
 и естественъ. Никто изъ насъ, разумнее, не желаетъ, чтобы подобный поворотъ принялъ
 характеръ движенія, преобладававшаго послѣдней русско-турецкой войнѣ. Напротивъ,
 каждому изъ насъ ясно, что въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ разрѣшеніи племенныхъ во-
 просовъ, и примѣръ послѣдней Балканской кампаніи въ этомъ смыслѣ достаточно убѣ-
 дителенъ. Не нужно ни добровольцевъ, ни полстрекательства къ возстанію, ни пламен-
 ныхъ воззваній. Требуется лишь дружественно-братское отношеніе къ братьямъ по вѣрѣ
 и крови, близкое ознакомленіе съ ними, приобщеніе ихъ къ нашей семьѣ путемъ уста-
 новленія духовнаго единенія съ нами. Прежде всего, надо положить конецъ теперешнему
 ненормальному положенію, характеризующемуся полнымъ отсутствіемъ взаимныхъ отноше-
 ній между нами и сербами приадриатической полосы. Пусть русскіе начинаютъ навѣщать
 Далмачію и Черногорію ради красоты этихъ краевъ, а дальше сознаніе прочихъ задачъ
 образуется само собою. Не будемъ выѣзжать въ область дипломатическихъ нотъ,
 трактатовъ и канцелярской политики. Для этого, очевидно, требуются особенныя знанія,
 спеціальныя условія. Для насъ же важна не политика, а логика и справедливость. И въ
 эту логику и на эту справедливость должно наталкивать насъ братское чувство по отно-
 шенію къ приадриатическимъ славянамъ. Мнѣ даже кажется, что мы находимся наканунѣ
 событій, когда неумѣстно въ вопросахъ славинства могло бы оказаться сугубо несвое-
 временнымъ.

XLIII.

РУДНО сомнѣваться въ томъ, что Австрія вступила въ періодъ оконча-
 тельнаго разложенія. Происходящія въ вѣнскомъ парламентѣ тяжелыя сцены
 служатъ признакомъ крайняго паденія нравовъ въ средѣ лицъ, призванныхъ
 быть представителями страны въ законодательномъ собраніи. Борьба нѣмец-
 каго и славянскаго элементовъ ведется при совершенно исключительныхъ
 условіяхъ, устрашающихъ возможность говорить о разумной внутренней
 политикѣ и находить хотя бы лишь слѣды патриотизма въ поведеніи вожаковъ славяно-
 фобской партіи. Вопросы, требующіе тщательнаго обсужденія, получаютъ разрѣшеніе
 въ обстановкѣ, ни мало не соответствующей ихъ важности и достоинству. Область зако-
 нотворнаго труда затемняется, для Австріи, сумракомъ фанатическаго эгоизма лишь, без-
 заветно попирающихъ знамя государственности. Нѣмецкая партія не отступаетъ даже
 передъ нарушеніемъ въраноподданничества по отношенію къ Габсбургскому дому, откро-
 висто группируя свои побужденія у ногъ императора Вильгельма и, повидному, пред-
 почитая отложеніе въ пользу Германіи примиренія съ необходимостью видѣть равноправ-
 ныхъ себѣ славянъ. При такихъ условіяхъ, борьба принимаетъ совершенно особенную
 окраску и выступаетъ за предѣлы, намѣчаемые благоразуміемъ и чувствомъ долга.
 Патриотизмъ австрійскихъ враговъ славинства перестаетъ быть законнымъ, приобретаетъ
 значительныя средства къ подкрѣпленію зако-партійныхъ и личныхъ побужденій. Та группа,

которая, въ усвоенной вѣнскимъ правительствомъ системѣ управления, должна была бы играть роль серединой силы, которая признака вдохновлять политику Австріи, — оказывается безпринципной и лишенною истинныхъ нравственныхъ основъ. Отлагая всякую мысль о самолюбіи и всякое попеченіе о собственномъ достоинствѣ, она не останавливается передъ выходками, описаніе которыхъ удивляетъ весь міръ. Въ сущности, австрійскаго нѣмецкаго элемента болѣе нѣтъ: германскимъ сдѣлался онъ, сталъ отчасти и еврейскимъ. Нравственная плѣнь семитизма легко развивается на нѣмецкой почвѣ, и еврейское легче себя за нѣмца выдавать. Итакъ, главной точкой опоры австрійской государственной системы оказывается несостоятельною. Ясно, что въ этомъ обстоятельствѣ содержится угроза для всего внутреннего государственнаго строя Австріи. Домъ, оказавшійся выстроенымъ на пескѣ, неизбежно долженъ разрушиться. Очень возможно, что даровитый императоръ Францъ-Иосифъ съумѣетъ, пока дни его долготы, оградить свое отечество отъ окончательнаго разложенья и что чувства глубокаго уваженія, съ которыми всѣ относятся къ его выдающемуся уму и политическому такту, отсрочатъ еще на относительно долгое время минуту распада Габсбургской монархіи. Но една ли допустима надежда на то, чтобы его преемнику, кто бы онъ ни былъ, удалось быть достойнымъ продолжателемъ его дѣла.

А если принять основаніемъ обсужденія то обстоятельство, что мы находимся наканунѣ происшествій, имѣющихъ занять видное мѣсто въ судьбахъ южнаго славянства, — намъ слѣдуетъ обсудить вопросъ о томъ, что именно, съ русской точки зрѣнія, можетъ считаться желательнымъ исходомъ этихъ событій. Сохраненіе теперешняго положенія, во всей его полнотѣ, во всякомъ случаѣ, невозможно. Оно, по своему исключительному и ненормальному характеру, не можетъ быть продолжительнымъ, образовавшись изъ совокупности репрессивныхъ мѣръ и вызванное постоянною боязнью завтрашняго дня. Окончательное же, откровенно признанное подчиненіе славянъ швабамъ, разумѣется, немислимо. Остается разсмотрѣть, какіе возможны, для южнаго славянства, пути достиженія той или иной степени самостоятельности. Прежде всего, конечно, слѣдуетъ признать желательнымъ, изъ такихъ путей, тотъ, который повлечетъ за собою наименьшія потрясенія, а именно приданіе Австро-Венгріи федеративнаго устройства, обеспечивающаго за славянами полную равноправность, юридическую и фактическую, съ мадьярами и нѣмцами. Только подобнымъ образомъ возможно достигнуть примиренія взаимно враждебныхъ составныхъ частей населенія Австро-Венгріи. Нѣмцы, итальянцы, мадьяры, сербы, хорваты, чехи и т. п. обратятъ на пользу общую тѣ силы, которыя или нынѣ расходуются на соперничество и внутреннюю борьбу. Пожато, такое разрѣшеніе вопроса встрѣтитъ сильное противодѣйствіе со стороны элементовъ, пользующихся въ настоящее время нѣкими преимуществами. Изъ этого противодѣйствія, пожалуй, дастъ собою размахъ, который увлечетъ ихъ за предѣлы справедливой реакціи, чрезмѣрно олюбливъ славянъ.

Во всякомъ случаѣ, Федерация Австро-Венгріи, желательная въ принципѣ, не дастъ на практикѣ хорошихъ результатовъ. Она можетъ привести къ удовлетворительнымъ послѣдствіямъ и послужить къ установленію правильныхъ междуплеменныхъ отношеній лишь подъ условіемъ строгаго соблюденія ея основъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, она въ дѣйствительности окажется лишь новою формою проявленія взаимнаго антагонизма славянъ, мадьяръ, пруссизмовъ и нѣмцевъ. Венгерцы и швабы, не всегда достаточно брезгливые въ дѣлѣ выбора средствъ, очевидно возмущатъ, не вполнѣ законнымъ путемъ, перенѣсь на тѣхъ, которые станутъ опираться исключительно на свои права. Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго періода спокойствія, возобновится борьба. И, въ сущности, ничего въ

томъ удивительнаго не будетъ. Сила вражды находится въ самой сущности составныхъ частей Австро-Венгрии, связуемыхъ исключительно географическимъ единствомъ. Въдъ мадьере, не смотря на то, что положеніе ихъ въ Габсбургской монархіи никакъ не можетъ быть признано второстепеннымъ, мадьере, которые пользуются одинаковыми съ нѣмцами политическими прерогативами, да къ тому же нѣмцы бы полное основаніе считать себя избыточно удовлетворенными возможностью оказывать особо-угнетающее воздѣйствіе на славянъ.—относится къ нѣмецкимъ подданнымъ императора Франца-Иосифа съ глубокою ненавистью. Союзъ Венгрии и Австріи является собою поразительный по своей оригинальности примѣръ политической комбинаціи, регулируемой взаимною враждебностью.

Обстоятельства эти въ достаточной мѣрѣ доказываютъ, что федерація Австро-Венгерской монархіи оказалась бы только паліативомъ и припела бы лишь къ отсрочкѣ окончательныхъ раздоровъ.

Лица, обладающія большою энергіею и крайнею примодисейностью мышленія, видятъ самый простой исходъ изъ нѣгнѣшнѣго тяжелаго и неопредѣленнаго положенія южныхъ австрійскихъ славянъ въ присоединеніи ихъ къ Россіи. Основываясь на томъ, что отъ Кіева до Адріатики не прекращается славянская рѣчь и что отъ Днѣпра до Неретвы блещутъ, на храмахъ, православные кресты, они считаютъ, что для насъ, по отношенію къ Галиции, Славоніи, Босніи, Герцеговинѣ и Далмачи, почва такого присоединенія вполне подготовлена. Несомнѣныя глубокія симпатіи населенія къ Россіи, въ зависимости отъ общности происхожденія и религіи, представляются имъ залогомъ успѣха подобнаго предпріятія, выполнение котораго, по ихъ мнѣнію, могло бы состояться въ ближайшемъ будущемъ столкновеніи съ Австріей.

Разумѣется, на первый взглядъ въ такой перспективѣ много соблазнительнаго. Но поддаться соблазну было бы съ нашей стороны большою ошибкой.

XLIV.

СТАВЛЯЯ въ сторону вопросъ о «столкновеніи», котораго, попадѣмъ, никогда не будетъ, постараемся вообразить себѣ тотъ неукротимый хаосъ, съ какими пришлось бы намъ имѣть дѣло, получи эти предположенія полное осуществленіе. Конечно, южные славяне—наши друзья, наши братья. Они искренно любятъ насъ и сосредоточиваютъ много упованій около могущества Россіи. Но, будучи близкими родственниками, мы росли и развивались въ сторонѣ одинъ отъ другихъ, при условіяхъ едва ли не полного разобщенія. И у нихъ и у насъ создалась своя исторія, сложились свой бытъ, образовалось свое прошлое и получились свои взгляды. Этнологическое единство и общность вѣры являются основаніями нашей дружбы, отираяными точками, отъ которыхъ пошли существенныя развѣтленія пройденныхъ нами путей. Сербская культура (я говорю преимущественно о сербахъ, потому что только по отношенію къ нимъ имѣется у меня нѣкоторая осведомленность) сложилась совершенно иначе, нежели наша. Крупныя потрясенія были пережиты Русью благополучно. Нашествіе татаръ, польское диколѣтіе, самозванцы, великій переломъ начала прошлаго вѣка, сожженіе Москвы,—все эти моменты нашей исторіи, въ той или иной степени ознаменовавшіеся кризисами, не повредили организма нашего

отечества, не сдвинули его съ пути стройнаго развитія его духовнаго бытія. Отечество не переставало быть торжествующимъ осуществляемъ основныхъ началъ своего бытія: православіемъ и самодержавіемъ. Незыблемость этихъ началъ обезпечила за нами правильное передвиженіе по ступенямъ исторіи, послужила прочнымъ основаніемъ для вѣхъ сторонъ нашего бытія и составляетъ коренную черту нашей политической сущности. Многое изъ того, что, на западѣ, успѣло и повытѣся и перегнать, не имѣло, къ счастью, путей проникновенія въ нашу государственную организмъ. И Россіи крѣпко соорудилась особнякомъ, вѣкъ чуждыхъ ей характеру теченій. Совершенно иначе сложилась жизнь сербскаго народа. Съ конца четырнадцатаго столѣтія, съ той именно поры, когда Русь стряхнула съ себя татарское иго, сербы утѣрили свою независимость. Коссовское сраженіе кладетъ начало долгимъ вѣкамъ гнета. Борьба съ этимъ гнетомъ становится главнымъ проявленіемъ сербской жизни, въ основу сербскаго бытія ложится псевдо-вѣковщина, протестъ, тоска по прошлому и жажда возрожденія. Получая особое значеніе реакціи противъ враждебныхъ элементовъ, культура идетъ впередъ быстрыми шагами, снѣжно, безъ согласованія съ тѣмъ, что можно назвать историческимъ темномъ. Отдѣльныя ея фазисы не успѣваютъ много окрѣпнуть, снѣжкомъ быстро чередуются, и не могутъ служить прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшаго движенія впередъ, сообразнаго съ исто-народными чертами. Въ общемъ, создается культура, мало сходная съ нашею, во многомъ проникнутая идеями запада, въ той части ея, которая имѣетъ ближайшее касательство къ внутренней политикѣ. Въ составѣ Австро-Венгерской монархіи, Далмация получаетъ устройство, противорѣчащее основнымъ началамъ нашего внутренняго бытія. А Вѣнградская Сербія переходитъ, внезапно, отъ тяжелаго рабства къ той формѣ псевдо-свободной политической жизни, при которой изъ отдѣльныхъ элементовъ создается торжество пропарливости и шарлатанства. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, полное сліяніе съ Россіей южно-славянскихъ краевъ должно бы повлечь, для жителей этихъ послѣднихъ, отрѣженіе отъ ихъ политическихъ привычекъ, ибо создавать новыя Финляндіи для насъ нѣтъ никакого основанія. Но, въ такомъ случаѣ, мы бы рисковали создать новую Польшу, а при выборѣ изъ двухъ золъ наилучшимъ разрѣшеніемъ вопроса является отказъ отъ обоихъ. Надо помнить, что вѣнскія черты культуры достигли въ сербскомъ интеллигентномъ обществѣ значительной высоты и что это обстоятельство могло бы, въ случаѣ возникновенія чрезмѣрно обрусительныхъ теченій, вызвать и обострить соперничество попой южной окраины съ сѣверомъ. Наконецъ, сторонникамъ территоріальныхъ расширеній слѣдуетъ принять въ соображеніе, что намъ до крайности опасно было бы вытягиваться въ сторону длинною поло-сою Россійской земли. Или ужъ весь Балканскій полуостровъ брать? Это чрезмѣрно сложно, однако.

Иванъ Козловъ

XLV.

ТАКЪ, ни «*statu quo*», ни федерація, ни присоединеніе къ Россіи не могутъ удовлетворить всѣхъ нѣтъ безотечественныхъ сербовъ. Отмѣнять темныя стороны «*statu quo*» вовсе не значить требовать немедленныхъ переменъ. Но, конечно, трудно не считать этихъ переменъ желательными. Самый правильный выходъ изъ теперешняго ненормальнаго положенія заключается, несомненно, въ предоставленіи сербамъ полной самостоятельности, въ созданіи настоящей Сербіи взамѣкъ нынѣшней, родившейся въ Берлинѣ и

Князь Мирко Чернигорскій.

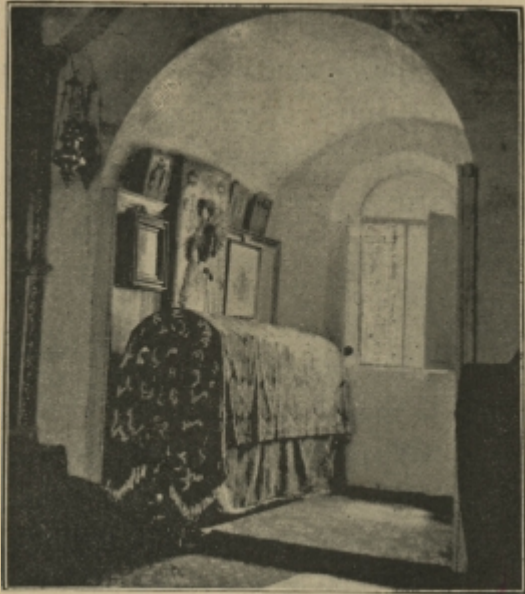
прошедшей курсъ ученія въ Вѣнѣ. Сердцемъ этого государства были бы Боснія и Герцеговина, окраинами его — Черногорія, Далмация, нынѣшнее Королевство. Удивительно легко, скажутъ мнѣ, рѣшить подобные вопросы на бумагѣ. Да, легко. Но очень жалко, что, на дѣлѣ, разрѣшеніе гораздо труднѣе. Во всякомъ случаѣ, ни русскимъ вообще, ни православнымъ въ особенности не пришлось пожимать плечами, когда идетъ рѣчь о способахъ окончательнаго освобожденія и устройства православныхъ славянъ. Только такая Сербія, какъ та, которая здѣсь приблизительно намѣчена, можетъ быть жизнеспособной и политически-логичною. И она когда нибудь, надѣюсь, будетъ такою, потому что теченіе народной жизни никакіи

силы не могутъ удержать внѣ естественнаго русла. Нормальное сербское государство, намѣв дружественное, связанное съ нами узами крови и вѣроисповѣданія, рано или поздно возникнетъ на берегу славянскаго Спнн моря. Намъ остается только желать, чтобы подобный результатъ былъ достигнутъ наименѣе простыми путями, безъ ужасовъ кровопролитія. Мы уже видѣли, что трактаты играли видную роль въ судьбахъ Далмации. То обстоятельство, что эта роль была до сихъ поръ по преимуществу предва, нисколько не устраняетъ возможности разсчитывать на появленіе трактатовъ полезныхъ и разумныхъ. Призваніе дипломатіи заключается въ достиженіи наибольшаго блага при ничтожныхъ пожертвованіяхъ. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ тому, чтобы дипломаты разныхъ странъ объ этомъ помнили. Нѣтъ основанія видѣть въ томъ невозможное.

Передъ княжескимъ выходомъ.

Цѣлокупная, или хотя бы относительно цѣлокупная Сербія приметъ, сѣлоу государственную форму, которая наиболѣе соответствуетъ ей истиннымъ потребно-

Гробница Св. Петра Цетинскаго.

стямъ. Надо надѣяться, что указанія, щедро расточаемыя исторією послѣднихъ лѣтъ, приведутъ ее къ самодержавію, какъ къ формѣ правленія, отвѣдающей некоторымъ идеаламъ православнаго славянства.

Небезнаказанно проигралъ для католицизма его постоянныя стремленія переступить рубѣжь христіанскаго служенія Господу и отрѣшенія отъ житейскихъ попеченій. Латинство, несомнѣнно, обратилось въ крупную политическую силу, но имѣть съ тѣмъ не могло не сойти въ толпу, затокалось въ кутерьмѣ мелкихъ страстей и отошло, такъ сказать, отъ своего первоисточника. Оно глубоко прониклось искусствомъ примѣняться къ обстоятельствамъ, но лишилось той мощи, которою некогда одухотворило событія мировой исторіи. Вѣсело общаго вдохновляю-

щаго начала, у него явились многочисленныя цѣли, идеалы смѣнились идеями, на смѣну релігіознымъ задачамъ выступили соображенія практическаго характера. Католицизмъ пересталъ возвышать души людей и опустился до общественаго уровня. Такимъ образомъ, онъ сталъ неизбежно проникаться условіями времени и мѣста и свое примиряющее начало обратить на примиреніе съ обстоятельствами (я, конечно, говорю здѣсь не о релігіозныхъ воззрѣніяхъ отдѣльныхъ лицъ, а о массовомъ впечатлѣніи... было бы странно отрицать возможность нехристіанскихъ чувствъ въ сердцахъ католиковъ). Поэтому, латинство перестало быть государственнымъ принципомъ и душою той или иной формы правленія. Православіе же, не породившееся съ мелкими политическими страстями, сохранило строгій обликъ первоначальной чистоты, не лишилось общенія съ заплатами, составляющими основу славянства. Оно, несомнѣнно, объединитъ будущую Сербію, которую, тѣмъ самымъ, поставитъ на настоящую дорожку. И примѣры неудачныхъ представительныхъ правительствъ Вѣлграда и Софіи принесутъ, очевидно, пользу.

На селу, въ Червогоріи.

Для всякаго, кто считаетъ вѣрнымъ постановленіе цѣлокупной Сербіи, приобретаетъ преимущественную важность вопросъ о томъ, около какой личности она первоначально сгруппируется и какая династія будетъ призвана къ управленію государствомъ. Въ настоящее время, очевидно, выборъ долженъ сосредоточиться на домахъ Обреновичей и Петровичей-Негумей и, конечно, рѣшиться въ пользу второго. Сынъ близкаго короля

Милана не могъ понятьъ проявить тѣ особенныя качества, которыми сгруппировали бы около него все симпатіи сербства. Относительно же того, что покажетъ будущее и воспользуется ли имъ молодой король для должнаго исправленія своего положенія по вопросамъ южнаго славянства, — никакъ предсказать ничего утѣшительнаго нельзя. Что же касается княжествующей въ Черногоріи династіи и въ особенности личности Князя Николая, то популярность ея на Балканскомъ полуостровѣ исключаетъ возможность сомнѣваться въ томъ, что, если возникнетъ новая Великая Сербія, то власть на нее сойдесть изъ Цетины. Мы также надеемся, что только подъ этимъ условіемъ мыслимо достиженіе вполне желательныхъ результатовъ. Кажется мы такъ... да и все то, о чемъ я теперь пишу, только кажется и, вѣроятно, гораздо больше соответствуетъ моимъ желаніямъ, нежели тому, что скрыто еще въ тайникахъ будущаго. Да и достиженію намѣченныхъ мною цѣлей я ставлю такіе условія, которыя въ значительной мѣрѣ затруднили бы ихъ осуществленіе. Конечно, желательно дойти до блаженныхъ послѣдствій безъ какихъ бы то ни было войнъ, возстаній, кровопролитій. И даже только при этомъ условіи можно о такихъ послѣдствіяхъ мечтать. Но не равносильно ли это надеждѣ на то, что родъ людской иступитъ въ золотой вѣкъ, въ такую эру, когда неایی справедливости приобретутъ значеніе решающаго фактора? Не вѣрнѣе ли было бы думать, что никакихъ счастливыхъ переменъ на берегу Адриатики не иступитъ, что трясина дипломатической лжи окончательно засосетъ Боснію и Герцеговину, что Далмация мало по малу ошвабится, что Черногоріи загрется соединенными усилиями Австріи и Турціи и что звонныя черногорскія пердвѣи позвонятъ ритмъ католическаго колокольнаго боя? Не будемъ ли мы болѣе правы, если остановимся на томъ предположеніи, что будущее радостей южному славянству не принесетъ и что прекрасное Синее море нашихъ родныхъ быднъ станетъ, въ послѣдующихъ тысячелѣтіяхъ, достояніемъ сати и новаго цикла ябмѣдскихъ легендъ?

Сербскій пастухъ.

